

IN THE GLOM DARKNESS OF THE FAR FUTURE THERE IS ONLY WAR!

EXECUTION HOUR

A WARHAMMER 40,000 NOVEL BY GORDON RENNIE

WARHAMMER
40,000

В центре повествования -- судьба военного корабля «Лорд Солар Махариус», его капитана и команды в эпоху сражений за Готический сектор Империи. Сходясь в бою с полчищами Хаоса, «Махариус» одерживает блистательные победы, но битвы становятся все ожесточеннее, враги -- сильнее и коварнее, ибо командует ордами Хаоса не кто иной, как Абaddon, наследник Хоруса.

«Пусть Галактика горит огнем!» -- приказал Хорус. И вот уже десять тысяч лет Абaddon Осквернитель ревностно исполняет последнюю волю притархата-предателя. Проклятые Легионы и чудовищный флот Хаоса атакуют миры Империи с упорством, вселяющим ужас в сердца смертных. Целые миры и звездные системы сражаются и погибают в этой колоссальной битве. Победы и поражения сменяют друг друга, как день и ночь. А теперь в руках Осквернителя оказывается абсолютное оружие -- «Убийца Планет».

- Гордон Ренни
 -
 - Часть первая
 - Часть вторая
 - Часть третья
 - I
 - II
 - III
 - IV
 - V
 - VI
 - VII
 - Часть четвертая
 - Пролог
 - I
 - II
 - III
 - IV
 - V
 - VI
 - VII
 - VIII
 - IX

- X
- XJ
- XJJ
- XJJJ

○ Часть пятая

- J
- JJ
- JJJ
- Jv
- v
- vJ
- vJJ
- vJJJ

○ Эпilog

Гордон Ренни

Час казни

«С глубочайшим
прискорбием я вынужден
констатировать, что многие
летописцы Готической Войны
отнеслись к своим обязанностям
не слишком добросовестно,
дружно описывая пусть и
эпохальные, но и без них хорошо
известные события последних
этапов этого
кровопролитнейшего
вооруженного конфликта. А ведь
и в самом его начале
прозрело немало славных
сражений. Я не принижаю такие
замечательные события, как
героическая оборона Орара
Компелом Бастом или
последний бой в Платее,
обессмертивший имя
тужественного адмирала

Баруса, но о них сказано уже столько, что все новые и новые описания этих битв кажутся лишь глухим эхом того, что было написано о них в первый раз.

Не надеясь разыскать те единственные слова, от которых захватит дух у самого взыскательного читателя, я все-таки дерзну обратиться к некоторым малоизвестным событиям самого страшного этапа Готической Войны, когда уничтожавшие все на своем пути эскадры боевых кораблей Осквернителя застали врасплох Боевой флот Готического Сектора. Хотя описание схваток отдельных кораблей на фоне сражений, невиданных по масштабам со времен Ереси Хоруса, многим покажется нелепым, внимательные исследователи наверняка поймут мой интерес к этим,

казалось бы, несущественным эпизодам по той причине, что в них фигурируют сам Леотен Семпер и его корабль «Лорд Солар Махариус», вписавшие впоследствии славнейшие страницы в историю не только Боевого флота Готического Сектора, но и в анналы флота Сегментума Обскүрүс всего Имперіума...»

Заслуженный
летописец Родриго
Коннигер. «В кляках
смерти и пасти
преисподней.
Замечательные
события войны в
Готическом Секторе.
143-149. М41.»

Часть первая

КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

— Доброй охоты, «Махариус»!

Это были первые слова, прозвучавшие за много часов на капитанском мостике имперского крейсера «Лорд Солар Махариус». Вообще-то на борту кораблей Военно-космического флота никогда не царил мертвая тишина. Их палубы непрерывно грожали от постоянно работающих огромных плазменных двигателей. В их коридорах и отсеках постоянно звучал гул голосов трудившихся в поте лица членов многотысячных экипажей. И все же сейчас на борту «Махариуса» все словно притихло, команды и донесения произносились приглушенным шепотом.

Стоявший в центре мостика капитан Леотен Семпер услышал, как у него за спиной кто-то шаркнул ногой и осторожно откашлялся. Через несколько секунд раздался голос старшего помощника

капитана. Молодой лейтенант говорил негромко, с деланым хладнокровием:

— Нас вызывает «Неутомимый». Прикажете ответить?

Повернувшись к помощнику, Семпер взглянул в аристократические черты его лица.

Лейтенанта звали Хито Уланги. Он был отпрыском знатного рода с Некромунды, и Семпер часто спрашивал себя, почему Уланги оказался на борту простого боевого корабля, ведь здесь не сделать блестящей и стремительной карьеры, о которой мечтают все аристократы.

Подумав об этом, Леотен криво устехнулся: в мрачные времена Раскола молодые и честолюбивые офицеры Военно-космического флота часто подстраивали гибель своих капитанов, чтобы поскорее занять их место.

Впрочем, Семпер тут же отогнал досужие мысли.

— Пожелайте «Неутомимому» удачи и попрощайтесь с ним до новой встречи на Страниваре... Если нам, конечно,

посчастливилось вернуться...

Старший помощник щелкнул каблучками и стал диктовать связистам сообщение на корабль, эскортировавший «Махариус».

Капитан повернулся к иллюминатору. В стекле отражалось лицо, почти ничем не отличающееся от десятков портретов, вывешенных в его родовом поместье на Кипре Мунди: те же резкие суровые черты, те же боевые шрамы, давным-давно заработанные Семпером, когда он, еще молодой офицер, брал на абордаж корабль орков, тот же блестящий мундир офицера Военно-костического флота. Сейчас внимание Леотена привлекали в первую очередь блестящие звезды капитана на воротнике его мундира. Семперы начали служить в Военно-костическом флоте еще до страшных времён Раскола, но нынче самый младший из них — Леотен — сомневался в том, что уцелеет и увидит собственный портрет в родовом поместье.

Покачивая головой, капитан сосредоточился на звездах за стеклом. Его

опытный взгляд очень скоро различил
двигавшуюся среди них маленькую точку.
Это был фрегат «Неутомимый». Вот
точка засветилась ярче. Фрегат
форсировал двигатели и устремился к
разведывательным кораблям,
патрулировавшим окраины звездной
системы Странивар.

Где же были все эти патрульные
корабли, когда сюда сил Хаоса вырвались из
варна и застали большую часть эскадры,
оборонявшей Странивар, беспомощной в
орбитальных доках?! В результате
внезапной атаки две трети кораблей были
уничтожены или тяжело повреждены, но
страшные последствия этого удара стали
ясны чуть позже, когда из всех звездных
систем Готического Сектора начали
поступать сообщения о вероломных
нападениях. Око Ужаса открылось и
извергло вражескую армаду, с которой
теперь и сражался Военный флот
Готического Сектора, чтобы не потерять
весь этот Сектор, Военно-космический
флот должен был как можно скорее
контратаковать, и лорд-адмирал

Равенсбург приказал всем пригодным к боевым действиям кораблям немедленно собраться вместе.

Один «Махариус» не пострадал во время удара по Странивару. Теперь ему было приказано двигаться на соединение с дивизионом эстинцев типа «Кобра» в пустынной звездной системе Долороса, чтобы совместно проследовать оттуда к ударной группе, формировавшейся сейчас в звездной системе Бен-Морр. Там «Махариусу» предстояло принять на борт новейшие штурмовые истребители типа «Фүрия» и «Ястреб», прибывшие на замену устаревшим — типа «Мародер» и «Перехватчик».

Отправляясь в полет, «Махариус» как камень проскользнул между дрейфующими в пространстве корпусами уничтоженных и поврежденных кораблей, совсем недавно охранявших Странивар.

Селпер понимал, что экипаж «Махариуса» сейчас не вполне готов к бою. Конечно, его люди пылали гневом и жаждой мести, но страх был еще сильнее. Команда боялась того, что ждет ее

впереди, боялась потому, что не знала, сумеет ли новый капитан крейсера победить в бою. До «Махариуса» Семпер еще не командовал ни одним кораблем, а масштабы нынешнего вооруженного конфликта, невиданные со времен Ереси Хоруса, вспыхнувшей десять тысяч лет назад, вряд ли обещали ему месяцы спокойной службы, за которые он смог бы привыкнуть к новому судну и его экипажу. Скоро всем им предстояло пройти боевое крещение и сплотиться или погибнуть.

Повернувшись, Семпер увидел, что к нему обращены десятки пар глаз.

– Штурман! – рявкнул он грозным голосом, выработанным не один десяток лет назад в высших военных учебных заведениях на Кипре Мунди. – Когда будет таяк?

– Через час двадцать минут, сэр – положил штурман, ознакомившись с информацией на дисплее.

– Хорошо... – Капитан повернулся к ближайшему связисту. – Сообщите старшему техножрецу Кастаборасу, что переход в варп начнется через час

свадцать минут. Пусть немедленно
начинает подготовку.

Магос Кастаборас отозвался только
через несколько секунд:

— Вас понял... — Его ответ был глух и
невнятен то ли из-за помех на канале
внутренней связи, то ли из-за
аугментических имплантатов, давno
заменивших техножрецу голосовые связки.

Все находившиеся на мостике
подняли глаза на Семпера, когда тот
внезапно заговорил, не дав Кастаборасу
закончить:

— Почтенный магос! Не знаю, как у вас
тут было заведено раньше, но я требую
постоянного присутствия на мостике
старшего техножреца или хотя бы его
первого помощника. Требования Устава
распространяются на весь экипаж
«Махариуса» без исключения. Вы поняли,
что я имею в виду?

— Так точно, — после некоторого
колебания ответил Кастаборас. Теперь в
его голосе даже сквозь помехи слышалось
явное неудовольствие. — Я немедленно
прибыву на мостик.

Несколько офицеров одобрительно закивали. Безукоризненная работа корабельных систем зависела в первую очередь от техножрецов, но у них всегда были напряженные отношения с боевыми офицерами.

Семпер вспомнил слова своего наставника адмирала Хаасена: командовать хотят очень многие, но у корабля может быть лишь один капитан, который должен внушить экипажу необходимость беспрекословного подчинения.

Осмотрев мостик, Семпер остановил взгляд на молчаливых техножрецах, затаившихся за своими пультами, установленными вокруг капитанского кресла.

По бокам находились посты старших офицеров, заведовавших вооружением, навигацией и системами наблюдения. Выше вдоль стен тоже располагались пульта десятков техножрецов и сервиторов, управлявших действиями «Махариуса». Все они беспрестанно возносили молитвы каждой из

бесчисленных частей древнего
механического разума линейного крейсера.

Галереи пультов поднимались
метров на двадцать в высоту, но человек,
которого выспатривал Семпер, стоял на
одном из промежуточных ярусов, с
которого было прекрасно видно все, что
происходит на мостике. Мерцание
ближайших мониторов бросало отсвет на
серебряные черепки, украшавшие его китель.
Семпер отметил, что остальные члены
экипажа сторонятся этого человека.
Разобравшись с мажором Кастаборасом,
капитан «Махариуса» решил теперь же
выяснить отношения еще с одним
несговорчивым членом команды.

-- Комиссар Киоген! -- позвал Семпер. --
Перед выходом в варп я хочу
проинспектировать судно. Не желаете ли
составить мне компанию?.. Господин
Улантис, вы пошли. Принимайте
командование «Махариусом» на себя!..

Зловещее, похожее на стрелу судно
под названием «Тлетворный» дрейфовало
рядом с еще горящим корпусом эстинца

тина «Кобра». От остальных трех эстинцев остались только облака перегретого газа.

На мостике «Тлетворного» было темно. У капитана корабля давно сгнили веки, а потому он не переносил яркого света. Впрочем, свет не требовался и подавляющей части его экипажа.

«Тлетворным» командовал Хендрик Морроу — некогда прославленный боевой офицер Боевого флота Готического Сектора. Проведя лагонью с ошметками разлагающейся кожи по монитору, на котором отражалась информация о прошедшем сражении, Морроу довольно хмыкнул. Все сложилось как нельзя лучше!...

Внутри горящего эстинца еще оставался воздух. Теперь он вырывался в костическое пространство языками пламени. Приблизившись к растерзанному кораблю, Морроу хотел было устроить по нему учебные стрельбы, но системы наблюдения оповестили его о том, что в загерметизированных отсеках еще находятся живые люди.

Узнав об этом, Хендрик кровожадно
устехнулся и приказал десантировать на
борт эстинца специально выведенных для
этих целей монстров.

Полусгнившее тело не позволило
капитану «Тлетворного» лично
отправиться за добычей. Ему пришлось
довольствоваться изображением,
передаваемым на монитор командного
пультa, и наслаждаться воплями
обреченных людишек, которых ловили и
разрывали на куски посланные им твари.

Хендрик приказал доставить
нескольких человек живыми. Оказавшись в
лапах ревностного хирурга-гознавателя,
эти люди сразу пожалеют о том, что их
не убили вместе с остальными. Подумав об
этом, капитан вновь кровожадно
устехнулся.

Как раз в этот момент за его спиной
послышалось знакомое шарканье. Тело
Морроу уже давно приросло к
капитанскому креслу, и теперь
спиралевидные щупальца соединяли
капитана с демоническим мозгом
подвергшегося страшным

трансформациям корабля. Однако Хендрику не нужно было поворачиваться, он по звуку шагов узнал хирурга-гнозавателя Агольфа Торка.

Торк остановился за спиной капитана, уже почувшего его зловонное дыхание даже сквозь отбратительный шпирит, пропитавший все отсеки судна. В глубине души Морроу был рад тому, что не может увидеть своего старого боевого товарища. Плоть Агольфа мутировала столь ужасно, что теперь на него было противно смотреть даже самым жутким чудовищам на «Тлетворном».

— Ты позабавился с пленными? — спросил Морроу.

— Я испытал невыразимое наслаждение, — прошепелявил хирург-гнозаватель. Его раздвоенный язык извивался меж полуогнившими губами, отчего Торк уже почти не владел человеческой речью. — А один из них даже сообщил мне кое-что очень важное. Эти корабли вовсе не перезаряжали здесь варп-двигатели, как мы сначала думали. Они поджигали здесь имперский крейсер.

Морроу возбужденно заерзал в кресле. Его дыхание участилось. Он жадно втягивал ноздрями множество скверных запахов и испарений боевых систем «Тлетворного». Прошедшему сотням сражений капитану эта угущливая воня казалась ароматным предвестником новых побед.

-- Какой корабль они ждали?

-- «Лорд С-солар Мах-хариус», -- с трудом выговорил Торк, привыкший изъясняться на гуалектах Хаоса и запнувшийся на имени одного из величайших героев Империи Человечества.

-- «Махариус»?.. -- откинувшись в кресле, пробормотал Морроу и задумался.

Он с трудом припоминал, что ему приходилось сражаться в скоплении Озириса с фраальскими рейдерами бок о бок с кораблем, вроде бы носившим такое же название. «Тлетворный» тогда назывался «Мстителем», а «Махариусом» командовал Рутгер Яго. По стандартному летоисчислению, принятому в Империи, это было шестьсот с лишним лет назад. С

тех пор утекло очень много воды, и нынешний капитан «Махариуса» явно не чета опытнейшему и искуснейшему Морроу...

— Где записи вопросов пленных?

— Желаете развлечься их простотром? Вот они! — прошипел Торк, протягивая когтистую лапу с кристаллическим диском, залепанным человеческой кровью.

Пульт управления с жадным хлопанием поглотил информационное устройство. Морроу приготовился насладиться сценами пыток, а заодно и обдумать, как лучше подкараулить и уничтожить «Махариус».

Леотен Семпер почувствовал, как заболела голова. Она начинала болеть у всех членов экипажей всех костических кораблей во время подготовки к переходу в Варп. Виной тому были мощнейшие волны псионической энергии, захлестнувшие судно.

Вокруг кипели последние приготовления. В святилищах машинных

отделений «Махариуса» техножрецы
заклинали варп-двигатели. По всему
кораблю распространился запах
благговоний. Уповедники ходили по
отсекам, благословляя экипаж, которому
предстояло форсировать кишачее
демонами пространство.

Семпер и комиссар Киоген взошли на
мостик, возвышающийся над гигантским
орудийным отсеком правого борта. Внизу
в поте лица трудились сотни матросов.
Артиллеристы выкатывали по рельсам на
огневые позиции внушительные орудия,
другие крутили огромные лебедки,
опускавшие на иллюминаторы броневые
щиты.

Капитан покосился на стоявшего в
задумчивости Кобу Киогена. Комиссар был
два с лишним метра ростом. Вся его
форма — до блеска начищенные высокие
сапоги, кожаная кобура с пистолетом,
черный китель с блестящими пуговицами
в виде черепов и фуражка с высокой
тульей, украшенная золотыми лавровыми
листьями и имперским орлом, — должна
была наводить на команду благоговейный

страх. Но и без нее гюжий комиссар выглядел бы весьма внушительно.

Семпер оглядел ряд наград на груди Киогена и сразу заметил среди них усыпанную бриллиантами ярко-красную ленточку ордена Готической Звезды. Такая же красовалась и на кителе самого капитана. Кожа на лице комиссара была опалена раскаленной плазмой. Правая половина его рта застыла в вечном оскале, в котором Семпер тут же узнал, результатом поспешной пересадки кожи в полевых условиях.

«Он гордится боевыми наградами и ширатами, -- подумал Леотен, -- парень явно не робкого десятка, но насколько ему можно доверять?»

-- Ну и что вы обо всем этом думаете, комиссар? -- спросил Семпер, указывая на копошившихся внизу матросов. -- Как вы оцените этот корабль и его экипаж?

-- Пог вашей командой отличные офицеры и старшины, но среди матросов слишком много необученных рекрутов, еще ни разу не бывавших в варпе, в том числе почти насильно завербованных

преступников. Впрочем, в первом же сражении они пожалеют, что не остались на каторге...

Приятно пораженный откровенностью собеседника, Семпер кивнул. В его душе затеплился огонек надежды на то, что комиссар окажется полезным членом экипажа, а не очередным болваном из Схола Прогениум.

— А что вы думаете о новом капитане «Махариуса»?

— Судя по вашему послужному списку, — невозмутимым тоном произнес Киоген, — вы очень способный офицер. У меня нет оснований оспаривать решение адмирала Хаасена повысить вас до должности командира боевого корабля...

В этот момент внизу раздался короткий душераздирающий вопль. Один из артиллеристов споткнулся и попал под огромное колесо катившегося на боевую позицию орудия. Киоген сделал вид, словно ничего не заметил.

— Вы прекрасно зарекомендовали себя во время нападения на Странивар, — продолжал он, — но ввиду того, что вы все-

таки недостаточно опытные, у меня остаются некоторые сомнения в том, что вы справитесь с командованием таким огромным кораблем. Особенно перед лицом страшной угрозы, нависшей сейчас над Боевым флотом Готического Сектора.

«Пятнадцать минут до точки перехода», — прозвучал механический голос из динамиков громкой связи, и Киоген стал нетерпеливо перетинаться с ноги на ногу, явно желая удалиться по своим делам.

— Последний вопрос, — поспешно произнес Леотен, заметив нетерпение комиссара. — Кого вы назначите капитаном, если я погибну или буду тяжело ранен?

При этом Семпер не стал лишним раз напоминать Киогену о том, что тот имеет полное право расстрелять капитана «Махариуса» без суда и следствия, если сочтет его пренебрегшим своими обязанностями или не выполнившим свой долг.

— По Уставу ваше место должен занять старший помощник лейтенанта Уланги. — Произнося имя старшего

помощника, Киоген ощерился еще страшнее. -- Однако, несмотря на аристократическое происхождение, в глазах остальных офицеров он все равно лишь выскочка с Некромунды. Они не станут ему повиноваться. Его место на нижней палубе с остальным сбродом.

-- Так кого же вы назначите вместо меня? -- не моргнув глазом, спросил Семпер.

-- Самого себя. В случае вашей гибели мной долг -- принять на себя командование кораблем... Если у вас ко мне больше нет вопросов, я, пожалуй, отправлюсь посмотреть, как идет процесс подготовки к переходу.

С этими словами комиссар Киоген браво отдал честь и зашагал прочь, оставив капитана «Махариуса» размышлять о человеке, имеющем право распоряжаться его жизнью и смертью.

Стоя на оружейной палубе, Максим Боруса, задрав голову, смотрел на двоику офицеров, пока его не пнул Тоголь.

-- Работать, Боруса! Работать! Иначе я доделаю то, что не сделали с

тобой на Лубянке! -- равкнул старший по
расчету и на всякий случай влепил
рекруту еще одну затрепщину.

Максим поспешил к остальным
матросам, толкавшим по рельсам лафет
огромного орудия. Он поторщился,
вспоминая о том, как, еще будучи
главарем банды, Тоголь исполосовал ему
спину раскаленным ножом. Тогда Боруса
почастливилось унести ноги. Теперь же
он проклинал судьбу, через столько лет
вновь сведущую его с Тоголем: не успел
Максим оказаться на «Махариуса», как
тут же попал под начало злорадного
бандита.

Максим родился в нищих подземных
кварталах города-улья на Страниваре. Он
выжил даже на Лубянке -- спутнике-
тюрьме этой планеты. Но теперь Боруса
сильно сомневался в том, что Тоголь
оставит его в живых на борту
«Махариуса».

-- О дух Бога-Машины! -- монотонно
забубнил из-под металлической маски
тагос Кастаборас. -- Заклинаю тебя!

Включи по моей команде варп-двигатели!

Труднейшую задачу провода корабля через точку перехода поручали только самому главному судовому техножрецу. Только он знал нужные заклинания и верный код Тетраграммона — истинное тайное имя той ипостаси Бога-Машины, которая управляла всеми системами «Махариуса». Включить варп-двигатели можно было, только взывая к этому имени.

Облаченный в сверкающие одежды магос Кастаборас замер на мостике в окружении остальных техножрецов и ждал сигнала капитана, чтобы завершить ритуал.

— Пять, четыре, три, два, один. Пошел!

По команде магоса энергия невероятной мощности, таившаяся до тех пор в недрах реакторов корабля, хлынула в варп-двигатели. «Махариус» разорвал нити привычного мира. От яростных бурь, бушевавших в варпе, крейсер и его экипаж защищало теперь только поле Теллера — похожий на слезинку пузырек обычной действительности, содрогавшийся вместе

с «Махариусом» под ударати обрүшившейся на него энергии.

Новобранцы забились в самые темные углы и скулили от ужаса. Их завывания перетешивались с монотонными заклинаниями, которые бормотали более опытные члены команды. Исповедники и тлащие комиссары в сопровождении вооруженных гробовикати тичманов расхаживали по палубам, убеждая экипаж «Махариуса» в том, что Бог-Император не оставит их в трудный час. При этом они тщательно осматривали каждого, старательно отыскивая признаки безумия, которые свидетельствовали бы о том, что в разум и души людей вселились демоны Хаоса.

Магос отошел от пульты управления и молча кивнул капитану в знак того, что сделал свое дело и передает судьбу боевого корабля в руки его командира.

Главный навигатор «Махариуса» Солон Кассандр сидел в своей бронированной каюте, охраняемой фанатично преданными гвардейцами. Без

разрешения навигатора эти солдаты не
пустили бы в нее даже самого капитана.
Прикрыв веки, Кассандр снял повязку,
скрывавшую третий глаз, расположенный в
центре лба.

Устремив таинственное око в сердце
неистовствующей вокруг «Махариуса»
буря, Кассандр увидел свой корабль. Ближе
к корме находилось машинное отделение,
составлявшее около трети длины
трехкилометрового крейсера. Судно
ощетинилось орудийными башнями,
наблюдательными рубками и вышками,
батареями антенн и другими
настройками самой причудливой формы.
По обоим бортам, рядом с главными
орудийными батареями, располагались
вереницы ангаров, в которых скрывалось
множество костических истребителей и
штурмовиков. Закованный в
многометровую броню нос корабля был
похож на бивень доисторического
животного и предназначался для таранных
ударов. Около тарана ожидало своего часа
еще одно смертоносное оружие
«Махариуса» — шесть торпедных

аппаратов, стреляющих
тридцатиметровыми плазменными
торпедами.

Крейсер был прекрасно вооружен и защищен, но Кассандр понимал, что судно — всего лишь яичная скорлупка по сравнению с самой ничтожной частью сил, бьющих вокруг него. Навигатор встрепенулся, отогнал посторонние мысли, сосредоточил внутренний взор на том, что лежало впереди, и мысленно проложил самый безопасный путь среди водоворотов варна. Следующие несколько дней все приказы Кассандра будут передаваться на мостик «Махариуса» и немедленно исполняться — управление крейсером примет на себя навигатор.

Затерев на мостике, Семпер заворочено смотрел на непрерывно меняющиеся энергетические потоки варна, выводимые в электронном виде на оперативные дисплеи. Навигаторы утверждали, что читают в этих потоках будущее. Теперь и наблюдавший за ними Семпер гадал, какая судьба уготована

кораблям Боевого флота Готического Сектора и их экипажам.

«Доброй охоты!» — так по традиции провожали уходящие на патрулирование суда Военно-космического флота. Этим же приветствием они обменивались при случайной встрече в варпе. Теперь, когда из Ока Ужаса ринулись эскадры Абaddonа, внезапно атаковавшие и уничтожившие уже с десятков военно-космических баз, Леотен Семпер серьезно задумался о том, кто в предстоящих схватках будет охотником, а кто — добычей.

«Тлетворный» дрейфовал на волнах солнечного ветра. Казалось, команда покинула неподвижный корабль, двигатели которого работали на самой малой мощности, чтобы почти не оставлять следов в космическом пространстве. Капитан Морроу, неразрывно связанный с дремлющими системами своего корабля, тоже впал в оцепенение и не сразу заметил подошедшего навигатора. Тот зашипел на ухо Хендрику, слизывая гной, сочащийся из язв на своем лице:

— Прошу прощения, капитан, но...

— Затолчи! — прервал его Морроу. — Я все чувствую не хуже тебя. Силы варна уже предупредили меня. Добыча совсем рядом!

С этими словами Хендрик откинулся в кресле, предвкушая грядущую схватку.

На окраине звездной системы Долороса внезапно возникло новое маленькое солнце, вспыхнувшее ярче местного светила. В брешь между измерениями хлынули волны энергии. В космическом пространстве появился огромный, трехкилометровый корабль. Перегруженные пустотные щиты судна с трудом сдерживали свирепствующие вокруг него силы. Крейсер Военно-космического флота «Лорд Солар Махариус» успешно форсировал варн.

Предоставив жрецам Бога-Машины и исповедникам возносить благодарственные молитвы, Леотен Семпер поспешил занять капитанское кресло. Сразу после выхода из варна боевой корабль оказывался очень уязвимым. Для стабилизации варн-двигателей требовалось время, а

колоссальный выброс энергии, который сопровождалось возвращением в материальный мир, оповещал о появлении сущна почти всю систему.

-- Штурманы! -- рявкнул Семпер. -- Определить координаты и проложить курс! Найти и связаться с дивизионом эстинцев. Немедленно докладывать при обнаружении неизвестных сущов... Поднять с иллюминаторов защитные экраны и приготовиться к бою!

Офицеры поспешили занять места по боевому расписанию, и вскоре от них посылались доклады.

-- Мы в системе Долороса. Отклонились от намеченной точки выхода не более чем на десять и три десятых пункта! -- доложили штурманы.

Услышав об этом, Семпер решил объявить навигатору благодарность. Обычно корабли отклонялись от предполагаемой точки выхода пунктов на тридцать, а то и больше.

-- Зафиксированы мощные помехи. Скорее всего это остатки энергии, образовавшиеся при выходе из варпа.

Дивизион эстинцев в точке намеченной встречи не обнаружен, -- доложили наблюдатели.

-- На наши сигналы никто не отвечает. На обычных частотах -- мертвая тишина! -- отпортовали связисты.

Семпер уставился на россыпи звезд за стеклом иллюминатора и подумал, что благодаря мощному оптическому увеличению он должен был бы сейчас видеть невооруженным глазом эстинцев, которых предстояло эскортировать «Махариус».

Куда же они подевались?!

В нескольких тысячах километров за кормой «Махариуса» крался «Тлетворный». По всем системам крейсера сил Хаоса заструилась энергия, корабль медленно оживал, а Хендрик Морроу с трудом сдерживал грозь нетерпения при виде яркой точки, обозначающей цель на дисплее монитора.

-- Курс не менять. Увеличить скорость на две десятых единицы.

Держитесь точно за кортой противника. Здесь он нас не заметит. Привести в боевую готовность носовые орудия и лазерные батареи. Без моей команды пустотные щиты не включать!

Точка на дисплее светилась все ярче. Морроу прекрасно умел прятаться в излучении, исходящем от кортовых двигателей только что возникшего из варпа корабля, чтобы скрытно приблизиться к нему на расстояние артиллерийского выстрела. «Тлетворный» мог одним залпом вывести из строя двигатели ничего не подозревающего противника. Потом имперский крейсер можно будет взять на абордаж! Представив себе капитана вражеского судна среди своих пленников, Морроу злорадно устехнулся. Он уже отдал соответствующий приказ хирургу-гнозавателю Торку, и тот знал, что нужно делать с командиром имперского крейсера, если у того хватит глупости упасть в лапы к Морроу живым.

-- Обнаружен странный объект! --

монотонно загудел один из сервиторов-наблюдателей.

— Что именно? — поспешил спросить Семпер.

Все офицеры бросились к приборам, понимая, что капитан желает слышать человеческий голос, а не бездушный электронный гул механизмов, обслуживавших многочисленные системы наблюдения на капитанском мостике. Хито Уланги первым наклонился над монитором и восторжился в мелькавшие на нем значки.

— За нами все еще тянется энергетический шлейф. Видно очень плохо, но, судя по всему, в пятнадцати-двадцати тысячах километров прямо за нашей кормой что-то есть. Не исключено, что это корабль! И он приближается!

— На штурвале — лево руля! — тут же воскликнул Семпер. — Внимание! Экстренный выброс плазмы из реакторов левого борта.

— Цель уходит влево! Зафиксирован энергетический выброс! — прохрипел

похожий на жабу рүлевой «Тлетворного».

— Нас заметили, — выругавшись, прорычал Морроу. — Носовые орудия к бою! Как только будут готовы — огонь!

— А наши щиты? Без щитов нас... — взвыл один из техножрецов, но не успел договорить: повинувась раздраженному жесту Морроу, один из его телохранителей снес голову завопившему еретику одним ударом меча.

— Некогда! — рявкнул капитан «Тлетворного». — Наводите носовые орудия и открывайте огонь!

«Махариус» разворачивался. Из шлюзов его левого борта в пространстве вырывались облака раскаленных плазменных газов. Они дезориентировали системы наведения «Тлетворного», и первые залпы прошли пустоту.

— Активировать щиты! — командовал Морроу, понимая, что спустя секунду «Махариус» откроет огонь из орудий левого борта, а к пустотным щитам «Тлетворного» еще не поступило достаточно энергии. Впрочем, на столь

большом расстоянии корабль Хендрика получил лишь незначительные повреждения.

Наконец, щиты заработали в полную силу, и Морроу с облегчением откинулся в кресле, думая о находчивости противника с невольным уважением. Сражение обещало быть не только кровопролитным, но и увлекательным.

Семпер следил за перемещающимися по монитору значками, обозначающими, что противник отступает. После обмена первыми залпами корабли разошлись, чтобы занять выгодные позиции для следующей атаки. Тем временем следовало выяснить, с кем «Махариус» имеет дело.

– Попробуйте определить, что это за корабль! Тип и название! – приказал Леотен.

Старший офицер склонился над пультом, изучая данные, выуженные из архивной базы «Махариуса».

– Это тяжелый крейсер типа «Гадес». Его идентификационный код изменен, но в нем можно узнать старый

идентификационный код боевых кораблей
Сегментума Обскүрүс Имперіума. Сейчас
попробует определить... Клянусь именем
Вандира! Это «Мститель»!

На капитанском мостике раздался
удивленные возгласы.

— Капитан! Корабль противника
вызывает нас! Его командир желает с
вами говорить! — воскликнул молодой
офицер.

— Включить громкую связь! —
приказал Семпер и, заметив, что Кюоген
растегнул кобүрү, с улыбкой добавил: —
Не волнуйтесь, комиссар. А вдруг
противник хочет сдаться в плен?

Несмотря на помехи, искажавшие
сигнал, пролетевший десятки тысяч
километров от корабля к кораблю, голос,
раздавшийся на капитанском мостике
«Махариүса», звучал жутко. Казалось,
говорит труп, с трудом ворочающий
полурасложившимся языком.

— Примите мои поздравления,
капитан. Уже несколько сотен лет я не
видел, чтобы кто-нибудь так ловко
выполнил маневр Иммермана.

— Я капитан Военно-космического флота Леотен Семпер, командир крейсера «Лорд Солар Махариус» — заявил Семпер. — С кем я говорю?

— Жаль, что вы меня не видите, капитан, — с булькающим стехом ответил собеседник. — Вы наверняка лицезрели мои портреты и бюсты в Порт-Моу!.. Впрочем, вряд ли вы меня теперь узнали бы... Я капитан Хендрик Морроу, командир корабля, носившего некогда название «Мститель».

— Не может быть! — отрезал Семпер. — Морроу и его экипаж погибли в варне при подавлении мятежа Блая шестьсот лет назад.

— Погибли? — прохрипел Морроу. — Да, так вам, наверное, показалось... Нам тоже показалось, что мы навеки канули в небытие. Многие из нас лишились рассудка и умерли, но остальные нашли спасение, припав к стопам того, кто неизмеримо сильнее этой вашей тьмы, восседающей на Золотом Троне! Теперь мой корабль именуется «Слетворный», и мы преданно служим Повелителю, спасшему нас в варне

и преобразовавшему нас по своему образу и подобию.

Наблюдая за светящейся точкой на мониторе, обозначающей позицию «Махариуса», Морроу еще с минуты прислушивался к шипению помех на канале звуковой связи.

-- Они отключились! -- дoloжило одно из существ, копошившихся на мостике «Слетворного». -- Корабль противника меняет курс. Он хочет от нас оторваться.

-- Пусть попробует! -- прохрипел разлагающийся Морроу. -- Далеко им не уйти. Полный вперед! Мы перехватим их, когда они попробуют скрыться в варне!

-- Ну и что вы обо всем этом думаете? -- спросил Семпер у собравшихся вокруг него старших офицеров. Капитан понимал, что некоторые из них могут устотреть в его не совсем обычной тактике признаки слабости.

Первым заговорил невозмутимый старший артиллерист Рилус Найгер, больше остальных прослуживший на

«Махариусе».

— У нас на борту нет штурмовиков. Даже со всеми эскадрильями наших «Астребов», крейсер типа «Гадес» все равно превосходит нас по огневой мощи. Считаю правильным ваше решение оторваться от более сильного противника.

Почти все остальные офицеры одобрительно закивали. Не выразил одобрения лишь старший помощник капитана.

— А вы что думаете, господин Улантис? — спросил его Семпер.

— Прошу прощения, но, если это действительно «Мститель», а командует им и правда Морроу, опасность еще не миновала, — заявил молодой лейтенант. Собравшись с мыслями, он решительно взглянул прямо в глаза своему командиру.

— Труд Морроу о тактике космического боя до сих пор изучают в Военно-космической академии. Всем известно, каким опасным и упорным противником он был. Его неутраченная погоня за крейсером эльдаров «Оборотень» стала легендой. Вряд ли он так легко

оставит нас в покое. Боюсь, Морроу
может напасть на нас в варпе. Известно,
что демоны, командующие бывшими
имперскими кораблями, попавшими в лапы
противника, ориентируются в
Ультатериуме лучше наших самых
выдающихся навигаторов. Будь перед нами
любой другой корабль, я не сомневался бы,
что мы сможем уйти от него, но ведь мы
имеем дело с самим Морроу!

Офицеры ждали ответа Семпера, но
отношения их капитана к мнению своего
старшего помощника никто так и не
узнал, потому что в этот момент
раздался голос сигнальщика:

— Вижу цель! Противник нас
обнаружил! Он открыл огонь!..

Прошло три дня с момента первого
столкновения с «Тлетворным» в системе
Долороса. И все это время «Махариус»
тщетно пытался оторваться от
преследования.

Имперский крейсер нырнул в варп, но,
как и предсказывал Улантис, даже среди
варп-штормов не смог уйти от

управляемого демонами корабля сил Хаоса. Снова и снова наливший из всех орудий «Тлетворный» возникал в завихрениях энергетических бурь, и «Махариусу» приходилось спешно выныривать между звездными системами. Морроу же или гонялся за ним, не давая имперскому крейсеру времени на то, чтобы перезарядить варп-двигатели, или подкарауливал прямо в варпе, с нечеловеческой ловкостью маневрируя среди его непостоянных течений.

Леотен Селпер все больше мрачнел. Он понимал, что теперь все решает не огневая мощь, а мощность двигателей и стойкость экипажей. «Махариусу» приходилось очень тяжело. Его системы и команда трудились на пределе возможностей, которые могли иссякнуть во время любого из следующих переходов между пространствами.

Вот и теперь «Тлетворный» вновь возник из беспорядочных завихрений энергии, среди которых скрывался до сего момента. Хотя иллюминаторы на капитанском мостике и были закрыты

бронированными щитами, Семпер хорошо представлял себе, как вражеское судно скользит к «Махариусу», разрезая пространство акульим плавником высокой, узкой котандной рубкой, и наводит на крейсер орудия своих батарей. «Тлетворный» дал первый залп, и корпус «Махариуса» согрознулся от разрывов. С закрытыми иллюминаторами и выключенными ради экономии энергии дисплеями капитанский мостик «Махариуса» походил на бомбоубежище, трясащееся от рвущихся снарядов.

— Они пробili силовые щиты правого борта, — не глядя на приборы, заявил Ритус Найгер, за долгие годы боевой службы научившийся чувствовать судно всем своим существом. — Это не страшно, но, кажется, вышло из строя, по меньшей мере, одно орудие.

Через минуту слова Найгера подтвердило поступившее донесение. Правда, в нем ничего не говорилось о сотнях убитых и раненых, о лазерных лучах и струях раскаленной плазмы, пробивших толстую броню «Махариуса».

По приказу Семпера крейсер навел на противника уцелевшие орудия правого борта, и ожесточенная дуэль началась. Бои в варпе отличались особой яростью. Сам Умлатериум настолько снижал возможности систем наведения и слежения, что кораблям приходилось сражаться на дистанции всего лишь нескольких сотен, а не десятков тысяч километров, как это обычно бывало. Орудия обеих кораблей вели безлый огонь, и в пространстве между ними бушевало такое количество энергии, которое способно было стереть с лица планеты крупный город.

Поврежденные щиты вспыхивали на дисплеях ярко-красными точками. Оба крейсера содрогались от прямых попаданий.

-- Внимание! Энергетические системы вышли из строя! -- воскликнул один из техножрецов, и на капитанском мостике взвыла сирена.

Семпер выругался: системы наверняка не выдержали перегрузок или последние попадания вывели из строя реакторы. В

любом случае карьера Семпера в качестве капитана Военно-космического флота стремительно подходила к бесславному концу. Древние аварийные генераторы «Махариуса» какое-то время будут поддерживать защитное поле Геллера, но еще до того, как они выдохнутся, «Тлетворный» разнесет на куски беззащитный крейсер. Все на борту «Махариуса» могли считать себя покойниками, и Семпер внезапно понял, что мертвецам нечего терять.

— Понизить мощность поля Геллера до шестидесяти процентов и направить освободившуюся энергию в систему маневрирования! — приказал он.

— Не надо! — с ужасом в голосе воскликнул магос Кастаборас. — Комиссар Киоген, остановите его! Если снизить мощность поля Геллера, варн разорвет нас на куски!

Леотен увидел ринувшегося к нему Киогена с болтерным пистолетом в руке, но внезапно перед ним выросла фигура Хито Уланги. Молодой лейтенант заслонил капитана своим телом.

— Как старший помощник, я поддерживаю решение командира, — заявил Улант, спокойно глядя прямо в дуло болт-пистолета. — Вы можете застрелить и меня, но через несколько минут противник возьмет вас голыми руками. А если сделать так, как решил капитан Семпер, вы хотя бы дорого продадите свою шкуру! А может, и уцелеет...

Не опуская пистолета, Киоген спросил стоявшего рядом старшего техножреца:

— Скажите, магос Кастаборас, это в принципе возможно?

— В принципе — да. Если подманить противника достаточно близко, но...

— Благодарю вас. Это все, что мне нужно знать. Продолжайте, капитан, — произнес Киоген, опуская пистолет, и отошел в сторону.

Семпер изучал информацию на дисплее. «Тлетворный» развернулся и дрейфовал по левому борту от «Махариуса». С этой позиции он легко мог уничтожить крейсер Семпера огнем дальнобойных орудий.

«Ну давай же! -- думал Семпер. -- Давай! Веди ты хочешь видеть, как мы утираем! Иначе ты не охотился бы за нами столько дней! Мы здесь! Уди сюда!»

-- Энергетические системы противника вышли из строя. Его защитное поле ослабело на одну треть! -- прошипел один из техножрецов на мостике «Тлетворного».

Подавшись вперед, Морроу разглядывал сквозь иллюминатор далекие очертания гибнущего имперского крейсера. Слуги Хаоса не боялись варпа, и Морроу попытался прочесть в пляске безумных вихрей участь своего противника. «А вдруг это ловушка? Нет, лишь безумец пойдет на такую ловку, рискуя на веки вечные отдать свою душу во власть демонов Хаоса...»

За сотни лет службы Морроу несколько раз приходилось видеть, что бывает с кораблями, лишившимися защитного поля в варпе. Это было незабываемое зрелище. Демоны Хаоса обретали видимую форму и раздирали

злополучное судно на куски, чтобы насытиться душами членов его экипажа.

Вспомнив об этом, Морроу устехнулся и включил полуразложившейся рукой стоявший перед ним монитор. Хаосит пытался прочесть грядущее в вереницах вспыхнувших огоньков.

«Противник не реагирует! Придется пойти еще дальше!»

— Понизить мощность поля Теллера на шесть десятых! — приказал Семпер, стараясь говорить твердым голосом.

Корпус «Махариуса» натужно заскрипел, прогибаясь под наседавшими на него силами варна.

Жрецы Бога-Машины, принявшие скрип брони за голос разгневанного божества, закричали от ужаса. Понимая, что ослабевшее поле Теллера с минуты на минуту исчезнет, магос Кастаборас велел техножрецам затолчать и молиться.

Пожирая глазами изображение «Слетворного» на дисплее, Леотен мысленно уговаривал его приблизиться. Хендрик Морроу был решительным и

искусным боевым офицером, но Семпер читал о нем еще кое-что. Однажды Морроу приказал выбросить из шлюза в космос живьем три с лишним тысячи человек недовольных членов экипажа своего корабля. Еще до того, как перейти на сторону врагов Императора, Хендрик упивался зрелищем человеческих страданий. И теперь он просто не мог пропустить сцену гибели «Махариуса», разрываемого демонами на мелкие куски.

— Противник приближается!

Не успел наблюдатель договорить, как Семпер уже отдал приказ:

— Включить аварийные энергетические системы и поле Теллера на полную мощность! На штурвале — левая руля! Быстрее! Включить маневровые двигатели правого борта! Господин Найгер!..

— Торпедный зал?

— Вот именно, господин Найгер! Вот именно! — кровожадно устехнувшись, ответил Семпер.

— Цель маневрирует!

Хендрик Морроу сразу понял, в какую ловушку его заманили. С затиранием сердца он увидел, как бронированный нос имперского крейсера развернулся к его кораблю. Морроу не нужно было объяснять, что сейчас произойдет. Он видел, как открылись крышки шести носовых торпедных аппаратов «Махариуса», видел струйки газа, выпускаемого заработавшими двигателями торпед.

Имперский крейсер дал залп по «Тлетворному». Казалось, промахнуться на таком коротком расстоянии было нельзя. Но, отклонившись от заданной траектории из-за энергетической бури, все шесть торпед пошли параллельным курсом и поразили цель в нижней средней части ее корпуса. Пять взрывов почти разорвали «Тлетворный» на две половины. Шестая торпеда взорвалась не сразу. Она полетела вверх, прошла несколько палуб, и через несколько секунд ее боеголовка детонировала в отсеке с генераторами поля Геллера.

Первым взрывом Хендрика Морроу вышибырнуло из кресла. Он успел

почувствовать агонию своего корабля, а потом поле Геллера вокруг «Тлетворного» исчезло, и появились страшные демоны. Они начали тянуть из Морроу душу, которую тот и уже давно легкомысленно продал.

— Противник уничтожен! — доложил наблюдатель.

Глядя на подтверждающие его доклад огоньки, мигающие на мониторе, Леотен Семпер постарался представить себе, что происходит сейчас за заграенными иллюминаторами «Махариуса». Он знал, что разбүшевавшиеся демоны варпа раздирают «Тлетворный» на части в погоне за душами үцелевших на его борту существ.

Отвернувшись от пүльта, Семпер үвидел Уланти. Молодой офицер бүквально пожирал капитана глазами. Леотен всрүз подүмал о том, что не спал үже несколько сүток, и тут же почувствовал, как его веки налились свинцом.

— Ждү ваших приказаний, сэр!

— Определите, какие у нас потери, направьте всю оставшуюся энергию в двигатели и покиньте варп. Устраните самые серьезные повреждения и ложитесь на курс к звездной системе Бен-Морр. Принимайте командование «Махариусом», лейтенант!..

Максим Боруса осторожно пробирался по оружейному отсеку среди гнущегося металла и обугленных кусков человеческих тел. Соседний оружейный отсек получил прямое попадание. Герметичные переборки закрылись недостаточно быстро, чтобы остановить волну пламени. К счастью, Максим не растерялся и рванул на себя двоих таких же неопытных артиллеристов. Те не смогли освободиться от цепкой хватки Борусы, прикрыли его своими телами и зажарились заживо в промчавшейся над ними огненной буре. Выбравшись из-под обугленных останков, Максим огляделся и решил, что во всем отсеке уцелел он один. Но потом он нашел Гоголя. Старшину придавило кран-балкой. Тяжелый

металлический обрубок раздробил ему колени, но и прикрыл от огня. Ярчайшее пламя ослепило бывшего головореза. Старшина ошалело вращал невидящими глазами. Однако он все же почувствовал, что рядом кто-то есть.

— Кто здесь?! — заорал Гоголь. — На помощь! Врача!

— Сейчас! — буркнул Максим, изменив голос, и стал оглядываться по сторонам. Наконец, он нашел то, что искал, — полтораметровый разводной ключ. Не проронив ни слова, Боруса тремя ударами разможил Гоголю череп.

Теперь Максим существенно повысил свои шансы выжить на борту «Махариуса». Осознав это и обрадовавшись такому повороту событий, Боруса присел в сторонке и стал ждать спасателей.

Шесть дней спустя крейсер Военно-космического флота «Лорд Солар» «Махариус» появился из варпа на окраине звездной системы Бен-Морр.

Воспрывшие духом связисты «Махариуса» тут же уловили

идентификационные сигналы имперских кораблей на добром десятке частот. Вблизи от точки перехода маневрировал дивизион патрульных катеров, один из которых провёл «Махариус» через недавно выставленные в округе минные поля. Так «Махариус» присоединился к ударной эскадре, собиравшейся во внутренних областях Бен-Морра.

— Хорошая ли была охота? — спросил «Махариус» капитан патрульного судна, заметивший на корпусе крейсера следы недавних повреждений.

— Грех жаловаться, — ответил капитан Леотен Семпер.

«Рискуя навлечь на себя недовольство критиков, не способных простить мне мои пристрастия и увлечения, я все же вновь обращаюсь к повести о крейсере «Лорд Солар Махариус» и его командире Леотене Семпере. Читателей, не

слишком хорошо знакомых с подробностями Готической Войны, может удивить такое пристальное внимание к этому кораблю и его вроде бы ничем не замечательному командиру. Я прошу таких читателей отнестись ко мне снисходительно и ознакомиться с описываемыми мною ниже (и никем пока не освещенными) сражениями, примечательными тем, что они послужили прелюдией к совершенно невероятным событиям, вскоре изменившим весь ход войны в Готическом Секторе. Сражавшийся на переднем крае Леотен Семпер не мог предвидеть мятеж на разведывательном крейсере "Беллерофонт" и предательство его команды. Однако командование Боевым флотом могло и должно было распознать истинную суть

этого инцидента, ставшего последней частью головоломки, решив которую можно было понять суть происшествий, начавшихся еще до Готической Войны с уничтожения крепости, охранявшей проход в Звездных теснинах Аркса в 139M41. Если бы эту головоломку удалось разгадать раньше, намерения Осквернителя и причины его вторжения в Готический Сектор сразу стали бы известны. Это спасло бы от гибели квинтиллионы подданных Императора и отвратило бы опасность, и ныне нависшую над Империей Человечества».

Заслуженный
летописец Родриго
Коннигер. «В кляках
смерти и пасти
преисподней.
Замечательные

события войны в
Готическом Секторе.
143-149. №41»

Часть вторая

Вопросы чести

Бой утихал. Вместо выстрелов и звона стали теперь раздаваться лишь торжествующие возгласы и вопли ужаса. Торжествовали победители. Они гонялись за последними уцелевшими врагами по лабиринту палуб и коридоров корабля, а вопили те, кого они настигали.

Лейтенант Наво Магел обогнул судовой алтарь и направился к главному оружейному погребу. По пути его приветствовали уставшие, но ликующие победители, а сам он наклонялся к раненым и утешающим со словами похвалы и утешения. Именно здесь, в главном оружейном погребе, враги оказали последнее и самое упорное сопротивление. Забаррикадовавшись, они попытались взорвать корабль, и лейтенанту Магелу пришлось лично возглавить штурм, чтобы спасти судно от гибели. В широком коридоре особенно громко раздавались

торжествующие крики. Магел увидал
бегущих навстречу людей. Они
погбрасывали в воздух и ловили на штыки
и кортики какой-то искромсанный обрубок
и что-то пинали ногами. Внезапно прямо
перед Магелом на палубу плюхнулся
бесформенный окровавленный предмет,
почти расплющенный тяжелыми
ботинками артиллеристов.
Приглядевшись, лейтенант узнал голову
корабельного комиссара Брангта с
вытекшим глазом.

— Господин лейтенант!

Обернувшись, Магел увидал
вытянувшегося по стойке смирно
вахтенного офицера Келта. Конечно,
Келт был молод и неопытен для такой
ответственной должности, но Магел
решил, что этот честолюбивый юноша ее
заслужил. Во время захвата капитанского
мостика он собственноручно прикончил
прежнего вахтенного офицера. Китель
Келта был разогран и испачкан кровью, но
Магел с удовлетворением заметил, что
новоиспеченный вахтенный офицер уже
сорвал с мундира серебряного имперского

орла и эполеты.

-- Все палубы в наших руках! --
ухмыляясь, доложил Келт. -- Может быть,
кто-то и забился в разные щели, а другие
сделали вид, что перешли на нашу
сторону, но мы их все равно скоро разыщем
и выведем на чистую воду.

-- Да здравствует Абaddon! Корабль
наш!

В огромном ангаре звенела сталь.
Обычно в этом самом большом помещении
на борту «Махариуса» было очень шумно.
Здесь ревели двигатели истребителей и
штурмовиков, офицеры выкрикивали
команды трудившимся в поте лица
механикам, грохотали лифты,
поднимающие ракеты из погребов
боезапаса, а техножрецы распевали
заклинания над рядами готовых к старту
летательных аппаратов. Сегодня же все
работы в ангаре были прекращены.
Пилоты и механики столпились вокруг
расчищенного пространства среди
ремонтных платформ. Сотни пар глаз
следили за происходящим с подвесных

лестниц и переходов. На зрелище, разыгравшееся в центре палубы, не обращали внимания только сервиторы, продолжавшие выполнять действия в соответствии с заложенными в них программами.

Стараясь не поскользнуться на пятнах топлива и масла, лейтенант Хито Уланги увернулся от клинка соперника. На его родной Некромунде поединки считались своего рода искусством. Отпрыски знатных родов, обитающих на верхних уровнях городов-ульев, находили дуэли достойным времяпрепровождением. Таким образом честолюбивая аристократическая молодежь стремилась зарекомендовать себя в жестоком и беспощадном мире политики, с его постоянными убийствами и кровавой враждой соперничающих кланов. Однако на Имперском Военно-космическом флоте все было по-другому. Здесь схватки происходили не в разряженной атмосфере дуэльных залов, где любой удачный выпад приветствовался одобрительными восклицаниями зрителей. Здесь в

рукопашной сходились сотни бойцов, имеющих опыт абордажных атак. Они резали друг друга в лабиринтах судовых коридоров и трюмов, бросались на врага с любым тяжелым предметом, способным проломить голову.

Уланги поднял саблю и сделал несколько стремительных выпадов, заставивших противника отступить. Сабля была тяжелее дуэльной рапиры, к которой привык Уланги, но на абордаж ходили именно с таким оружием. Впрочем, эту саблю изготовили по особому заказу лейтенанта, и держать ее в руках было не зазорно ни аристократу с Некромунды, ни офицеру Имперского флота. Сегодня Уланги решил испытать ее в бою. Сражение, в котором новый клинок впервые обрызгается кровью, всегда очень важно, и Хито не очень заботило, будет это кровь врагов Императора или офицера-сослуживца.

-- Выскачка из грязного улья! Плебей! -- прохрипел противник Уланги. -- Уди сюда! Я покажу тебе, как дерутся настоящие аристократы!

Хито бросился вперед. Его лицо
искажил притворный гнев, но на самом деле
он действовал очень осторожно. Заметив
пог ногами пятно масла, Улантис сделал
вид, что поскользнулся, и пошатнулся в
сторону неприятеля, который клюнул на
эту уловку и ринулся вперед, чтобы одним
ударом прикончить старшего помощника.
Но Хито ловко увернулся, и его клинок,
разорвав летный скафандр, вошел прямо в
сердце офицера. Легким движением руки
лейтенант выдернул саблю, и мертвец
рухнул на палубу, заливая ее кровью, тут
же смешивающейся с маслом и топливом.

Улантис поднял окровавленное оружие,
приветствуя вахтенного офицера
Бромона Стайера, следившего за
соблюдением правил дзэли от лица
капитана. Стайер молча кивнул, и
лейтенант зашагал прочь в сопровождении
своего секунданта. В ангаре воцарилась
мертвая тишина. Теперь в нем эхом
отдавался только стук каблучков. Улантис
спиной чувствовал, как сотни злобных
взглядов провожают убийцу того, кто
много раз стартовал с этой палубы.

Повинуясь мановению руки
техножреца, два сервитора потащили
куда-то труп командира эскадрильи
штюрмовиков, не отдавая себе отчета в
том, какая драма только что разыгралась
среди сотворивших их людей.

— Господин капитан, у меня такое
ощущение, что вы недовольны моей дуэлью
с командиром эскадрильи Лучано.

— Я недоволен потерей умелого и
опытного пилота. Мне казалось, что
жизни моих подчиненных угрожают враги
Императора, а не мой собственный
старший помощник.

Уланги стоял по стойке смирно
перед затершим в кресле Леотеном
Семпером. В капитанской каюте царил
полумрак, но привыкшие к вечным
сумеркам городов-ульев глаза лейтенанта
различали подробности обстановки,
которая оказалась гораздо скромнее, чем
интерьер его собственной каюты. Даже
капитанское ложе мало чем отличалось
от спартанской койки слушателя первого
курса Военно-космической академии.

Улантис не обнаружил и признаков того, что здесь бывают женщины. Ни украшений, ни бездельшек. Только серые стальные переборки и голый металл палубы. Офицером Боевого флота Готического Сектора дозволялось иметь при себе наложниц. Поговаривали, что полорг-адмирал Равенсбург содержит на борту своего флагмана «Божественное Право» гарем из пятидесяти любовниц. У самого Улантиса до недавнего времени была страстная и ненасытная в любви женщина со Странивара, но, в конце концов, она так его утомила, что лейтенант нарочно проиграл ее в кости одному из младших офицеров-артиллеристов Римуса Найдера. Что же до Семпера, Хито даже представить себе не мог, что командир «Махариуса» отвлекается на любовные утехи. И облик капитанской каюты всецело подтверждал предположения старшего помощника.

Семпер — истинный кадровый офицер! Он живет ради Военно-космического флота и считает, что лишнюю минуту отдыха может позволить себе лишь тот,

кто убивает от исполнения служебного долга.

С этими мыслями Улантэ взглянул на большой, украшенный резьбой письменный стол -- единственный ценный предмет в обстановке каюты. Стол был завален картами, кипами каких-то документов и листами с собственными заметками капитана, выведенными каллиграфическим готическим шрифтом. Рядом лежала груда информационных планшетов, скрепленных печатями с грифом «секретно», преступить который мог только командир корабля. С трудом оторвав взгляд от секретных донесений, Улантэ заметил вещь, казалось бы неуместную среди кучи бутаф, -- здоровенный, явно не человеческий череп. Лейтенанта поразили мощные челюсти, украшенные злобещего вида клыками, покатый лоб, выдающиеся вперед надбровные дуги и маленькие, близко посаженные глазницы. На макушке черепа зияла дыра, вероятно образовавшаяся в результате страшного удара.

Проследив за взглядом лейтенанта,

Семпер протянул руку и довольно ласково погладил трофей.

— Память о первой абсорбционной атаке, которую я возглавлял, — взвешивая в руке череп, произнес Семпер. — Мы штурмовали погбитый орочий рейдер на окраине звездной системы Циклон. Мне было очень страшно. Но больше всего я боялся не погибнуть, а провалить порученное задание. В разгар схватки на меня бросилось это чудовище — один из их вожаков. Вот след от его удара... — С этими словами Семпер потрогал глиняный неровный шрам на щеке и трачно устехнулся. — Как видите, я в долгу не остался. Мы захватили корабль, и я получил первую боевую награду. Меня наградили всего лишь Малой Алой медалью, но я гордился ею так, словно это была, по меньшей мере, Звезда Сектора Обскурус.

Семпер положил на место свой трофей и пронзительно взглянул прямо в глаза старшего помощника.

— Я хорошо помню, что значит быть честолюбивым и горячим молодым

офицером, но поймите меня правильно: в Готическом Секторе бу́дет война, и я не допущу, чтобы мои офицеры убивали друг друга. И я, и Император, требуем, чтобы вы убивали только врагов Империи.

— Я офицер Военно-космического флота, и я защищал свою честь, — легяным тоном заявил Улант. — Я ваш старший помощник и в любой ситуации олицетворяю собой вашу персону. Если же кто-то не считается со мной, то посягает в первую очередь на ваш авторитет. Мой поступок не противоречит положениям приказа лорд-адмирала Равенсбурга о дзэлях. Я всего лишь бросил вызов оскорбившему меня человеку, не пожелавшему соблюдать субординацию на борту «Махариуса».

Прежде чем ответить, Семпер откинулся в кресле и задумался. Как и Улант, командующий Боевым флотом Готического Сектора был знатным аристократом. Однако лорд-адмирал Равенсбург родился на Кипре Мунди в одном из самых благородных семейств, чьи отпрыски с незапамятных времен служили

В Военно-костическом флоте. А Улантис был всего лишь выходцем из знатного клана. К тому же его родной мир, кишевший ужасными городами-ульями, пользовался крайне дурной славой. Но древнейшей и нерушимой флотской традиции уроженцы миров-ульев считались отбросами и погонками. Их насильно вербовали в Имперскую Гвардию или на флот в качестве пушечного мяса, где они занимали самое последнее место среди палубных матросов, составлявших большую часть экипажа любого корабля. В Боевом флоте Готического Сектора было очень мало офицеров — выходцев из бесчисленных миров-ульев Империи. А такой важной должности, до какой сумел дослужиться Хито Улантис, никто из них еще никогда не занимал. Семпер прекрасно понимал, что его старший помощник бился на дуэли не просто с другим офицером, а с многовековыми флотскими предрассудками.

Наклонившись вперед, Семпер пристально взглянул в лицо лейтенанту и заговорил нарочито строгим тоном:

— Не знаю, как у вас, на Некромунде, но у нас, в Секторе Обскурус Империи и в рядах Боевого флота Тотического Сектора, уважение офицеров-соратников завоевывают не на дуэлях, а в бою с врагами. То есть преданностью Императору, его флоту, своим товарищам, а кроме того, мужеством, умением, готовностью к самопожертвованию и способностью принимать очень непростые решения. Равенсбург может приказывать все, что ему заблагорассудится, но этим кораблем команду я, и никаких дуэлей на «Махариусе» больше не будет. Я поговорил об этом с комиссаром Киогеном, и он со мной согласился. Мы наказываем матросов за драки и поножовщину. Отныне так будет и с офицерами, чем бы они ни оправдывали свои стычки.

Снова откинувшись в кресле, Семпер заметил, как вспыхнули недобрым огнем глаза Уланты, и понял, что оскорбил лейтенанта, сравнив поведение аристократа с нравами простолюдинов из подземелий городов-ульев.

— Если вы хотите заслужить славу и почет в кровавых схватках, — поспешно продолжал капитан, стараясь загладить обиду, — то вам крупно повезло. Незадолго до вашего появления я получил через астроната Ранавна срочный приказ из штаба флота Порт-Мор. Я не должен был этого делать, но все же хочу вас с ним познакомить. Агентус Ранавн, прошу вас!

Спрятав улыбку, Семпер наблюдал за растерявшимся Уланти, из-за спины которого бесшумно возникла скрывавшаяся во мраке фигура в зеленых одеяниях. Капитан понял, что лейтенант и не подозревал о присутствии в каюте астроната. Строго говоря, выговоры своим старшим помощникам командеры должны делать с глазу на глаз, но Ранавн был существом совершенно особым. Астронаты оказывали Империи неоценимые услуги. Они служили при всех командующих флотами, при каждом Гросстейстере Космического Десанта и при губернаторах планет. Они молча стояли в тени Совета Верховных Лордов Терры, пока тот обсуждал вопросы, от которых зависели

жизнь и смерть бесчисленных миллиардов подданных Императора. Секретов, избежавших внимания астронастов, почти не существовало, и Семпер считал, что выволочка дерзкому молодому офицеру вряд ли заинтересует молчаливого хранителя многих страшных тайн.

Ранавн подошел к столу капитана и живнул Уланги. Лейтенант перетинался с ноги на ногу, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Империя во многом зависела от существ, обладающих особыми психическими способностями, — астронастов, навигаторов и псайкеров. Все они считались мутантами. И при этом в миллионах обитаемых миров подданным Императора с детства внушали страх перед странными созданиями. Однако Семпер уже давно отметил простую закономерность: чем выше должность, тем чаще приходится общаться с подобными существами.

И без того напуганное маской, лицо астроната окатенело. Он вошел в транс и стал разыскивать в недрах подсознания

полученный приказ. Стуглую кожу Ранабна сплошь покрывали замысловатые татуировки – тайные знаки, защищавшие его разум от демонов варна. Он давным-давно лишился зрения в ходе мучительного ритуала единения своей души с духом Императора. Теперь на его сшитых веках были вытатуированы два широко раскрытых глаза.

Ранабн читал приказ каким-то странным, лотаным голосом. Семпер знал, что в этих глухих звуках слышатся и голоса других астронавтов, передавших приказ на «Махариус», и даже эхо голоса старшего офицера Норт-Моу, продиктовавшего текст первому из них:

– «Приказ Императора номер 0274143.М41. Легкий крейсер "Беллерофонт" из состава Ударной группы фюлариса в Бен-Морре атаковал и уничтожил базу Агентус Механикус в звездной системе Орек. Вероятнее всего, команда "Беллерофонта" отреклась от Императора и перешла на сторону противника. Весьма вероятно и то, что с базы в Ореке похищена важная

техническая информация. Крейсеру "Лорд Солар Махариус" приказано перехватить и уничтожить "Беллерофонт". Это задача первостепенной важности. Император охраняет!»

Ранава затолчал, на его лице отразилось некоторое замешательство, потом он встрепенулся, вышел из транса, поклонился Семперу и отступил в тень каюты. Капитан взглянул на Уланги и прочел в его глазах то же возбужденное воодушевление, что испытывал сам. С самого начала войны в Готическом Секторе «Махариус» эскортировал военные конвои на пути в Бен-Морр, защищая их от пиратских рейдеров и вражеских эскадр. Но Семперу, как и Уланги, давно не терпелось скрестить шпаги с настоящим противником.

— Кажется, нашу победу над «Слетворным» не забыли, — заметил Леотен, разворачивая звездную карту. — Наконец-то нам поручили настоящее задание! Мы докажем нашу преданность Богу-Императору! Нельзя позволить мятежникам передать противнику

секретную информацию, а уничтожить предателей — дело чести всего Боевого флота. Мы просто не имеем права его погвестить! Однако,— продолжал он, склонившись над столом, — чтобы отомстить еретикам, их сначала надо найти. Как вы думаете, где они, господин Улантис?

Лейтенант тоже склонился над паутиной звездных систем, соединенных проходами сквозь варп, отметками кинематических течений и коэффициентами расширения времени. Умение читать такие карты, охватить и понять множество содержащихся в них уровней информации требовалось от каждого старшего офицера Военно-космического флота.

Улантис провел пальцем по карте, отмечая наиболее вероятный путь следования «Беллерофонта».

— У них наверняка больше нет навигатора, — сказал он.

Селпер кивнул. Дома навигаторов были древнейшим краеугольным камнем Империи, и практически все

навигаторы предпочитали умереть, но не
сдаваться в плен поборникам Хаоса.

— Поэтому они могут перемещаться в
варпе лишь вслепую и совершать очень
короткие переходы, по нескольку световых
лет зараз, не больше. — Лейтенант ткнул
пальцем в скопление звездных систем в
верхнем углу карты. — В последний раз
«Беллерофонт» видели в Бен-Морре, а
ближайшие позиции противника находятся
в скоплении Куллиан-Амор. Туда-то
наверняка и направятся мятежники. При
этом им придется раз шесть или семь
входить в варп. Так они попытаются
обойти стороной патрулируемые
территории и маршруты конвоев.

Селпер снова кивнул.

— Наша позиция позволяет
перехватить изменников на этом пути! —
продолжал Улантис, двигая пальцем по
шершавой поверхности карты. Самые
старые и ценные звездные карты
изготавливались на тончайшем
пергаменте из человеческой кожи, но эта,
наверное, была вычерчена на выделанной
шкуре какого-то животного. — Вот здесь! —

попытожил старший помощник, указывая на отдаленную звездную систему в стороне от торговых путей. Согласно условным обозначениям, это была система с опутирающим красным карликом, вокруг которого вращались четыре бесплодных и необитаемых небесных тела. -- Это Дельфи! Мы перехватим «Беллерофонт» в системе Дельфи!

-- Совершенно верно! -- улыбнулся Семпер. -- Я уже поговорил с навигатором Кассандром, и он тоже так считает. Ступайте на мостик, господин Улантин. Мы входим в варп через сорок минут.

-- Средний -- вперед, господин Келт! -- приказал Паво Магел. -- Постарайтесь, чтобы двигатели излучали как можно меньше энергии, и внимательно следите за всем, что происходит вокруг.

«Беллерофонт» крался вглубь звездной системы. Его ауспексы повсюду искали характерное энергетическое излучение других космических кораблей. Система Дельфи была бесплодна и ничем не отличалась от сотен таких же в

Готическом Секторе, однако
новоиспеченный командир крейсера не
желал рисковать. Он и еще несколько
офицеров долго планировали быстрый, но
кровавый мятеж. Магел давно понял, что
Империя проиграет войну в Готическом
Секторе. Найти единомышленников среди
экипажа оказалось на удивление легко.
Многие устали от косных традиций и
бездушной муштры. Любому
здравомыслящему человеку было ясно, что
мощь Абaddonа и его сторонников растет
с каждым днем. Прикованному к Золотому
Трону живому трупу будет не по силе
остановить армаду, вырвавшуюся из Ока
Ужаса! Успехнувшись, Магел подумал о
том, что первым падет Готический
Сектор, а за ним рухнет и все прогнившее
здание Империи. Вот тогда-то его
новые правители не преминут щедро
вознаградить тех, кто вовремя понял, за
чем будущее Галактики.

Магел вспомнил момент, когда к
нему пришла эта простая мысль.
Вспомнил вонь в карцере «Беллерофонта»
и шепот пленного врага, которого Паво

пришел допрашивать, повинуюсь чувству,
казавшемуся ему тогда болезненным
любопытством. Впоследствии Магел
настоял на том, чтобы лично казнить
этого пленника. Сделал он это главным
образом для того, чтобы развеять все
подозрения бдительного комиссара
Брангта, но семя сомнений уже дал
всходы в душе молодого и честолюбивого
лейтенанта. Пленник — еретик-навигатор
с одного из кораблей Абaddonа — сразу
раскусил Магела и открыл ему некоторые
тайные знаки, по которым узнавали друг
друга сектанты-хаоситы. Во время одной
из обычных стоянок у какого-то
шахтерского мирка лейтенант впервые
вступил в контакт с сектой
хаосопоклонников. Магел вновь удивился,
вспомнив о том, как невероятно просто
оказалось найти сторонников
Осквернителя, и о том, что сказал бы
лорд-адмирал Равенсбург, знай он, как
много таких сект действует в каждом из
населенных миров Готического Сектора...
и даже в темных углах трюмов и кубриков
многих кораблей Имперского флота.

Затем Набо и другие заговорщики стали осторожно подогревать недовольство среди остальных членов команды. Это тоже оказалось очень легкой задачей, так как капитан «Беллерофонта» Аген Блот был поборником строжайшей дисциплины. Магел не спешил, ожидая сигнала от своих новых хозяев в Оке Ужаса. Наконец, сигнал поступил, и изменник узнал, что нужно сделать для того, чтобы его с распростертыми объятиями приняли во флот Абадгона Осквернителя.

Набо устроился в капитанском кресле и провел пальцами по приборам, измазанным запекшейся кровью. Старый дурак Блот был еще жив, когда Магел отдал его на растерзание команде. Интересно, выполнили ли они свое обещание заставить бывшего капитана долго-долго умиать о смерти? Разглядывая обозначения на мониторе, лейтенант подумал о секретах, похищенных у Агентус Механикус. Теперь эта информация надежно скрыта в банках памяти «Беллерофонта». Выполнив

приказ своих новых хозяев, Магел доберется до подвластного и пространства и вручит похищенные сведения лично Абадгону Осквернителю. Конечно, большинство ляхежников ничего не знали о том, что на самом деле представляют собой их новые командиры, но Магела меньше всего волновала участь каких-то матросов...

-- У нас за кормой корабль. Дистанция -- восемьдесят четыре тысячи километров. Он идет на перехват, -- монотонно пробубнил сервитор. Его слова прогревели на мостике как гром среди ясного неба, и новоиспеченный капитан «Беллерофонта» подпрыгнул в кресле.

-- Вахтенный офицер! Проверьте показания приборов и определите, что это за корабль! -- рявкнул не доверявший сервиторам Магел.

Лейтенант Келт тут же склонился над светящимися приборами. Его щека нервно подрагивала.

-- Довольно крупный корабль. Не могу определить его идентификационный код, но, судя по энергетическому выбросу его

реакторов, это судно не меньше крейсера.

Несмотря на опасную ситуацию, Магел успокоился. Конечно, его легкому крейсеру не уцелеть в дуэли с более крупным кораблем. К тому же он получил некоторые внутренние повреждения во время мятежа, да и команда заметно поредела. Однако «Беллерофонт» не потерял своей быстроходности и маневренности. Судно противника сможет достать их лишь в том случае, если несет на борт...

— Энергетический выброс корабля изменился! — грожащим голосом воскликнул Келт. — От него отделилось множество мелких точек. Штурмовики! Сейчас они нас атакуют!..

Милош Капаран разглядывал приборную панель и молча возносил благодарственные молитвы, по мере того, как на дисплее загорались бодрим зеленым цветом огоньки десяти «Ястребов» его эскадрильи. Оглядевшись, Капаран проследил за тем, как ведомые заняли позиции справа и слева от его

штюрмовика. До них было по десять километров, но их реактивные двигатели ярко светились во тьме космоса. Остальные семь машин выстроились в боевом порядке сзади. Капаран знал, что где-то рядом точно так же строятся «Эскадрильи «Огненных Драконов», «Вестников» и «Боготолов». Мощная ударная группа из сорока «Звездных ястребов» ринулась к цели.

«Аве Император! — мысленно воскликнул Капаран, включив коммлинк. — Смерть врагам!»

— «Немезида-1» вызывает «Махариуса». К бою готовы! Расстояние до цели — двести тысяч километров, и оно сокращается!

— «Немезида-1», вас понял!

Капаран узнал хриплый голос Ритуса Найдера, грозного артиллерийского офицера «Махариуса».

— Доброй охоты, «Немезида-1»!

Заняв свое обычное место в центре капитанского мостика, Леотен Семперхишно следил за движущимися к цели светящимися точками штюрмовиков.

— Эскадрильи вышли на цель, —
сказал Ритус Найдер, вокруг которого
собирались множество младших офицеров и
наряженных в серые одеяния техножрецов,
отслеживавших поток информации,
поступающей со штурмовиков.

— Цель открыла заградительный
огонь!

— Что там происходит, господин
Улантис? — Семпер повернулся к старшему
помощнику.

Лейтенант взглянул на приборную
панель:

— Противник действительно открыл
огонь, но пока не поразил ни одной цели.
Мы служим в Военно-космическом флоте,
а не ползаем на брюхе в грязи, как
гвардейцы. Нас не испугать парой залпов.
Во избежание неудачи рекомендую
приказать штурмовикам расстрелять
судно противника в упор.

Семпер кивнул и развернулся к
Ритусу Найдеру:

— Пусть идут к цели. Огонь — по
команде господина Улантис!..

Залп крейсера вспыхнул ярким пламенем перед кокпитом штурмовика на фронте шириной в километр. Милош Капаран выругался, форсировал маневровые двигатели правого борта и стремительно увел свою двухсоттонную машину из-под огня противника. Вакuum вокруг головного «Астреба» наполнился взрывами. До цели оставалась еще почти тысяча километров, и прямое попадание на таком расстоянии было практически исключено, но каждая вспышка энергии испускала широкое облако жесткой радиации, смертельно опасной как для экипажей штурмовиков, так и для их бортовых систем. А взрывы ракет и снарядов наполняли десятки кубических километров пространства тучей осколков.

Капаран запросил информацию о состоянии машин своего звена, зная, что командиры остальных эскадрилий делают сейчас то же самое. Комплинк в кокпите штурмовика ожил:

— «Немезида-3» — «Немезида-1».

Системы наблюдения выведены из строя последним залпом. Система наведения

ракета тоже повреждена. Техножрец
Элифас пытается устранить неполадки...

-- Докладывает «Немезида-5». Мы
теряем энергию. Кажется, осколками
перебило трубы. Нам самим их не
починить. Мы дойдем до цели, но
вернуться на «Махариус» нам будет очень
трудно...

-- Докладывает «Немезида-9».
Тяжелые повреждения. Уничтожен правый
двигатель... Теряем кислород. Половина
экипажа уже погибла... Доброй охоты...

Капаран тут же вызвал «Махариус».

-- У меня гибнут машины и люди! --
прорычал он. -- Прошу разрешения дать
ракетный залп!

-- «Немезида-1»,-- проговорил в ответ
убийственно спокойный голос, -- следуйте
прежним курсом. Огонь -- только по нашей
команде!

Капаран и второй пилот
перезглянулись.

-- Опять Уланги! -- прошипел второй
пилот Магик Торр -- опытный офицер,
совершивший более шестидесяти боевых
вылетов. -- Этот подонок уже убил Лүчано.

Сеперь он хочет погубить нас всех.

Оба пилота с трачной решимостью вели машину к цели, стараясь перехитрить артиллеристов «Беллерофонта». Поблескивая узкими косыми крыльями, словно чайка над бурным морем, штурмовик метался среди бесчисленных взрывов, встававших стеной между ним и тяжезным крейсером.

Когда до цели оставалось всего семьсот километров, слева от машины Капарана расцвела ослепительная вспышка. Взглянув на дисплей, командир эскадрильи убидел, как тигнул и погас огонек, обозначававший штурмовик «Немезида-2».

Семьсот километров... Из колонки раздался чей-то истошный вопль. Затем другой испуганный голос выналил молитву, призывая милость Императора к своей грешной душе. Внезапно молитва прервалась, и вместо нее зашипели помехи.

Шестьсот километров... Машина Капарана содрогнулась. Совсем рядом с левым крылом разорвался снаряд. Милош вцепился в штурвал, косясь на тигающие

красные латпочки, вспыхнувшие по всей приборной панели. Устойно завывала сирена.

— Пробоина в корпусе, — бесстрастным тоном сообщил техножрец Шанин-Кол. Казалось, говорит не он, а один из четырех бортовых сервиторов, находящихся под его командой. — Рекомендую воспользоваться аварийными запасами воздуха скафандров вплоть до устранения неполадок.

Пятьсот километров. По масштабам космических сражений, приближаться к противнику на такое ничтожное расстояние было равнозначно самоубийству. Из носовой части машины, где сидели штурман и бортстрелок, неслся непрерывный визг гавным-гавном, определивших цель систем наведения.

— «Махариус» — всем штурмовикам. Огонь!

Тридцать пять уцелевших «Ястребов» немедленно дали залп. До цели оставалось чуть более четырехсот восьмидесяти километров. Ракеты трех поврежденных штурмовиков так и не стартовали. Одна из машин превратилась в облако раскаленных газов. Ее ракеты

взорвались у нее же под крыльями.

Внезапно «Беллерофонт» прекратил огонь. Чтобы auspексы корабля могли собрать необходимую информацию с приближающихся ракетах, в пространстве не должно быть радиоактивных бурь и энергетических всплесков. Теперь на судне на полную мощность работали только основные системы жизнеобеспечения. Вся освободившаяся энергия пошла на усиление систем слежения, расчет скорости, траекторий и возможных точек перехвата ракет, несшихся к «Беллерофонту» со скоростью десятков километров в секунду.

Крейсер лихорадило. Матужные офицеры и матросы забились в самые темные углы, не зная толком, кому теперь молиться. Люди слепо вручили свою судьбу технике, работавшей по давно забытым древним технологиям.

За считанные секунды до ракетного удара «Беллерофонт» встрепенулся. Его auspексы определили цели. Открыли огонь многочисленные батареи плазменных орудий, лазерные и ракетные установки.

образуя недолговечную, но плотную огневую завесу между крейсером и приближающимися ракетами.

Каждый «Ястреб» выпустил по пять снарядов с плазменными боеголовками. Даже на такой короткой дистанции треть ракет сбилась с курса или не смогли поразить цель. Пятую часть зарядов уничтожил оборонительный огонь «Беллерофонта». Из ста шестидесяти ракет до тяжёлого судна долетело менее восьмидесяти, и лишь нескольким удалось пробить многослойную броню крейсера и причинить ему внутренние повреждения. Но и этого оказалось более чем достаточно.

-- Штурмовики докладывают о множестве попаданий, -- с гордостью в голосе объявил Ритус Найдер. -- Показания приборов подтверждают информацию. Выбросы из реакторов корабля противника крайне нестабильны. Его силовые щиты практически разрушены. Цель получила тяжёлые повреждения и дрейфует в пространстве. Штурмовики просят

разрешения на второй заход для полного уничтожения цели.

Найдер с нетерпением поглядывал на Семпера. По давнишней традиции право добить вражеское судно принадлежало пилотам штурмовиков, но разрешение на это давал сам капитан. Нередко командиры приказывали расстреливать погбитую цель торпедami или массированным огнем артиллерии главного калибра. Делалось это для того, чтобы артиллеристы, постоянно соперничавшие с пилотами, тоже могли гордиться победой. Однако решение Семпера оказалось весьма неожиданным, хоть Найдер и не выдал своего удивления.

— Господин Улант, передаю вам тактическое командование боем. Отдавайте приказ штурмовикам! — твердо проговорил Леотен.

Лейтенант ответил не раздумывая, словно тоже ничему не удивился:

— «Ястребам» возвращаться на «Махариус». Боевому флоту Готического Сектора и так не хватает кораблей. Поможем ему немого пополнить свои

ряды.

— Что вы имеете в виду, господин Улантис? — воскликнул Семпер.

— Мы возьмем корабль противника на abordаж! — возбужденно ответил старший помощник. — Я сам буду командовать нашим отрядом и выйду на первом abordажном челноке. Мы захватим «Беллерофонт» и вернем похищенные изменниками секреты.

В кубриках на нижних палубах царил суета.

— На abordаж! Живее, погонки! Вооружайтесь и стройтесь! — Дюжие старшины пинали ногами и лупили палками всех, кто шевелился не слишком проворно.

Максим Боруса поднялся с топчевого матраса, почесывая укусы клопов, и плюнул коричневой от тагжа слюной прямо под начищенные ботинки старшины Добржина.

— Поднимайся, Боруса! — ухмыльнувшись, рявкнул старшина. В последнее время он постоянно цеплялся к Максиму. — Пришло время выполнить свой

долг перед Императором! Посмотрим, уцелеешь ли ты на этот раз?!

Максим по привычке потер шрамы на запястьях. Прошло уже много месяцев с того дня, когда он, один из двухсот насильно завербованных преступников, пережил прямое попадание в оружейный отсека «Махариуса». С тех пор он стал пользоваться репутацией счастливчика, хотя прекрасно помнил, как на его руках звенели наручники.

Боруса снова сплюнул, стараясь избавиться от противного вкуса пьянящего корня таджа. Пусть эти придурки думают все, что им заблагорассудится! Он-то знает, что дело не в удаче, а в изворотливости!..

С этими мыслями Максим вытащил из-под койки свой талисман -- полуметровый разводной ключ. Мичманы и старшины уже раздавали оружие -- топоры, багры, кортики -- всем, кому предстояло идти на abordаж. Однако Боруса питал особую привязанность к разводному ключу. Взвесив его в руке, Максим устехнулся, с удовольствием

всполнив, как хрустел череп Гоголя. А ведь тогда головорез так и не понял, с кем имеет дело.

Знание точной позиции противника — залог победы в космическом сражении. Впрочем, Набо Магел и без приборов знал, где находится «Махариус». Огромный имперский крейсер маячил в иллюминаторах беспомощного «Беллерофонта», заслоняя далекие звезды. Все батареи на обращенном к «Махариусу» борте «Беллерофонта» уже были уничтожены градом ракет, изрешетивших его броню. Батареи же «Махариуса» держали судно ляхежников на прицеле. Магел видел их так же отчетливо, как и ряды ангаров, готовых извергнуть новые эскадрильи штурмовиков.

Магел не только знал, что «Махариус» в любую секунду может уничтожить его корабль, но и понимал, зачем имперский крейсер подошел так близко.

— Они опять будут нас атаковать! — в панике завопил испуганный Келт. — Мы

погибли! Надо сдаться! Сейчас у Равенсбурга такие потери, что, может, нас и не расстреляют за мятеж!..

Застегнув кобур, Магел с презрительным видом перешагнул через труп Келта. Одним покойником больше, одним меньше... Какая разница? На «Беллерофонте» теперь и так полно мертвецов...

Вытащив саблю из ножен, Паво приказал уцелевшим офицерам следовать за ним и направился к выходу с капитанского мостика. Даже не глядя в иллюминатор, он знал, что с «Махариуса» уже стартовала туча абордажных челноков. Скоро они преодолеют разделяющее корабли пространство и присосутся к обшивке «Беллерофонта». Имперские головорезы взломают двери воздушных шлюзов и ворвутся внутрь...

Магел понимал, что скоро погибнет. Он поставил на карту и проиграл все, кроме чести.

Во второй раз за последние несколько дней на палубах и в отсеках

«Беллерофонта» вспыхнула схватка. Остатки команды пытались отбиться от ворвавшихся отрядов с «Махариуса».

Хито Уланги увернулся от просвистевшего перед его носом цепного меча. Грозное оружие, но атаковавший лейтенанта головорез больше полагался на его убойную силу, нежели на свою ловкость. Мятежник вновь взмахнул мечом. Старший помощник легко парировал удар и вонзил саблю в горло нападавшего. Выронив меч, облаченный в бронированный костюм бортмеханика дюжий мужчина с хрипом повалился на палубу и задержался в предсмертных судорогах. Уланги пнул его сапогом в лицо и побежал дальше.

Внезапно из-за угла в конце коридора появилось несколько разъяренных защитников «Беллерофонта». Выхватив лазерный пистолет, Уланги стал палить прямо в толпу. Наконец, оружие раскалилось так сильно, что обожгло ему руку. Выругавшись, лейтенант отшвырнул пистолет, снова выхватил саблю и с громким криком повел в атаку остатки своего отряда. Болтерный заряд разнес на

күски голову бежавшего рядом бойца. Тело
убитого рухнуло на трупы, устилавшие
коридор. Чьи-то пальцы вцепились
лейтенанту в ногу. Уланти полоснул по
руке саблей, не угосужившись посмотреть,
кто пытается его удержать — ляхежник
или какой-нибудь раненый матрос с
«Махариуса». Но лицу молодого офицера
струилась кровь из раны, о существовании
которой он давно позабыл, а лагони
онемели от ожогов.

Уланти слышал о том, как ходят на
абордаж Агентус Астартес. Прекрасно
вооруженные костические десантники
проникали на борт вражеского корабля с
помощью штурмовых челноков. Каждое
подразделение имело четкую задачу и
захватывало определенные отсеки судна.

Теперь же ни о каком плане не могло
быть и речи. Люди сражались тем, что
попалось под руку, зная, что победит
тот, кто раньше перережет противнику
горло. На захват «Беллерофонта»
отправились и другие старшие офицеры
«Махариуса». Например, вторым
абордажным отрядом командовал сам

комиссар Киоген. Но Уланги не имел ни малейшего представления о том, где он сейчас находится и как у него идут дела.

Стальная дверь в конце коридора распахнулась, и из люка повалили новые защитники «Беллерофонта». Не теряя ни секунды, Уланги бросился вперед. Краем глаза он заметил на кителе предводителя отряда мятежников знакомые красные нашивки. Значит, перед ним старший помощник капитана, такой же, как сам Уланги. Лейтенант еще не встречал среди изменников ни одного офицера и с удвоенной яростью стал прорубаться сквозь толпу к человеку, занимавшему такую же должность на «Беллерофонте».

Боруса плюнул своему противнику в глаза. Жгучая от сока маджа слюна ослепила взвизгнувшего мятежника, и Максим изо всех сил боднул его в лицо. У еретика захрустели кости, и он упал. Понявшись, дав Борусе место, он размахнулся гаечным ключом. Одного удара хватило, чтобы пробить череп бунтовщику.

— Ко мне! На помощь! «Махариус»!

Обернувшись, Максим увидел, что на старшину Добржина напали сразу трое. Не раздумывая, Боруса толкнул одного из мятежников в спину с такой силой, что тот врезался лбом прямо в стальную переборку и рухнул на пол. Споткнувшись с его тело, Максим на секунду замешкался и не успел уклониться от сабли второго противника, проткнувшей ему плечо. Заскрипев зубами, Боруса подался вперед и ударил врага в шею зажатой в пальцах стилетом. Фонтан крови полился на плечи бунтовщика. Он пошатнулся, тщетно пытаясь пережать сонную артерию. Третий мятежник бросился в атаку с крючковатым абордажным багром наперевес. Боруса без особого труда увернулся, вырвал багор и воткнул его матросу в живот.

Справившись с врагами, Максим наклонился над Добржином и нащупал на его шее слабый пульс. Обрадовавшись, Боруса взвалил раненого на плечи.

— Помогите! — во всю мочь завопил он. — Старшина Добржин ранен!

К ним потянулось множество рук. В возникшей суматохе Максим вытащил свой стилет из шеи Добржина и убрался подобрѹ-поздоровѹ, пока никто не заметил, что старшина уже мертв.

Пройдя несколько шагов, Максим заметил, что за его ремень зацепилась темно-синяя перевязь старшины. Негодяя, он перевязал ею свою рану и бросился в бой.

Выпаг. Блок. Еще выпаг...

Магел старался действовать осторожно. Его противник фехтовал в очень необычной манере. Впрочем, в фехтовании вряд ли можно придумать что-то по-настоящему новое. По сути дела, воинственное население бесчисленных миров Империи пользовалось лишь вариантами одних и тех же приемов. Офицер с «Махариуса» был достойным противником. Наверное, он владел клинком даже лучше Магела, но у бывшего старшего помощника командира «Беллерофонта» имелось очень важное преимущество. Ему было нечего терять, и

он позабыл о страхе.

Вокруг бушевало сражение. На палубе падали все новые и новые тела убитых и раненых. И хотя сейчас было трудно сказать, кто одержит верх в схватке за этот отсек, Магел понимал, что победа «Махариуса» предрешена. Даже по штатному расписанию команда «Беллерофонта» насчитывала на несколько тысяч человек меньше, чем команда тяжелого крейсера. К тому же в ходе мятежа и в результате атаки штурмовиков уже погибли тысячи офицеров и матросов. Уцелевшие были обречены, но Магел решил дорого продать свою шкуру.

Мятежник с налитыми кровью глазами бросился на офицера с «Махариуса». Ни секунды не колеблясь, Паво проткнул саблей наглеца, вознамерившегося лишить его чести своими руками зарубить старшего помощника командира имперского крейсера. Однако Магел чуть замешкался. Воспользовавшись этим, его противник сделал молниеносный выпад. Вместо того

чтобы парировать удар, Магел попытался увернуться, но почувствовал страшную боль в боку.

Чтобы не застонать, Паво стиснул зубы. Он понимал, что молоденькому офицеру не удастся вытащить свой клинок, и с силой рубанул нападавшего по правому плечу. Сабля вошла в кость. Противник заорал от боли и попытался. Еще один удар, и Магел прикончит врага.

Еле держась на ногах, с вражеской саблей в ребрах, Паво уже затахнулся на офицера, но внезапно его руку со страшной силой сжали стальные клешни. Захрустели кости. Клинок выпал изонетевших пальцев Магела, а в спину вонзилось что-то острое. Ледяной холод разлился по его жилам. Еще удар в спину! У еще один... У Паво подкосились ноги, но он так и не упал, а повис, как тряпичная кукла, на державшем его человеке. Потом его отпустили. Магел упал на палубу, и сознание навсегда покинуло его обтянутое тело.

Превозмогая боль, Хито Уланги с

прядом рассмотрел нависшего над ним широкоплечего исполина. Здороваясь, протянул руки и встряхнул шатающегося лейтенанта. Улантис заметил на щеках и запястьях матроса ритуальные татуировки, какие носили головорезы из страшных подземелий городов-ульев.

— Максим Боруса! К вашим услугам! — прорычал гигант. — Не бойтесь, я с «Махариуса». Вы в безопасности!

— Спасибо, — пробормотал Улантис. Взгляд его упал на запятнанную кровью перевязь. — Я ваш должник, старшина Боруса...

Максим ухмыльнулся. Он не узнал спасенного им офицера, но прочитал знаки различия на его причудливо расшитом тундире. Он понял, что спас жизнь завсегдатая капитанского мостика, который, в свою очередь, мог спасти его от прозябания на нижних палубах.

— Старшина так старшина! — устехнулся он. — На все ваша воля.

— «Беллерофонт» вызывает «Махариус»! Крейсер в наших руках. Мы

починили двигатель. Судно может выйти
в варп. Отправляется по вашей команде!

Эскадра разведывательных кораблей
сил Хаоса в составе трех рейдеров типа
«Язычник» беззвучно дрейфовала на
окраине звездной системы Дельфи,
прислушиваясь к переговорам имперского
крейсера и захваченного им тяжёлого
корабля. Рейдеры появились слишком
поздно, чтобы встретить судно
бунтовщиков и проводить его в варп.
Теперь им оставалось только беспомощно
следить за тем, как от них уходит
добыча, по праву принадлежащая их
повелителю. Командир эскадры понимал,
что его кораблям не справиться с
имперским крейсером и эскадрильями его
проклятых штурмовиков, но все равно
опасался страшного гнева Осквернителя.
Стоя на капитанском мостике
флагманского рейдера, облаченный в
чёрные одежды капитан следил за тем,
как с мониторов исчезают условные
обозначения имперских крейсеров.

— Передайте повелителю, что

секретная информация, чуть не показавшаяся в нашем распоряжении, осталась в руках противника, -- приказал черный капитан стоявшему рядом астронауту.

Обитавшее в сознании одержимого астронаута демоническое существо зашипело от ярости, и тело скрутила судорога страха перед гневом Аббагона.

Остальные члены команды поспешили заняться своими делами, стараясь не смотреть на обреченного капитана.

-- Благодарю вас, магос Кастаборас. Я вас больше не задерживаю.

Нагменный старший техножрец кивнул и с непроницаемым лицом направился к своей свите, оставив Семпера одного в капитанской каюте.

Опершись локтями о письменный стол, Леотен машинально потер шрам на щеке. Этот жест всегда означал, что капитана что-то тревожит. Сейчас Семпер лихорадочно обдумывал доклад магоса Кастабораса.

Похищенные технические секреты

были извлечены из банков памяти «Беллерофонта» и переданы ревностным жрецам Бога-Машины на «Махариус». Астронавт имперского крейсера доложил в штаб о спасении секретной информации и о мужестве флаг-лейтенанта Хитом Уланты, проявленном в абордажном бою. Однако штаб Боевого флота Готического Сектора волновал лишь характер похищенных данных. Кастаборас уже частично расшифровал попавшую к нему информацию и сообщил результаты Семперу. Теперь о том, какие именно секреты пытались похитить мятежники, на «Махариусе» знали двое. И оба пребывали в замешательстве.

В расшифрованных файлах содержались технические данные с неприступных Чернокаменных Крепостей — шести огромных, неизвестно кем и когда построенных фортификационных сооружений. Сегодня именно они служили краеугольными камнями мощи Боевого флота Готического Сектора. В каждой из Чернокаменных Крепостей базировалась тактическая группа боевых кораблей, и

каждая Крепость обладала такой огневой
мощью, что могла играючи отразить
штурм пиратских эскадр Абaddon.
Разумеется, информация об этих
сооружениях была сверхсекретной, и ни
одно из них за всю историю Боевого флота
Готического Сектора не попало в руки
противника. Семпер не мог поверить в то,
что Осквернитель решится на
самоубийственный штурм.

Что-то неразборчиво буркнув себе под
нос, командир «Махариуса» обхватил
голову руками и стал встатриваться в
обозначения Чернокаменных Крепостей на
звездной карте.

Где-то далеко, в самой зенице Ока
Ужаса, там, где привычное человеку
пространство свилось в один клубок с
Имтатериумом, повелитель Абaddon,
Осквернитель Миров, Великий Сосуд Зла
и Наследник Хоруса, встатривался в
окружившийся перед ним калейдоскоп
образов. Никто не мог знать, какие
секреты и страшные тайны открывал
Осквернителю варп.

Наконец Абaddon повернулся к существам, жавшимся у подножия его трона, и небрежным жестом повелел удалиться скорчившемуся внизу гонцу. Тот с радостью засеменил прочь, понимая, что по одному движению мизинца Осквернителя любой из десяти ужасных телохранителей изрубит его на куски. Меч Абaddonа злобно заскулил в ножнах, чувствуя недовольство своего хозяина, но Осквернитель погладил его по рукоятке и пробормотал пару страшных заклинаний, успокаивая демона, обитавшего в клинке.

Скоро у Абaddonа появится возможность отвести душу. Командирам и экипажам кораблей, не сумевшим доставить ценнейшую информацию, в самом ближайшем времени предстояло узнать, что бывает с теми, кто не выполняет приказ повелителя. Кроме того, Осквернитель понимал, что потеря сведений о Чернокаменных Крепостях в конечном счете не воспрепятствует осуществлению его тщательно разработанного плана.

Отвернувшись к похожему на пасты

Левиафана иллюминатору, Аббадон
посмотрел на замершее в пространстве
чудовищное сооружение, вокруг которого
сновало множество маленьких кораблей и
дрейфовали десятки строительных
платформ. Совсем скоро его новый
флагманский корабль будет достроен.
Мысленно Осквернитель уже окрестил его
«Убийцей Планет». Это название, столь же
страшное, сколь и незатysłоватое,
напрашивалось само собой.

Глядя на огромный корабль, Аббадон
вновь задумался о шести тайных целях
нынешней войны. Скоро, очень скоро
«Убийца Планет» обрушит невиданную
до селѣ мощь на врагов своего хозяина, и
почитатели полутрона, восседающего на
Золотом Троне, содрогнутся...

«Пусть ужасаются и думают, что
ничего кошмарней и гдаже не снилось! —
злорадно думал Осквернитель. — Придет
время, и они поймут, что самое страшное
еще впереди!»

«"Убийца Планет"! Даже

теперь, через много лет после окончания Готической Войны, когда события тех страшных и славных времен стали выцветать в памяти новых поколений, это название вызывает невольное содрогание любого, кто его слышит. Даже жители миров, находящиеся далеко за пределами Сектора Обскурус, не видевшие ни одного сражения Готической Войны, испытывают почти сугубый страх при звуке этих слов. Мне как-то довелось беседовать с мудрым и достойным во всех отношениях галактическим миссионером, поведавшим о своих странствиях и приключениях в населенных грубыми варварами далеких мирах необъятного Империиума. Он рассказал мне о том, что эти дикари по-прежнему исполняют по ночам ритуальные танцы и, взирая на

звездное небо, возносят
Великому Отцу (как они
называют Бога-Императора)
молитвы об избавлении от
древнего ужаса, называемого
ими "Меч Абaddon".
Невозможно представить, как
эти примитивные племена,
ничего не знающие ни об
Империи, ни о своем месте на
его заворках, проведали об
Абaddonе и егокорабле. Однако
мой ученый собеседник уверял
меня, что аборигены прозябают
по ночам в страхе, ожидая
появления в небесах именно
"Убийцы Планет".

Приступая к описанию
одного из самых ужасных
моментов Готической Войны,
когда загнанный в угол Боевой
флот Готического Сектора,
наконец, осознал истинную мощь
страшного тайного оружия
Абaddonа, я вспомнил о рассказе
упомянутого миссионера

потому, что даже животный
страх дикарей перед никогда не
виденным или вражеским
кораблем вряд ли мог
сравниться с паническим
ужасом бесчисленных
миллиардов подданных
Императора, ожидавших, что в
любой момент в небе внезапно
возникнет "Убийца Планет" и
испепелит их заживо вместе с
миром, в котором они
обитают».

Заслуженный
летописец Родриго
Коннигер. «В клыках
смерти и пасти
преисподней.
Замечательные
события войны в
Готическом Секторе.
143-- 149. М41»

Часть третья

ПЕРВЫЕ ЗАЛНЫ

Абагдон Осквернитель не мог оторвать взгляда от гибнущего мира. Моря уже давно испарились, обнажив неровные гряды подводных гор. Планета разваливалась на куски. Из трещин в ее коре ударили фонтаны раскаленной лавы. Все южное полушарие превратилось в океан огня, хлынувшего из дыры размером в добрый континент, пробитой страшным оружием «Убийцы Планет». Сгрохатав от полюса до полюса от непрерывных землетрясений, планета корчилась, как грешник на сковородке. Абагдон не сомневался в том, что после первого же залпа, уничтожившего атмосферу, на поверхности не осталось ничего живого. Может, кто-то и выжил в бездонных убежищах, но ни один бункер не мог уцелеть после того, как сверкающие энергетические лучи протянулись с борта «Убийцы Планет». Они стели всю почву, раздробили скалы и проникли в огненное чрево гибнущего мира.

Абагдон упивался этим апокалипсическим зрелищем, словно вновь стоял рядом с Хорусом на капитанском мостике его боевой баржи, наблюдая за тем, как на поверхность Устваана III падают грады вирусных бомб. За несколько мгновений они уничтожили двенадцать миллиардов жителей этой планеты. Оглушительное псионическое эхо их беззвучных предсмертных воплей до сих пор гудело набатом в голове Абагдона. Но и эта бойня казалась ему теперь невинной изощренностью по сравнению с тем, что он натеревался совершить.

«И пусть Галактика горит огнем!» — приказал Хорус. Абагдон и другие командующие легионами Костического Десанта, собравшиеся под его знаменами, выполнили этот приказ. Осквернитель вспоминал сожженные пламенем миры, звездные системы, заглушенные обломками кораблей и планет после яростных костических баталлий. Вспоминал сотни битв, в которых на тысячетильных фронтах костические десантники и чудовищные боевые титаны сходились не

на жизнь, а на смерть со своими же бывшими соратниками. Абагдон вспомнил ликующий рев, изданный миллионатами изуродованных Хаосом глоток в тот момент, когда он, любимый Первый капитан Хоруса, взял штурмом осыпавшиеся крепостные стены дворца самозванного «императора» на Терре и ворвался в его внутренние покои.

Кератитовая палуба грозила под ногами Абагдона. По бронированному чреву огромного корабля пронеслось гулкое эхо страшного взрыва. Осквернитель встрепелся и огляделся по сторонам.

— Мой повелитель, — прогнусавил горбатый техножрец-еретик, извиваясь перед троном Абагдона, — планета рассыпается на куски. Ее магнитное поле непредсказуемо меняется. Наверное, стоит отвести судно на безопасное расстояние... — добавил он, облизнув раздвоенным языком изъеденные проказой губы.

Разгневанный дерзостью твари, остелившейся нарушить ход его мыслей, Осквернитель злобно зарычал. Его меч угрожал в ножнах и тихонько завыл.

предвкусная кровопролитие, но Аббадон ласково потрепал венчавший рукоятку череп, успокаивая демона, живущего в клинке. Один из берсеркеро-телохранителей тоже почувствовал недовольство своего повелителя. Он шагнул вперед, поднял кулак в силовой перчатке и с шипением выпустил острые, как серпы, когти.

Палуба вновь содрогнулась, и в иллюминаторе появилось облако раскаленной лавы, взлетевшее над треснувшей планетой.

Повинуясь мановению руки Аббадона, берсеркер отступил назад, в шеренгу выстроившихся вдоль переборки телохранителей. Скуливший от ужаса еретик поспешно штыгнул в сторону и растворился в густой тени.

Осквернитель проследовал в центр рубки в сопровождении живого щита из верных телохранителей. Техножрецы, палачи и забывающие на разные голоса уродливые порождения варна бросились прочь с дороги бронированных гигантов.

Повинуясь очередному беззвучному

приказу Абaddonа, платформа в центре
рубки стала опускаться сквозь нижние
палубы корабля. Экипаж «Убийцы Планет»
ощутил волю своего повелителя, и на
борту огромного судна вспыхнула
лихорадочная деятельность. Осквернитель
знал, что корабли, сопровождающие его
флагман, тоже готовятся к походу, а их
командиры облегченно вздохнули при
мысли о том, что вот-вот покинут
окрестности планеты, бившейся в
непредсказуемой агонии.

Тысячам военнопленных, гнувших
спину на борту «Убийцы Планет», под
страхом смерти запрещалось поднимать
глаза на Осквернителя. Надсмотрщики
яростно вопили, наводя порядок среди
невольников. Едва заслышав характерный
гул опускающейся платформы,
съежившиеся от ужаса рабы на мгновение
прерывали свой бесконечный труд и
впивались взглядом в ножные кандалы.
Другие, наоборот, поднимали навстречу
гулу лица с пустыми глазницами. Эти
несчастные выполняли работы, не
требовавшие острого зрения, и

насмотрщики не поленились выколотить
им глаза.

Один закованный в цепи раб, в
мундире офицера Военно-космического
флота, видимо, совсем недавно попал в
плен. Он не знал о запрете или пропустил
мимо ушей оклики надзирателей. Рискнув
бросить взгляд на проезжавшую мимо
платформу, он был тут же сбит с ног
насмотрщиком в испещренной символике
Хаоса силовой броне десантника из
Легиона Пожирателей Миров. Злобно
рыча, Пожиратель Миров поднял свой
ценной топор и одним быстрым ударом
обезглавил пленного. Затем он замер по
стойке стирно и салютовал Осквернителю
отрубленной головой раба, словно позволяя
мертвым глазам взглянуть на то, что им
не было дозволено видеть при жизни.

Абагдон Осквернитель, Воитель
Легионов Хоруса, командующий так
называемыми Предательскими
Легионами, как именовали их слуги
ложного императора, проезжал мимо своих
последователей, не заботясь о том, живы
они или мертвы, преданы ему или нет.

Достаточно будет и ужаса, который он внушал им.

Опустившись на самую нижнюю полку, платформа остановилась в обширном отсеке, пол и стены которого скрывались во тьме. Осквернитель шагнул на металлическую плиту, удерживаемую массивными цепями. Целая армия техножрецов тут же опустилась на колени и приветствовала его глубокими поклонами.

— Покажите! — ледяным тоном повелел Аббадон.

Один из еретиков прикоснулся изуродованными пальцами-щупальцами к хрустальному пульту. Где-то в темноте раздался гул. Внезапно стены отсека исчезли. Вокруг платформы закружился сверкающий хоровод звезд, планет, созвездий, комет, метеоров и прочих бесчисленных небесных тел.

Проведя здесь в одиночестве много часов за размышлениями о постоянно меняющейся картине звездного неба, Аббадон уже довольно хорошо знал это

четырёхмерное голографическое
изображение Готического Сектора,
отражающее в том числе и
непредсказуемое воздействие расширения
времени в варпе. Эта виртуальная карта
была найдена на борту неизвестного,
покинутого экипажем корабля, бесцельно
дрейфовавшего в космическом
пространстве. На «Убийцу Планет» ее
перенесли вместе с рубкой судна, в которой
она находилась. Несомненно, она была
намного старше самого Императора, и ее
создателями были существа, не
принадлежавшие к человеческому роду.
Впрочем, все это не слишком волновало
Абаддона.

Вглядываясь в глубины костоса, он
разглядел синий огонек Порт-Мор,
окруженного множеством светящихся
точек, обозначающих соединения
имперских кораблей. Вокруг витало
плотное кольцо красных огоньков -- главную
базу Боевого флота сжимали тиски
блокады.

По всему Готическому Сектору
терцали синие и красные руны,

показывающие расположение флотов. Эти
милые огоньки не давали ни малейшего
представления о жарких сражениях,
которые велись за стратегически важные
звездные системы. Аббадон проследил
взглядом за изумрудными пунктирами
маршрутов вражеских конвоев, с риском
для жизни снабжавших прифронтовые
линии всем необходимым. Обозначения
отборных рейдеров сил Хаоса, следивших
за этими конвоями из варна, светились
алым, а вдоль маршрутов имперских
транспортов мерцали сине-зеленые руны
пиратских эскадр, помогавших
Осквернителю.

Затем Аббадон с раздражением
замечал множество синих точек вокруг
тира-уля Ора, оттеснивших лавину
красных огней. В Бен-Морре противник
также отчаянно защищался, а
значительная часть скопления Циклона
была погружена во тьму. Здесь карта не
была столь подробна. Но одинокому значку
было понятно, что эта часть Готического
Сектора кишит орками. Ко всеобщему
удивлению, эти существа оказывали такое

ожесточенное сопротивление Империи и сил Хаоса, что никому еще не удалось исследовать и нанести на звездную карту места их обитания.

Наконец Абaddon принялся разглядывать шесть ярких золотых значков, разбросанных по всему Сектору. Глядя на них, Осквернитель беззвучно повторял их имена, как заклинания, смысл которых был известен ему одному: «Фулярис, Анвил-206, Фир, Ребо, Шиндельгейст, Бритая...»

— Ждем ваших приказаний, повелитель! Какова наша следующая цель? Мы приготовили список ближайших стратегически важных миров, все еще находящихся в руках противника...

Абaddon яростно зарычал. Дерзкий офицер тут же затолчал и попытался спрятаться за спинами соратников, но предвестники неотвратимого наказания — красные лучи оружия телохранителей — нашли его в толпе.

«Глупцы! — Абaddon опустил веки, дабы ничто не отвлекало его от раздумий. — Они не понимают, что наше

сильнейшее оружие не этот огромный корабль, а страх и смятение, которые он посеет на своем пути. Мы будем наносить внезапные удары по самым разным мирам, и никто не догадается, что на самом деле у нас на уме. Враг не будет знать, где мы появится в следующий раз, потеряет рассудок от ужаса и не сможет разгадать наши истинные цели. Нам не нужны стратегически важные миры. Пусть наши непредсказуемые атаки сеют панику в рядах противника».

Приоткрыв глаза, Абаддон взглянул на кружащиеся вокруг него звезды и протянул к ним руку со страшными железными когтями. Повинуясь жесту Осквернителя, голографическое изображение стало двигаться медленнее и, наконец, остановилось, а одна звезда внезапно засветилась ярче других. Техножрецы засуетились вокруг хрустального пюльта, и яркая звезда начала расти. Вскоре стала хорошо видна отдельная звездная система, и Абаддон кровожадно устехнулся, разглядывая мир с голубыми океанами, зелеными лесами и

другими признаками наличия в его атмосфере пригодного для дыхания кислорода. В одном из полушарий планеты царилла ночь, и на поверхности были хорошо видны густые россыпи городских огней. Приглядевшись еще внимательнее, Осквернитель рассмотрел маленькие огоньки орбитальных доков и платформ планетной обороны, вращавшихся в безвоздушном пространстве между самой планетой и ее единственным бесплодным спутником. Населенный мир! Мир Империи Человечества. Мир, очень далекий от театра военных действий и уже разрушенный «Убийцей Планет». Силы Варна и на этот раз не обошли Абагдона своим покровительством!

Ощувив волю своего повелителя, техножрецы молча преклонили колени, а на остальных кораблях флота Хаоса полетел сигнал, содержащий наименование и координаты следующей цели. Обитатели обреченного мира еще не знали об этом, но день и час их казни уже назначен.

Абагдон же пожирал глазами

голографическую карту, снова
развернувшуюся во весь Готический
Сектор. Извращенное зрение Осквернителя
позволяло ему одновременно видеть шесть
заветных золотых огней. Фүлярис, Анвил-
206, Фир, Ребо, Шингельгейст, Бритая...

Осквернитель повторял их названия,
словно заклинания известного только ему
одному будущего.

«И пусть Галактика горит огнем!» —
приказал Хорүс десять тысяч лет назад, и
наконец-то Абаддон Осквернитель сможет
выполнить его приказ...

– Прочь с дороги!

Улицы и переулки наполнились крикатами. Хрупкие пластиковые двери и блочные стены лачуг легко ломались под ударами тяжелых саног. Убогие обитатели грязного квартала тряслись от страха при виде грозных арбитров, врывающихся в жилища. Ответом на недовольство и жалобы служили сокрушительные удары прикладами или кулаками в силовых перчатках, а любое более серьезное сопротивление подавлялось градом гранат со слезоточивым газом.

Заходясь натужным кашлем, из барака выскочили несколько фигур. Люди оказались лицом к лицу с шеренгой арбитров, защищенных противогАЗами. Прокуратор Джамаль Бизантан наблюдал за тем, как на правонарушителей надели наручники и с помощью силовых глубинок и бронированных щитов загнали в спецтранспорт, направлявшийся в тюрьму при казармах Агентус Арбитрес.

Византана не волновало, что ждет задержанных в этой многоэтажной подземной тюрьме, камеры которой кишели еретиками, уголовниками, недовольными и бунтовщиками, арестованными в ходе облав, регулярно проводимых в трющобах этого мира. Их было так много, что любой подозреваемый мог провести остаток дней в тюрьме, так и не дождавшись своей очереди предстать перед судом. Имперское правосудие не терпело спешки, а жизнь и смерть в тюремного сброса не имели ни малейшего значения для судеб Империи. Прокуратор не сомневался лишь в том, что рано или поздно порядок восторжествует.

Проведя пальцами по ритуальным шрамам, украшавшим стуглые щеки, Византан почувствовал, что вспомел, снял шлем и встряхнул копной заплетенных в мелкие косички черных волос. В «Догматах Свободы и Справедливости» говорилось, что каждый *Агентус Арбитрес* должен являться подданным Императора образцом сурового и

непреклонного блюстителя закона, но прокуратору вовсе не хотелось упасть в обморок от полуденной жары.

— Вижу, закон и порядок опять торжествуют! — хмыкнул помощник прокуратора Вэннан Корте и протянул своему начальнику флягу с водой.

Глядя на то, как арбитры сшибают задержанных с ног разрядами силовых дубинок, Бизантан промолчал, хотя и наказал бы за такие речи любого другого из своих подчиненных. Корте был отличным арбитром и верным слугой Императора. Если бы не язык, этот дюжий уроженец одного из жестоких миров-ульев уже давно бы сам стал прокуратором. Бизантану оставалось только радоваться, что привычка отпускать едкие шуточки не дала Корте сделать карьеру, а у него теперь такой надежный помощник

— Не теряй веры, помощник Корте, — пародируя менторский тон, сказал Бизантан. — Помни, что вести войны Империи — это долг могучих Астартес и бесстрашной Имперской Гвардии, охранять космические пути Империи —

это долг славного Военно-космического флота, но именно нам, Агентус Арбитрес, Его Божественное Величество в своей бесконечной мудрости поручил...

-- Бороться с гнусными еретиками, выдающими себя за верных подданных Империи! -- с заговорщическим видом подмигнул Бизантану Корте.

Оба растеялись, обрадовавшись возможности перевести дух впервые за эту долгую и нелегкую операцию. Целый день отряды арбитров методично прочесывали лабиринты улочек среди лачуг и бараков, прилестившихся у подножия скалы, увенчанной дворцом принца-регента. Хотя планета Белатис с ее столицей Малиной и находилась далеко от передовой, даже здесь отдавалось эхо сражений, гроыхавших в других частях Готического Сектора. Как и остальные тыловые миры, Белатис должен был посылать на войну тысячи новобранцев и снабжать фронт всем необходимым. Бизантан знал, что многие из задержанных сегодня будут насильно отправлены служить на корабли Боевого флота Готического Сектора или

в штрафные полки, фортируемые для восполнения ужасающих потерь Имперской Гвардии. При этом прокуратор не сомневался в том, что никто из них больше не вернется на родину.

Из стоявшего неподалеку командного «Рино» раздалось шипение котлинка и послышались голоса. Это разбросанные по всему району отряды арбитров докладывали о своих успехах. Облава на улицах Старой Мадины была делом неблагодарным. Здесь за любой дверью и в каждом чулане слугителей закона могла подстерегать засада или ловушка. Еще до рассвета множество транспортных Агентств Арбитрес взяло в плотное кольцо целый район. Уже несколько сотен лет Белатис не видел такой демонстрации имперской мощи. Арбитры должны были наполнить о силе Императора не только обитателей трущоб, но и кое-кому другому.

Взглянув на отвесную скалу, нависшую над городом, Бизантан задал, сколько пар глаз следят сейчас за ним и его людьми из окон дворца. Трудно было найти более подходящее место, чтобы

напомнить правителям Белатиса о том,
кто настоящий хозяин Империи.

Как раз в этот момент из
бронированного «Рино» высунулся связист:

— Господин прокуратор! На связи
первый министр национальной
безопасности Кейль!

Переглянувшись с Корте, Бизантан
кивнул и неохотно взял наушники. Корте
же слачно сплюнул, услышав имя
министра.

— Приветствую вас от имени
Императора, господин Кейль, — с
нескрываемым презрением в голосе
произнес Бизантан. — Мы наводим порядок,
и мне некогда с вами болтать.

— У я приветствую вас от имени
Императора, прокуратор!

Джарра Кейль говорил как ни в чем
не бывало. Бизантан даже представил, как
этот серый кардинал, вертевший принцем-
регентом как ему заблагорассудится,
сидит в своем огромном кабинете и,
возможно, созерцает на экране
изображение прокуратора, переданное
одним из еще не засеченных арбитрами

беспилотных разведчиков-дронов. Кейль наверняка выслал несколько таких для наблюдения за ходом облавы.

-- Я только что говорил с его величеством принцем-регентом. Он, как и я, озабочен тем, что вы не поставили нас в известность о вашей операции.

-- Я отчитываюсь только перед Императором, -- заявил прокуратор. -- Разные принцы-регенты и другие министры национальной безопасности меня мало интересуют. У меня нет никаких причин ставить вас в известность о чем бы то ни было. Все и так знают, что личный состав нашего доблестного Военно-костического флота несет большие потери. Я -- старший представитель интересов Империи в этом мире, и в мою компетенцию входит решение такого рода вопросов. Кроме того, мне кажется, что насильственная вербовка разной швали, рвани и ворья из этого района вашей столицы отвечает интересам не только Главного штаба Имперских вооруженных сил Готического Сектора, но и всех верноподданных

Императора на Белатисе.

«Если бы ваша служба национальной безопасности трудилась не за страх, а за совесть, — мысленно добавил Бизантан, — прямо в центре вашей столицы не было бы этого рассадника заразы!»

Помолчав несколько секунд, министр Кейль продолжал таким тоном, словно не понимал, что о нем на самом деле думает прокуратор.

— Мы с принцем-регентом полны решимости верой и правдой служить Императору и его официальным представителям. Но вам все-таки стоило заранее поставить нас в известность об этой операции. Тогда мы отправили бы к вам на подмогу наши силы безопасности.

«Зачем мне отвлекать ваши силы безопасности? — криво устехнувшись, подумал Бизантан. — Пусть и дальше занимаются вымогательством, собирают взятки и терроризируют политических противников вашего принца-регента!»

— Спасибо за любезное предложение, — вслух ответил Бизантан. — В следующий раз я обязательно поставлю вас в

известность, и мы объединим наши усилия.

— Думаете, он вам поверил? — спросил Корме, когда прокуратор вернул связисту наушники.

— Какая разница? — буркнул Бизантан. — Главное, чтобы его громили сюда не совались, пока мы не закончим все наши дела.

Прокуратор обвел взглядом вереницы низеньких домишек, собранных из пластиковых блоков и примитивных глиняных кирпичей. Кое-где возвышались многоэтажные здания. Постройки жались одна к другой. Район застраивался стихийно, без всякого плана. Местные жители именovali этот лабиринт кривых улочек и тупиков Малиной. Бизантан знал, что такой же лабиринт переходов существует и внутри зданий. Обитатели трущоб пробили в смежных стенах множество дыр, и теперь район можно было пересечь из конца в конец, не высываясь на улицу.

Малина в Малине была не единственной в своем роде. Такие обширные притоны существовали

практически во всех плохо развитых
мирах Империи. Опытный блюститель
порядка Джамаль Византан прекрасно
знал, что трющобы кишат
преступниками, лжежителями, безлыми
каторжниками — всеми, кто не в ладах с
законом. И именно такие места
облюбовали сектанты и еретики.

Облава в Малине с целью
насильственной вербовки матросов для
Военно-космического флота выглядела
достаточно правдоподобно и хорошо
маскировала истинные цели Агентств
Арбитрес. Готический Сектор оказался
под ударом не только флотов Абaddonа
Осквернителя, но и его коварных союзников
— поклонников самых разных культов.
После многочисленных расследований,
проведенных Священной Инквизицией, им
предстояло заняться всерьез. Стало ясно,
что враг давно готовился к удару и
внедрил своих агентов в правительства и
силы самообороны очень многих планет.

В самом начале войны, когда флоты
Осквернителя вероломно напали из
Звездных теснин Аркса на Боевой флот

Готического Сектора, тайные сторонники Абадгона и поклонники Хаоса тут же подняли головы почти в двух десятках миров, и на подавление организованных или бунтов и мятежей с фронтов пришлось отвлечь значительные силы. Несколько миров, в правительствах которых угнездились хаосопоклонники, перешли на сторону Абадгона без единого выстрела. Возможно, их обитателям было безразлично, под чьей именно пятой влачить свое существование. Но они наверняка осознали всю глубину своей ошибки, стоило им узреть лица своих новых повелителей, высидившихся на планеты. В других мирах еретики все еще скрывались в подполье и вели партизанскую войну против Имперских вооруженных сил. Они сеяли страх и стучали ұлы, взрывали военные базы и промышленные предприятия, шпионили за имперскими военными и передавали противнику секретную информацию.

При этом их становилось все больше и больше. Стоило ереси укорениться в каком-либо из миров, его уже можно было

считать потерянным.

Прокуратор не мог дожидаться, когда Священная Инквизиция выжжет каленым железом ересь в рядах правителей, Экклезиархии и государственных чиновников Готического Сектора. Ведь именно вялость и бездарность местной администрации позволили беспрепятственно расцвести культу Хаоса.

Впрочем, здесь, на Белатисе, Джамаль Бизантан не будет ждать так долго...

Пусть этот мир и находился глубоко в тылу, он изобиловал полезными ископаемыми и другими ресурсами, крайне нужными фронту. Здесь добывали адамантитовую руду, из которой выплавляли несокрушимые корпуса боевых кораблей, протетий, из которого вырабатывали топливо для боевых машин, и имелись обильные запасы продовольствия. Белатис не был самым большим, богатым или стратегически важным миром Готического Сектора, но наряду с миллионами иных миров он

принадлежал Императору. Уже только поэтому суровый прокуратор, тридцать лет назад, еще будучи кадетом, принесший присягу в Имперской академии Агентус Арбитрес на Ангертоне, был готов защищать его до последней капли крови — «...служить Императору, охранять Его владения, судить и защищать Его подданных, насаждать закон и порядок во всех принадлежащих Ему мирах, преследовать и карать всех, не подчинившихся Его воле!»

Еще юношей Бизантан поклялся защищать Империум, но лишь недавно заподозрил, что агенты Хаоса проникли на Белатис. Здесь еще не случилось диверсий, о существовании сект хаоситов ничего не было известно и никто не позволял себе еретических речей, но Бизантан все равно чувствовал, что дело неладно. Совсем рядом таилась какая-то невидимая опасность. Что-то втайне назревало. Псайкеры Агентус Арбитрес тоже чувствовали это. В варне начались какие-то странные движения, явно предвещавшие грядущую катастрофу.

«Похоже на затишье перед бурей!» — именно так попытался описать Бизантану свои ощущения один из его псайкеров.

Вот и сейчас, следя за ходом операции, прокуратор вспоминал его слова. Псайкеры так и не смогли сказать ничего конкретного, но у Бизантана были и другие источники информации, которыми этот суровый воин доверял больше, чем видениям и предсказаниям. В преступном мире Белатуса у прокуратора умелась целая сеть шпионов, и совсем недавно до него дошли слухи о каких-то тайных собраниях, проходящих в некоторых домах Малины. Если здесь действительно свили себе гнездо хаосопоклонники, Агентус Арбитрес их сегодня выкурят!

Бизантан взглянул на Корте, следившего за переговорами в эфире, но тот только покачал головой и, не дожидаясь вопроса командира, произнес:

— Пока ничего. Обычные бандиты, много недовольных. Таких не возьмут даже на корабль смертников. Да эту выгребную яму можно ворошить до окончания жизни, но так ничего и не найти!

— Думаюте, мы закончили здесь свои
дни? — устехнулся Бизантан. — Надеюсь, до
этого не дойдем, — немного помолчав,
добавил он. — По крайней мере, не сегодня...

Прокуратор заглянул в открытый
люк своего командного «Рино» и обратился
к человеку, скорчившемуся в кабине в три
погибели:

— Псайкер Шауль, не желаете ли нам
помочь?

Неохотно выбравшись из люка,
псайкер поспешил натянуть на нос темные
очки. Его подслеповатые глазки с нежно-
розовыми веками явно не переносили яркого
света местного светила.

Псайкеров считали мутантами. От
обычных людей отличались даже те из
них, кого сочли способными
сопротивляться соблазнам варна без
мучительного ритуала единения их душ с
духом Императора. Шауль был
альбиносом. Уже только за это его
утвердили бы при рождении в суровом
родном мире Бизантана, именуемом
Скайр. Прокуратор уже полжизни прожил
вдали от Скайра, но и теперь ему

становилось не по себе рядом с псайкером-альбиносом.

— Я ничего не чувствую. Возможно, они используют пустотные щиты или какие-нибудь другие устройства, чтобы спрятаться от меня...

Внезапно Шауль замолчал, огляделся по сторонам и уставился на двух арбитров, собиравшихся выломать дверь соседнего дома. Унаследованное от предков охотников тонкое чутье Бизантана уловило страх встревоженного псайкера. За долю секунды, еще даже не поняв, что происходит, прокуратор бросился на середину улицы. Вытаскивая из кобуры болтерный пистолет, он крикнул, предупреждая своих подчиненных об опасности, но опоздал.

Стоило одному из арбитров ударить в дверь тяжелым сапогом, как она с грохотом разлетелась на куски. Взрыв был не таким мощным, как того опасался Бизантан, но обоих воющих бойцов тут же поглотило облако неприятного желтоватого цвета.

— Надеть противогазы! — заорал

прокуратор.

Постепенно ядовитое облако стало рассеиваться. Арбитры превратились в две лужи, булькающие зловонными пузырями.

Тонкий шлейф желтоватого тумана добрался до молодого неопытного арбитра, который никак не мог отстегнуть от пояса противогаз. Стоило ему вдохнуть отравленного воздуха, как он заорал и зашелся в кашле, а из рта и носа потекла кровь. Арбитры, стоявшие у заминированной двери, оказались в эпицентре взрыва и умерли почти мгновенно от большой концентрации смертоносного вещества. Однако на периферии взрыва вирус был уже сравнительно слаб, и молодому бойцу предстояло утирать в страшных муках, ощущая, как стремительно размножающийся вирус пожирает его тело.

Не задумываясь, Бизантан выстрелил прямо в сердце обреченного юноши, пробормотав несколько слов из Второй заупокойной молитвы к Императору.

Внезапно в наушниках шлепа

прокуратора слышались встревоженные
возгласы и выстрелы. Бизантан изрыгнул
зортанное проклятие на родном языке.
Засада! Взрыв газовой бомбы был сигналом
открыть огонь! Хаоситы заманили его
людей в ловушку!..

Громынула автомашка. Очередь
взрыла землю прямо за спиной Бизантана.
Одного из арбитров, прижавшихся
неподалеку к кирпичной стене, разнесло на
кровавые куски.

— Наверху! Они стреляют с крыши! —
раздалось в наушниках прокуратора.

Бизантан поднял взгляд, увидел
черный силуэт, отчетливо выделяющийся
на фоне яркого неба, и тут же выстрелил
из болт-пистолета. Фигура сложилась
пополам и свалилась с крыши прямо под
ноги Бизантана. Командир арбитров с
отвращением взглянул на трепыхающиеся
скрюченные пальцы с глиняными когтями и
мерцающие татуировки, еще
извивающиеся под полупрозрачной салюной
кожей мертвого чудовища. Теперь
прокуратор уже не сомневался в том, что
зловонное дыхание Хаоса коснулось

Белатиса. В противном случае о таких страшных мутациях ему бы уже донесли.

Вокруг продолжали стрелять. Грохотали обрезы и автоматические винтовки, изготовленные в подпольных мастерских, щелкали лазганы. Но теперь все чаще и чаще слышалось глухое уханье гробовиков арбитров. Стражи порядка наконец-то пришли в себя и открыли ответный огонь.

Внезапно снова заговорила автомашинка. Арбитры попрятались в ближайших лачугах, но снаряды с адамантиновыми головками пробивали тонкий пластик и рвали их в клочья.

Затем автоматная очередь прошла по бронированный борт одного из «Рино». Вероятно, пуля угодила в двигатель. Раздался взрыв. Транспорт охватило пламя, и в наушниках Бизантана раздалась душераздирающая вопли обреченных арбитров. Осторожно выглянув из-за угла, прокуратор увидел в одном из твердых проемов дуло автомашинки. Совсем рядом с домом, в котором взорвалась газовитая бомба. С этой позиции еретики

простреливали всю улицу.

Извергая проклятия, Бизантан сорвал противогаз и заорал в микрофон вокса:

-- Корте! Нас всех сейчас перебьют! Приказываю уничтожить огневую точку противника из гранатомета!

-- Нелегкая задача, сэр! Нам их плохо видно, а вы находитесь слишком близко. Мы можем задеть вас.

-- Тогда прикройте меня! -- рявкнул Бизантан, вскочил на ноги и выхватил из раздатчика тяжелую осколочную гранату.

-- Вас понял! Мы готовы! -- прозвучал в наушниках спокойный голос Корте.

Бизантан бросился вперед. За его спиной загавкали гробовики арбитров. Несмотря на шквал огня, засевшие на крышах снайперы утудрялись стрелять в сторону прокуратора. Краем глаза Бизантан заметил в темном переулке людей в черных одеяниях и бросился на землю. Стену над ним тут же изрешетили пули и лазерные лучи. В ответ прокуратор открыл огонь из болт-пистолета и поливал переулок зарядами до тех пор, пока уцелевшие враги не

пустились наутек, то и дело
поскальзываясь в кровавой каше, в которую
превратились двое их товарищей.

Бизантан снова ринулся вперед.
Заметив его, один из культистов
прокричал что-то остальным, и дуло
пулемета развернулось в сторону арбитра.
Лазерный луч полоснул по
сталепластовому наплечнику
прокуратора, прожег доспех и опалил руку.

Не обращая внимания на боль и
нацеленное прямо в грудь дуло автомашки,
Бизантан швырнул в дверной проем
гранату. Мощный взрыв уничтожил всех
засевших в укрытии хаоситов.

Шагнув в лачугу, прокуратор
обнаружил лишь окровавленные куски
человеческих тел, изуродованных
страшными мутациями и острыми как
бритва осколками гранаты.

Сжимая в одной руке болтерный
пистолет, а в другой – силовую дубинку,
прокуратор с величайшей осторожностью
заглянул в соседнюю комнату. Там было

темно. Бизантан нажал руну на рукоятке
глубинки, та с шипением раскалилась и
озарила помещение неверным светом.
Стены лачуги оказались сплошь покрыты
зловещего вида знаками и рисунками.
Казалось, они извивались и пытались
уползти подальше от света.
Согрозившись, прокуратор понял, что эти
знаки прославляют черных богов Хаоса.

Из комнаты вглубь туннелов вели
несколько дверей. Открыв одну из них,
Бизантан увидел спускающийся в
подземелье коридор с неровными стенами.
Снизу потянуло ледяным холодом и
пахнуло страдом разложения. Не успел
арбитр увеличить мощность силовой
глубинки, как из соседних дверей выскочили
одетые в черное люди. С воплями
животной ненависти культисты
бросились прямо на прокуратора.

Крохотное помещение заполнил рев
болт-пистолета Бизантана. Первый же
заряд разорвал грудь ближайшего хаосита.
Второму оторвало ноги, и он с визгом
рухнул на пол. Вместо третьего выстрела
раздался сухой щелчок. Обойма была пуста.

Крепко выругавшись, прокуратор швырнул бесполезное оружие в лицо третьему еретику и взмахнул раскаленной глубинкой. Обычно арбитры использовали их для того, чтобы сбить с ног или быстро уложить на землю задержанного. Но выведенная на полную мощность, силовая глубинка была способна переломать человеку кости. Вот и сейчас Бизантан одним ударом разнес на куски голову культиста. Вторым ударом он раздробил грудную клетку другого противника. Глубинка застряла среди переломанных ребер, и пока прокуратор ее вытаскивал, на него бросился еще один враг. Разинув пасть, мутант ощерил острые, как иглы, зубы, которые выглядели намного опаснее ножа, зажатого в его изуродованной руке. Недолго думая, Бизантан нанес мутанту сокрушительный удар в челюсть. Раздался хруст крошащихся зубов. Прокуратору удалось закрыться от ножа локтем. Хаосит целил арбитру в шею, но клинок лишь проскрежетал по сталепластовому нагруднику. Злобная тварь с нечеловеческим упорством продолжала

наседать на Бизантана и впиалась
поломанными клыками в броню,
защищавшую его предплечье. При этом
одной рукой мутант сдвинул прокуратору
горло, а ножом крохал бронированный
нагрудник.

Внезапно чей-то тяжелый сапог
врезался прямо в морду мутанта. Рывнул
гробовик. Чувовище отлетело в угол
комнаты. Еще два выстрела, и от него
осталось только кровавое месиво.

-- Помогите прокуратору! -- приказал
Корте, поливая огнем оставшихся
еретиков.

Едва завидев отряд арбитров,
хаоситы ринулись вон из комнаты.

Отмахнувшись от протянутых рук,
Бизантан сам поднялся на ноги, нашел на
полу свой болт-пистолет, перезарядил его
и вопросительно взглянул на помощника.

-- Наши потери составляют
двенадцать человек убитыми.
Большинство погибло в первую минуту,
когда нас застали врасплох,-- доложил
Корте, с отвращением разглядывая

наталеванные на стенах символы. -- Но
потом мы перестреляли этих поганых
еретиков. Отделения Махана, Шеера и
Барфоломея добивают остальных... Вижу,
вы нашли тех, кого искали! -- пнув
мертвого мутанта, добавил помощник
прокуратора.

-- Тут их целая банда, -- кивнул в
сторону подземелья Бизантан. -- Тащите
сюда прожектора, огнеметы, силовые
щиты и гранаты. Сколько сможете
унести... Прикажите прибыть и Шаулю.
Без него нам с этим дьявольским
отродьем не справиться.

Загнанные в угол хаоситы отчаянно сопротивлялись. Сражаясь за каждый метр подземного хода, они прыгали прямо на арбитров, поливавших их огнем из дробовиков и болтеров. Все новые и новые тупанты карабкались по горам трупов, стараясь вцепиться врагам прямо в горло.

Наконец твари бросились наутек, отстреливаясь на ходу. Бизантан и его люди медленно, но неуклонно продвигались вперед, выставив перед собой гудящие от града пуль силовые щиты.

Тоннель то и дело петлял, в стороны расходились коридоры. Пять раз арбитрам приходилось прибегать к помощи Шауля. Пять раз псайкер помогал им избежать засады. Огнемётами, осколочными и газовыми гранатами бойцы прокуратора уничтожали врагов в боковых проходах. Охваченные пламенем еретики, хватая изуродованными ртами воздух, выскакивали в центральный тоннель, где и попадали под шквальный огонь арбитров.

Перед тем, как завернуть за очередной поворот, стражи порядка заряжали дробовики патронами с самонаводящимися пулями, находящими цель по тепловому излучению. Дав залп такими зарядами и услышав из-за угла истошные вопли, арбитры двинулись вперед и добивали раненых еретиков.

Впрочем, потери нес и отряд Бизантана. Пуля, выпущенная из автоматической винтовки, пробила перегруженный силовой щит и разорвала горло арбитру второй статьи Корну. Он служил под началом прокуратора еще со времен утирания бунта, вспыхнувшего в тюрьме на борту списанного корабля «Харон».

Через несколько минут стражи порядка натолкнулись на очередной боковой коридор и открыли огонь. Внезапно из темноты прохода выскочила окутанная прометиевым пламенем культистка. Десятки пуль тут же поразили ее изуродованное мутацией тело. Обезумев от ненависти и не обращая внимания на смертельные раны, она ринулась вперед.

Вцепившись в сержанта Тайлена, еретичка заключила его в огненные объятия, которые арбитрам так и не удалось разорвать. Боевое снаряжение сержанта вспыхнуло, он издал душераздирающий вопль. Боевые товарищи постыжались избавить его от мучительной смерти выстрелами в голову.

В подземном ходе грохотала пальба и визжали еретики, но спустя пятнадцать минут арбитры все же пробились к цели. Последний хаосит, облаченный в жреческие одеяния, бросился на Бизантана, размахивая ценным мечом. Полуразложившееся лицо, разрисованное ритуальными татуировками, искажала гримаса ненависти. Мгновенно среагировав, прокуратор выстрелил жрецу в грудь, а затем, отпихнув ногой еще дергающееся тело, шагнул в последнее помещение.

— Березитесь, прокуратор! — воскликнул Шауль. В свете прожекторов его лицо казалось бледным и осунувшимся. — Я чувствую присутствие сил варпа!

Следовавшие за Бизантаном бойцы держали огнеметы и дробовики наготове. Прокуратор же попытался справиться с суеверным страхом, зародившимся на самом дне души. Он не боялся врагов Императора, но, столкнувшись с порождениями Хаоса, чувствовал себя так, как, наверное, чувствовали себя его далекие предки. На сотую долю секунды он представил себя среди сорогичей, собравшихся вокруг костра, разложенного при входе в пещеру. Он будто прислушивался к завываниям таинственных хищников, шнырявших во мраке окрест.

Лучи мощных прожекторов освещали неровные каменные стены, расписанные чудовищными картинками и отвратительными символами. Бизантан попытался убедить себя в том, что эту пещеру вырубili в скале контрабандисты или беглые каторжники. Он не хотел верить в то, что культ Хаоса на Белатисе процветает уже не одно столетие.

-- Трон Терры! -- воскликнул арбитр

третьей статьи Майнц, когда прожектор осветил гальную стену.

Прошло несколько секунд, прежде чем Бизантан понял, что висающее на цепях существо — человек. Да и то лишь потому, что видел, во что может превратиться человеческое тело, попавшее в мясорубку жесточайшего боя. Разумеется, прокуратору приходилось участвовать в допросах, но применявшиеся арбитративные методы воздействия не отличались разнообразием и предназначались лишь для того, чтобы сломить дух человека. Впрочем, он знал, что в Священной Инквизиции служат «специалисты», с детства изучающие самые изощренные способы причинения боли и страдания. Возможно, лишь эти безумцы в своих самых невероятных фантазиях смогли бы представить себе то, что висело сейчас перед стражами порядка.

Их взору предстало вывернутое наизнанку человеческое тело, каким-то образом сохранившее подобие своей первоначальной формы. Бесформенные куски мяса, повисшие на изуродованных

костях, переплетались с мышцами и венами поверх некогда покрывавшей их кожи. Конечно же, это ужасное существо повесили на цепи хаосопоклонники. Что это -- страшная жертва или алтарь, перед которым проводились непристойные ритуалы и жуткие церемонии во славу демонических божеств?

Внезапно Шауль пошатнулся и упал бы на пол, не подхвати его Бизантан. У псайкера носом пошла кровь. И без того зловещая атмосфера сгустилась, и прокуратор почувствовал, что и у него из носа закапала кровь.

-- Сэр... -- прохрипел Шауль, корчась от боли.

-- Берегись, прокуратор! -- с издевкой повторил чей-то голос.

Обернувшись на звон цепей, Бизантан увидел, что прикованное к стене существо смотрит на него со злорадной ухмылкой.

-- Берегись! -- повторила казавшаяся мертвой тварь. -- Берегись, жалкая ищайка. Пизмей на побегушках у дохлого Императора. Взор Осквернителя пал на этот мир и на все сущее в нем. Ты

утоляешь своего Императора о спасении?
Ждешь помощи от его боевых кораблей?
Напрасно. Вас уже ничто не спасет. Лучше
лиши себя жизни прямо сейчас... Вам
лучше перестрелять друг друга, чем
узнать, что сделают с вами те, кто
придет из Варна!

Оракул Хаоса уже почти визжал,
брызжа слюзью с разлагающихся губ. Тело
Бизантана отказывалось повиноваться. Он
стоял в оцепенении, не в силах оторвать
взгляд от чудовища, быющего в
экстатическом припадке.

– Убейте друг друга! Убейте своих
детей! Лучше умрите сейчас, не дожидаясь
прибытия страшного палача!

Первым выстрелил Корте. Грохот
дробовика пробудил от оцепенения
остальных. Арбитры схватились за
оружие и открыли огонь по демоническому
существо, которое завывало от извращенного
удовольствия, чувствуя, как пули рвут на
куски то, что осталось от его тела.
Потом Бизантан поднял огнемёт и не
опускал его до тех пор, пока пламя не
сожгло все, что висело на костях

чужовища, до последнего мгновения заливавшегося безумным стехом.

Наконец обугленные кости оракула осыпались на пол, но никто из арбитров не постеливался приблизиться к ним.

-- Ждем ваших приказаний, -- прочистив горло, проговорил Корме.

Бизантан отдал огнемёт одному из бойцов и приказал заняться потерявшим сознание Шаулем.

-- Сожгите здесь все, -- добавил прокуратор. -- Взорвите подземный ход. От этой пещеры не должно остаться и следа.

-- А что потом? -- Верзила Корме старался скрыть дрожь в голосе.

-- А потом, -- ответил Бизантан, положив руку на плечо своему испытанному соратнику, -- мы наберемся мужества, чтобы достойно встретить то, о чем говорила эта мерзкая тварь.

Медитацию достопочтенного
Нарцелия Собака нарушило ощущение, что
в зыбкой материи тироздания что-то
изменилось.

Он сидел в таленькой келье без окон, которая располагалась в южном крыле собора Экклезиархии в Мадине. Отсутствие света вовсе не мешало Собеку. Почти восемьдесят лет назад он добровольно принес в жертву свое зрение во время ритуала единения души с духом Императора. Астронавту не требовались такие несовершенные органы чувств, как глаза.

Парцелий верой и правдой служил Императору, общаясь через варн с другими астронавтами, разбросанными по необъятной Вселенной. Однако в последние годы он стал замечать, что его психические способности претерпевают изменения. Все астронавты обладали даром время от времени лицезреть зыбкие образы будущего. Но неуловимый талант

истинного провидения заключался не только в распознавании образов, мелькающих в варне, но и в способности отличить истину от обмана, порожденного коварными демонами.

Собек уверенно протянул руку туда, где должен был стоять небольшой ларец. Особым внутренним зрением он видел собственные движения, а потому чувствовал себя намного увереннее обычных людей. Парцелий погладил пальцами крышку ларца, который узнал своего владельца и раскрылся, обнаружив драгоценное содержимое. В руках астроната оказалась колода карт, изготовленных из материала, похожего на тонкую кость.

Имперские Таро.

Преклонив колени на молитвенном коврике, Собек выложил на него первую из пока ничего не изображающих карт. Одними губами астронат проговорил молитву о даровании Благого Провидения. Вновь сосредоточив внутреннее зрение на бездне варна, Парцелий стал разыскивать в его темных глубинах яркое сияние духа

Повелителя Человечества. Теперь лишь
ментальное единение с Императором
могло помочь астронауту понять смысл
тревожных образов, прервавших его
медитацию.

Собек поднес руку к древней карте.
Уникальный психоактивный материал, из
которого она была изготовлена, начал
впитывать посланную варпом энергию.
Постепенно на поверхности карты стало
проступать изображение страшного
бездонного глаза — глаза Хоруса!

«Предатель!» — содрогнулся Собек.
Эта проклятая карта теперь часто
выпадала астронаутам Готического
Сектора, воевавшего с последователями
Предводителя Еретиков, но еще никогда не
появлялась первой. Она сулила лишь ужас
жестокого поражения. Астронавт быстро
открыл остальные карты, каждый раз
вздрагивая, как от укола в самое сердце.

Перевернутая «Падающая звезда» —
несчастье, обрушившееся с небес.

«Варп», преобладающий. Перемены и
изменения.

«Притарх-Ангел» — несчастье и

великие жертвы. Предвестники
невосполнимых утрат.

Сдавленно всхлипнув, астронавт
выронил колоду и потянулся к
колокольчику, чтобы вызвать молодого
послушника и послать его к капеллану с
известием о результатах гадания, а
затем -- во дворец принца-регента к
кардиналу Белатиса.

Нарцелий и не подозревал, что
открывшееся ему страшное будущее уже
известно горстке арбитров, а очень скоро
всю правду предстояло узнать и
миллионам жителей Белатиса.

Пять имперских боевых кораблей выстроились широким клином и двинулись прямо в центр вражеской эскадры.

-- Торпедные аппараты -- к бою!

Распахнулись бронированные створы, и в костос вырвались облака газа -- торпедные двигатели приготовились к старту.

-- Торпедный залл! Ну!

Из пусковых шахт всех пяти судов вырвались языки пламени. Гравитационные катапульты вытолкнули стометровые снаряды. Торпеды встретились вперед с головокружительной скоростью. Их двигатели оставляли за собой ослепительный хвост раскаленной плазмы.

Торпедный залл потряс имперские корабли от носа до кормы так, что даже матросы на несколько мгновений оставили свою работу и забормотали молитвы, благоговая перед колоссальной разрушительной силой духа Бога-Машины.

их корабля.

— Торпеды вышли. Угуг к цели, — твердым голосом доложил невозмутимый артиллерийский офицер Ритус Найдер.

Стоя на капитанском мостике, Леотен Семпер следил за траекториями движения торпед. Командиры «Дракенфельса», «Тоннента», «Сципиона» и «Графа Орлока» сейчас, несомненно, делали то же самое. Пять кораблей выпустили по шесть снарядов, и теперь к цели со скоростью несколько десятков километров в секунду неслись тридцать снарядов. Злорадно устехнувшись, Семпер представил себе панику вражеских капитанов, узревших на своих дисплеях неминучую гибель. На своем мониторе он уже увидел отметки о всплесках энергии со стороны вражеских кораблей, включивших вспомогательные маневровые двигатели. До сих пор все шло так, как запланировал командир имперской эскадры. Но исход всего сражения должен был решиться в следующие несколько мгновений.

— Торпеды продолжают движение к

цели! -- доложил наблюдатель,
ознакомившись с данными, поступившими
с носовых ауспексов. -- Корабли противника
маневрируют. С борта «Лорда Сета»
стартуют штурмовики.

-- Они хотят перехватить наши
торпеды, -- буркнул Хито Уланта.

-- Чего и следовало ожидать, -- кивнул
Семпер. -- На их месте я поступил бы так
же... Но и мы не станем сидеть сложа
руки, -- добавил он и повернулся к
ожидавшему приказа Найдеру. -- Какова
наша готовность?

-- Торпедные аппараты
перезаряжаются, -- отчеканил бывалый
артиллерист.

-- А штурмовики?

-- Эскадрильи «Немезида», «Вестник»,
«Огненный Дракон» и «Боготол» готовы к
старту, -- доложил Найдер, даже не
взглянув на информационные дисплеи. --
«Шторл» и «Шершень» приведены в
повышенную боеготовность, а остальные
эскадрильи штурмовиков и истребителей
готовятся к старту в составе второй
волны. Через тридцать секунд могут

стартовать сорок иштурмовиков с истребителями прикрытия. Через двадцать минут будут готовы к старту еще три эскадрильи смешанного состава.

Капитан одобрительно кивнул. За несколько нелегких месяцев, прошедших с начала Готической Войны, экипаж «Махариуса» уже прошел боевое крещение, и теперь крейсер Семпера ни в чем не уступал лучшим кораблям Боевого флота Готического Сектора. И все-таки до сих пор «Махариусу» приходилось лишь защищать конвои от пиратских флотилий или сражаться с небольшими эскадрами противника во время дальних походов. В полномасштабном столкновении с вражеским флотом «Махариус» участвовал впервые.

Глядя на мониторы, Семпер изучал данные о численности и вооружении противника. Всего тридцать четыре корабля — шестнадцать крупных, в том числе эскортных, боевых судов, прикрывающих основные силы, которые приближались на восемнадцати войсковых транспортах. Даже самые опытные

командиры Военно-морского флота
десять раз подумали бы, прежде чем
ввязаться в бой с таким мощным
соединением.

— Так держать! — приказал Семпер
рулевому. — Господин Найдер, прикажите
штормовикам стартовать. А «Шторм» и
«Шершень» пусть готовятся отвлечь на
себя истребители противника!

Оглядев лица офицеров, Семпер
отметил, что они преисполнены таким
же предвкушением грядущего сражения,
как и он сам.

— Приготовьтесь, господа! Сейчас мы
дадим им жару!

Фюзеляж «Ястреба» тельно угрожал.
Это означало, что стали отключаться
первые магнитные держатели, в которых
штормовик висел над стартовым ангаром.
Милош Канаран покосился на приборы.
Зеленые огоньки сообщили ему, что
машина выдержала предстартовые
перегрузки. На канале внутренней связи
раздавались голоса членов экипажа,
проверяющих работу бортовых систем.

Некоторые перед боем читали самые сокровенные молитвы. Техножрец Шанин-Ко и четыре сервитора переговаривались друг с другом механическими голосами, но смысл их слов был скрыт от непосвященных. Заунывную песнь бортстрелка первой статьи Дакиша, занимавшего позицию в верхней части судна, Капарану тоже не дано было понять. Дакиш молился богам своего родного мира на варварском языке.

Милош ничего не знал и не хотел знать о вере Дакиша и о том, не противоречит ли она вере в Бога-Императора. Дакиш был замечательным бортстрелком. Он уже сбил шестнадцать машин противника, и Капарана вполне устраивали боги, помогающие ему в бою.

Бомбардир Георгий Кустрин громко и стачно ругался, проверяя свое оружие. Кустрин родился на Страниваре, где первоначально базировался «Махариус». А уроженцы этого мира славились способностью извергать бесконечные потоки страшных проклятий, ни разу при этом не повторяясь.

Приборы засветились красным — магнитные держатели отключились. Несколько ужасных мгновений двухсоттонный штурмовик свободно падал вниз. Но падение прекратилось так же внезапно, как и началось. «Ястреб» попал в магнитное поле и повис в воздухе посреди стартового ангара.

— Мы в магнитном поле. Готовится к старту, — с обычным опозданием доложил Магик Торр, сидевший в кокпите рядом с Капараном.

Традиционно бессмысленный доклад второго пилота давно занял свое место в предстартовом ритуале, наряду с заклинаниями техножрецов, заунывными песнопениями и страшными проклятиями.

Такое случалось уже бесчисленное множество раз, но Капаран до сих пор не мог привыкнуть к тому, что на протяжении целой секунды судьба «Ястреба» зависит не от него самого, а от очень мощных, но ужасно старых генераторов магнитного поля. Тем не менее, Милош выжал из себя кривую устешку.

Вместе с Торром Канаран запустил четыре двигателя «Ястреба», понимая, что сейчас даже малейший сбой в работе генераторов приведет к немедленной гибели штурмовика со всем его экипажем. Вскоре двигатели заработали почти на полную мощность, но «Ястреб» по-прежнему неподвижно висел в воздухе. Магнитное поле еще не разжало своих тисков и не давало машине рвануться вперед.

Фюзеляж содрогался, словно в конвульсиях. Под воздействием разнонаправленных сил он мог в любую секунду разлететься на куски. В кокпите уже звучал обратный отсчет, но каждое предстартовое мгновение все равно тянулось мучительно долго. Внезапно магнитное поле исчезло, и штурмовик рванулся вперед, ликующе воя всеми двигателями, освобожденными от узды неподвижных сил.

Канаран судорожно сжал штурвал. Краем глаза он следил за стенкой ангара, мелькавшей всего в нескольких метрах от правого крыла машины. Кроме этого ему

приходилось одновременно держать в поле зрения отметку на мониторе, обозначающую стартовавший следом штурмовик и маячивший впереди открытый люк «Махариуса».

Одновременно с машиной Капарана из соседних ангаров в костос должны были вырваться еще восемнадцать «Астребов». Милош знал, что с другого борта крейсера стартовало еще двадцать штурмовиков, а сам «Махариус» в этот момент полным ходом идет в атаку. В этой ситуации малейшая ошибка любого из пилотов могла повлечь за собой тяжчайшие последствия...

Внезапно все вокруг погрузилось во мрак. Через мгновение штурмовик словно преодолел невидимый барьер, а потом содрогнулся -- позади остались гравитационное поле корабля и его силовые щиты. На дисплее заднего вида Капаран увидел быстро удаляющийся силуэт «Махариуса» и испытал хорошо известное каждому пилоту противоречивое чувство. Он радовался успешному старту и ощущал тревогу

оттого, что теперь, оказавшись в открытом космосе, лишился защиты мощного корпуса огромного крейсера.

На приборной панели вспыхнул ряд зеленых огоньков. Все десять штурмовиков его подразделения доложили об успешном старте.

-- Всем машинам эскадрильи «Немезида»! Говорит командир! Приготовиться к бою!

Грозный истребитель класса «Смерть» барражировал в космическом пространстве. Звездный свет отражался от его изогнутых, как серпы, крыльев и черного, закованного в крепчайшую броню корпуса. Пилот изучал окрестности. К его пустым глазницам были подключены кабели бортовых систем наблюдения.

Пилот чувствовал, что его эскадрилья следует за ним, выстроившись свободным полумесяцем, и готова к перехвату. Впереди уже маячили торпеды противника, а за ними виднелись гораздо более лакомые цели -- характерные энергетические сигналы вражеских

штурмовиков и прикрывающих их истребителей. В своем древнем бронированном летном костюме, приросшем к коже, опутанный кабелями и проводами, старший пилот Вохтен Кролл давно превратился в составную часть истребителя. Кролл злобно выругался. Перехват вражеских торпед — важная задача. Но что за удовольствие стрелять по этим неуклюжим беспилотным болванкам?! Гораздо интереснее уничтожать штурмовики, вступив в смертельную схватку с живыми пилотами, бортстрелками и прикрывающими их юркими смертоносными «фурями». А после уничтожения всех торпед и штурмовиков, после неизбежной победы флота Хаоса пилоты его звена смогут предаться особенно приятным развлечениям...

Он уже предвкушал, как его машина будет шнырять среди дрейфующих обломков и продырявленных корпусов уничтоженных вражеских кораблей в поисках спасательных капсул с остатками экипажей. Вохтен злорадно представлял

себе бессильный ужас, который испытывают
человечки в этих беззащитных капсулах
при виде несущегося к ним истребителя.
Старший пилот сил Хаоса получал
удовольствие только тогда, когда мог
слышать вопли ужаса обреченных людей.

Системы слежения передали Кроллу
сигналы, поступившие от
приближающихся торпед. Вохтен вновь
устехнулся, заметив, насколько сильны
эти сигналы. Примитивные двигатели
испускали так много энергии, что
перехватить и уничтожить их не
составляло ни малейшего труда. А потом
можно будет заняться более заманчивыми
целями.

-- Эскортные суда противника
выдвигаются на фланги. Корабли
включили пустотные щиты!..

-- Штурмовики выведены в ангары.
Старт машин второй волны -- через
десять минут. Обратный отсчет пошел!

-- С войсковых транспортов
противника стартовал десант. За
последние пять минут к поверхности

планеты направились двести с лишним челноков!..

Семпер слушал доклады младших офицеров, склонившись над тактическим монитором. Зыбкий свет рун чуть раздвигал полутрак мостика, озаряя худощавое лицо капитана с выдающимся орлиным носом. Простому человеку понадобилось бы несколько лет, чтобы разобраться в кажущемся хаосе постоянно меняющихся обозначений, выводимых на дисплей системами наблюдения. Но опытный Леотен Семпер читал этот хоровод значков так же легко, как и любую газету на низком готике.

Вот торпеды. А вот идущие им на перехват истребители противника. Условные обозначения покраснели, значит, их встреча неминуема. Вот значки вражеских кораблей. Сейчас они пытаются обойти с флангов строй атакующей имперской эскадры.

За боевыми кораблями сил Хаоса скрывалась истинная цель Семпера — скопление ярких точек, обозначающих войсковые транспорты. Эти точки уже

тревожно тизали. Значит, противник приступил к высадке десанта на принадлежащий Императору мир, который защищали «Махариус» и корабли его соединения.

Проследив за тем, как стремительно сокращается расстояние между торпедатами и вражескими истребителями, Семпер подумал, что скоро все решится...

Тем временем тактический монитор на мостике своего корабля изучал и другой капитан. Вот уже полдня батареи его судна расстреливали поверхность планеты, а теперь провидение сулило капитану гораздо более привлекательную цель, нежели подотные пусковые ракетные установки и города, полные мечущихся в панике штатских...

— А вот и «Махариус»! — пробормотал раздвигшийся от чудовищных опухолей Бүль Сирл, капитан «Прокаженного», и с восторженным удовольствием вдохнул невыносимое зловоние, царившее на мостике.

— Если верить лживой пропаганде противника, именно «Махариус» уничтожил «Тлетворный», — заметил помощник Сирла, стараясь не наступить на любимых таленьких нүрглингов своего капитана, непрерывно шныряющих под ногами.

Сирл увеличил изображение

имперского крейсера на одном из
мониторов и теперь хорошо видел, как из
эго ангаров вылетают штурмовики с
острыми, как у чаек, крыльями. Имперские
корабли шли в атаку. А ведь флот сил
Хаоса целых четыре дня беспрепятственно
продвигался по звездной системе Гелии,
если не считать кровопролитных, но
скоротечных стычек с отдельными
патрульными кораблями и эскадрильями
полуголодного Императора.

Первой пала орбитальная станция
слежения на окраине системы. Ее
уничтожил авангард эскадры, вышедший
из варна в точке, которую эта станция
должна была охранять. Затем безлунный
обстрел с орбиты подверглись шахты и
промышленные предприятия на двух
соседних газовых гигантах. Корабли сил
Хаоса полным ходом шли к Гелии JV. Ее
население насчитывало три миллиарда
человек, к тому же мир изобиловал
полезными ископаемыми и прочими
природными ресурсами.

Вначале эти миллиарды надеялись
на то, что их планета просто будет

разграблена. После чего они вылезут из своих убежищ и вознесут хвалу Императору, глядя вслеп пиратам, улетающим грабить следующую звездную систему. Какой же ужас должен был овладеть людьмишками при виде появляющихся из варна войсковых транспортов! Вторжение! Вторжение и безжалостное подчинение планеты силам Хаоса!

Транспорты несли костических десантников и демонов, много столетий толившихся в Оке Ужаса и безумно жаждущих крови подданных полудохлого Императора. Были там и свирепые человекозвери, и дегенеративные поклонники Темных Богов, рвавшиеся перегрызть глотку врагам своих хозяев, и полчища уродливых мутантов, служивших в армиях Хаоса лишь пущечным мясом... Оказавшие им малейшее сопротивление будут мгновенно уничтожены, а остальные — порабощены и отправлены на строительство новых боевых кораблей для флотов Абaddonа.

Самые сильные, те, кто выживет в

страшной тюрьме, в которую
Осквернитель превратит их планету,
будут загнаны на войсковые транспорты и
посланы на завоевание следующего
обреченного мира...

Главным оружием Осквернителя в
этой войне был страх, глубоко
укоренившийся в умах всех жителей
Готического Сектора. Страх того, что
следующей жертвой Хаоса станет именно
их мир, страх перед собственной участью,
которая будет предрешена, когда в небесах
появятся корабли Абaddonа.

Гелия IV стала третьей планетой,
покоренной флотом Буля Сирла. Трюмы
его войсковых транспортов были набиты
плененными жителями двух предыдущих
миров. И только теперь на пути сил
Хаоса возникло хоть сколько-нибудь
крупное соединение Военно-костического
флота... А ведь Сирл и его капитаны уже
готовились к очередной не слишком
хлопотной, но страшно скучной операции
по уничтожению сил самообороны,
состоящих из орбитальных станций и
нескольких дивизионов плохо вооруженных

канонерок. Поэтому они почти
образовались имперской эскадре, возникшей
из Варна и бросившейся на помощь
практически беззащитной Гелии IV.

Бүль Сирл перешел на сторону Хаоса
четыре столетия назад, но еще помнил,
как служил в Имперском флоте. А потому
узнал чувство, шевельнувшееся в его черной
душе. Чувство, которое старательно
прививали слушателям в Военно-
академических академиях: радостное
возбуждение в предвкушении боя.

Кроме того, Бүль Сирл разговаривался
возможности свести счеты с капитаном
«Махариуса».

-- Морроу был отличным капитаном
и преданным слугой Дедушки Нүргла, --
прохрипел Сирл, брызжа слюною,
скопившейся в изъеденном язвато рту. --
Мы отомстим за Морроу и его корабль!

-- Торпеды противника ведут себя
странно! -- обеспокоенно воскликнул один из
наблюдателей. -- Их энергетическое
излучение маскирует совсем другие
объекты!

Эрик Кетер форсировал двигатель своей «Фүрии». Хвосты огня хлестнули по носовым щитам, но через несколько секунд истребитель вылетел из километрового плазменного следа, тянувшегося за торпедой. Звено, в состав которого входили истребители пилотов Зена, Вэла, Альтомара и Чиполлы, выстроилось в боевой порядок вокруг «Фүрии» командира. Два остальных звена повторили их маневр.

На противника бросились все пятнадцать машин эскадрильи «Шторм» и еще пятнадцать машин эскадрильи «Шершень».

Выбрав первую цель, Кетер нажал на газетки. Носовые лазерные установки выбросили поток ослепительных лучей. Сражение за Гелию JV началось.

Истребитель, шедший параллельным курсом с машиной Кролла, превратился в огненный шар.

Встроенные в пустые глазницы Кролла датчики слишком поздно засекли прятавшиеся позади торпед вражеские

истребители. Капитан попытался
уклониться от залпа лазерных установок,
но не успел. Лучи искромсали броню,
срезали правое крыло вместе с двигателем
и ослепили Кролла, уничтожив носовые
успехи.

Потерявший управление истребитель
беспомощно завертелся на месте. Пилот
взревел от бессильной ярости, но уже через
пару секунд торпеды ударила в борт
обреченной машины и разнесла ее на куски.

Семпер следил за тем, как с
тактического монитора одно за другим
исчезают обозначения вражеских
истребителей. Затем учащенно затигали
огоньки торпед. Теперь им ничего не
угрожало.

-- Торпеды вышли на цель, -- доложил
Найгер.

В нескольких десятках тысяч
километров от «Махариуса» торпедная
атака вошла в завершающую стадию.
Безупречно сработали системы наведения,
маневровые двигатели подкорректировали
курс, а основные двигатели пригнали

торнедам максимальное ускорение.

На кораблях хаоситов страх перерос в настоящую панику после того, как взорвался последний истребитель. Суда захватчиков выстроились на орбите Телии IV плотным строем и теперь представляли собой идеальные цели. Торнедам было из чего выбирать. Артиллеристы уже навели орудия на приближающуюся имперскую эскадру. Канониры принялись лихорадочно рассчитывать координаты новых целей, с ужасом осознавая, что за столь короткое время просто не успеют поймать в прицел маленькие и юркие торнеды.

Батареям среднего калибра было проще. Их расчеты с самого начала готовились открыть заградительный огонь. А потому из тридцати имперских торнег двенадцать было уничтожено еще на подходе. Больше всего повезло крейсеру класса «Убийца» — «Насильнику». Его орудия перехватили все три летевшие к нему торнеды.

Наибольшая суматоха воцарилась на крупных кораблях сил Хаоса. Эскадрильи

штормовиков и истребителей уже
отправились к Гелии JV для поддержки
десанта. Теперь их срочно отзывали назад.
Оставшиеся на борту машины совершали
экстренные вылеты, зачастую не успев как
следует подготовиться к бою. В самом
опасном положении оказался тяжелый
крейсер класса «Стикс» — «Лорд Сем». К
нему направлялись целых пять торпед,
привлеченных сильными энергетическими
выбросами и сигналами, непрерывно
испускаемыми флагманским кораблем. Его
штормовики стартовали без
предварительной проверки оборудования.
Два из них столкнулись, не успев покинуть
ангар. Взорвался боезапас. Шквал огня
устремился назад. Одна за другой
взрывались ожидавшие вылета машины.
Затем сдетонировали снаряды и ракеты,
заполыхали емкости с топливом. В
результате мощнейшего взрыва «Сем»
лишился всех ангаров по правому борту и
практически вышел из строя еще до
начала боя. Увидев, что корпус флагмана
охвачен пламенем, экипажи соседних
кораблей решили, что он атакован

незаметно подкрадывался имперским судном. При мысли о том, что маленькие, но смертельно опасные эсминцы типа «Кобра» где-то рядом, паника среди захватчиков вспыхнула с новой силой.

Первые торпеды взорвались на левом фланге неприятельской эскадры. Огн из кораблей выдвинулся вперед и был атакован сразу двумя снарядами. Никто так и не узнал, что побудило капитана нарушить строй — безрассудство или мужественное желание закрыть собой войсковые транспорты.

— Цель — эскортный корабль. Возможно, эсминец класса «Уконоборец», — доложил Найджер, прочитав информацию на мониторе. — Он открыл заградительный огонь. Попадание! Огн торпеды сбита! Вторая приближается к цели.

На тактическом дисплее Семпера яркая вспышка на секунду затмила остальные обозначения.

Взглянув в иллюминатор, командир «Махариуса» увидел прямо по курсу такую

же вспыхну. Боеголовка торпеды пробилась в борт вражеского корабля и взорвалась в отделеении плазменных реакторов. В мгновение ока судно превратилось в облако горячей плазмы.

Одна за другой смертоносные торпеды поражали выбранные цели.

Артиллеристы «Лорда Сета» утудрились перехватить одну из торпед, но они недолго праздновали победу. Следующий заряд снес лазерную батарею. Аварийные щиты не успели перекрыть шахты, и из них вырвались колоссальные потоки энергии. Корабль был обескровлен. Бессильно затолчали орудия среднего калибра. Две торпеды протаранили корпус крейсера. В ангарах по левому борту еще лихорадочно готовились к вылету звенья истребителей, а в чреве «Сета» уже гревели мощные взрывы.

Следующей жертвой торпедной атаки стали три войсковых транспорта. Построенные неумелыми руками рабов, они представляли собой обыкновенные баржи, оборудованные варп-двигателями. Три огненных облака испепелили тысячи

легионеров Хаоса, так и не успевших
высадиться на Гелию.

Эскортному миноносцу «Продажный» торпеда угодила в корпус. Взрыв уничтожил установку для регенерации воздуха. Кислород на борту миноносца воспламенился, и по отсекам пронесся огненный шквал. Уцелевшие во время пожара члены экипажа загерметизировались в отсеках и медленно утирала от удушья, тщетно взывая о помощи, которой так и не суждено было прийти.

Крейсер класса «Убийца» — «Кочевник» получил прямое попадание в рубку. В первое же мгновение погибли все, кто находился на капитанском мостике, включая командира и старшего помощника. Лишившись управления и внутренней связи, «Кочевник» не принял активного участия в дальнейшем сражении. Младшие офицеры с огромным трудом наладили сообщение между отсеками и, решив не идти навстречу неминуемой гибели, предпочли потихоньку ретироваться.

Десятки вражеских кораблей горели, теряли кислород и энергию. Однако даже столь успешная торпедная атака не могла решить исход битвы. Уцелевшие суда развернули орудия в сторону приближающейся имперской эскадры. Дальнобойная артиллерия приготовилась дать залп. Корабли Военно-космического флота не были оснащены подобным вооружением, а потому их экипажи с тревогой ожидали обстрела, на который пока не могли ответить.

Пространство между противоборствующими соединениями озорилось ослепительными лазерными лучами, попеременно с огненными всполохами плазменных зарядов и энергетическими выбросами ракет. Внезапно одна из «Кобр» вырвалась вперед, тут же наткнулась на лазерный луч и разлетелась на куски.

Силовые щиты не выдерживали перегрузок. Ракеты пробивали невидимую защиту и разрывали древнюю броню кораблей, прошедших множество сражений.

Лазер нацупал слабое место в

адамантитовой броне «Тоннента» и
угодил прямо в торпедный аппарат.
Взрывная волна сорвала с петиель
шестнадцатитонный люк, и поток огня
хлынул вглубь крейсера. На беду, именно в
это время из оружейного отсека
поднимались торпеды. «Тоннент» выпал из
строя эскадры. Остальные корабли
продолжали наступать, оставив командую
крейсера тушить пожар, угрожавший
взрывом носового погреба.

Корпус «Махариуса» содрогался от
разрывов. Шлюминаторы крейсера были
оснащены штатными бронированными
щитами. Однако Семпер решил, что
полтора метра титана все равно не
спасут рубку от прямого попадания, и
приказал не поднимать щиты, желая
своими глазами наблюдать за ходом
схватки, не полагаясь на показания
дисплеев.

Снаружи разыгрывалось действо
поистине дьявольской красоты: взрывы и
вспышки яркого пламени во мраке,
стремительно несущиеся вперед
величественные корабли. Звучавшие в

эфире голоса казались котариным пискотом на фоне развернувшегося перед взором Семпера грандиозного зрелища.

— Все орудия «Сета» молчат! Если есть торпеды, стреляйте!

— Командир эскадрильи «Немезида» вызывает «Махариус»! Атакуют войсковые транспорты! Устремители противника действуют нескоординированно, но их довольно много! Просим огневой поддержки «Фүрий»! Прием.

— Докладывает передовой дивизион эстинцев. Крейсер на правом фланге противника вышел из боя. Кажется, он получил попадание в командную рубку. Теперь мы можем прорваться прямо к транспортам. Просим поддержать нас огнем!

— Докладывает «Граф Орлок». «Тоннент» уничтожен. Мы остались на правом фланге одни. По нам ведется интенсивный огонь. Просим разрешения выйти из боя и перезарядить щиты!..

— Фон Блюхер! Ты слышишь меня, подлый трус?! — внезапно взревел могучий бас, на мгновение заглушивший остальное.

голоса. -- Мне наплевать на твоих дружков
в штабе Боевого флота! Попробуй только
выйти из боя, и я продырявлю тебя вместе
с твоим ржавым корытом!

Селпер узнал голос Эрвина Рамаса,
командира крейсера «Дракенфельс». Несмотря на шипение помех, в голосе Рамаса отчетливо звучали металлические нотки. Легенда Боевого флота Готического Сектора Эрвин Рамас в свое время оказался единственным, кто выжил на капитанском мостике после торпедной атаки пиратов-эльдаров. Агентус Механикус удалось сохранить искру жизни в его изуродованном теле, и теперь Эрвин был навечно заключен в бронированной рубке где-то в недрах крейсера. Однако, несмотря на страшные увечья, Рамас явно не утратил азарта.

Селпер спрятал улыбку, не желая открыто смеяться над одним из своих капитанов, хотя ни для кого не было секретом, что тщеславный глупец Тим фон Блюхер получил должность командира «Графа Орлока» лишь благодаря родству с семейством командующего

Боевым флотом адмирала Корнелия Равенсбурга. Безнаказанно же говорить в таком тоне с адмиральскими родственниками мог себе позволить только легендарный Ратас с его сорокалетним послужным списком.

— «Дракенфельс» вызывает «Махариус»! Ну что, Семпер? Покажем этому слабаку, как сражаются настоящие офицеры Военно-костического флота?!

— Вперед, «Дракенфельс»! Мы идём сразу за вами, — ответил Семпер.

Повернувшись к рулевому, Леотен заметил, что младшие офицеры испуганно переглянулись. Однако Хито Улантис шагнул вперед с таким видом, словно бросал вызов всем, кто осмелился усомниться в правильности решения капитана. При этом старший помощник положил руку на эфес сабли, а стоявший за его спиной угрюмый старшина, кажется назначенный телохранителем лейтенанта, с угрожающим видом расправил плечи.

— Самый полный вперед! — приказал Улантис высокомерным тоном. — Не

отставать от «Дракенфельса»! Усилить
носовые щиты. Артиллерия правого и
левого борта, готовься! Торпеды -- к бою!

С этими словами молодой помощник
капитана отступил к своему пульту и
стал следить за выполнением
прозвучавших приказов. Семпер покосился
на способного и честолобивого
аристократа. Он не сомневался в том, что
из Уланги выйдет блестящий офицер и
еще до конца войны он станет
командовать собственным кораблем.

«Если, конечно, мы все к тому
времени не погибнем!» -- подумал Семпер,
вспомнив о страшных потерях, горьких
поражениях и немногих победах
Имперского флота в этой войне.

«Если мы все сегодня не погибнем!» --
мысленно поправил себя капитан
«Махариуса», глядя на то, как неуклюжий,
но внушительный «Дракенфельс» мчитя в
гущу сражения. Через секунду следом
рванулся и «Лорд Солар Махариус».

Кетер лавировал среди вражеских
кораблей. Теперь противнику стало еще

труднее попасть в его маленький юркий истребитель. Заметив боковым зрением какую-то тень, Кетер тут же включил правые маневровые двигатели, перевалился на левый борт и дал залп из лазерных пушек. Голубые лучи впились в черную броню внезапно появившегося вражеского истребителя. Под его крылом взорвался двигатель. Машина потеряла управление. Шедший параллельным курсом Альтотар тоже дал залп, и черный истребитель развалился на части.

— Молодец! — просигналил ему Кетер. — А на чей счет записать эту победу — твой или все-таки мой? Может, бросим монетку?

— Подумайте лучше, как вернуться на «Махариус» живыми, — спокойно проговорил вынырнувший справа Вэл. — И молитесь о том, чтобы к концу боя было куда возвращаться...

Буквально несколько секунд назад погиб Чиполла. В его машину угодила ракета. Однако никто из пилотов, уцелевших «Фүрий» не упрекнул бы Вэла в том, что он слишком легкомысленно

шутит. Во внезапной и страшной смерти для них не было ничего удивительного.

«Слева меня прикрывает ведомый, справа — Император, а смерть висит у меня на хвосте», — говорили они. Каждый из них мог погибнуть в любую минуту. Сейчас, в пылу сражения, они стаялись смерти в лицо. Погибших товарищей они будут оплакивать позже — под защитой брони «Махариуса».

В звене Кетера уцелело четыре машины. В двух других — еще девять. «Фүрии» должны были эскортировать первую волну штурмовиков, защищая их от истребителей противника. Эскадрилья Кетера разыскивала сравнительно безопасный путь среди вражеских судов. Лазерные пушки и ракеты «Фүрий», конечно, не могли причинить большого ущерба крупным боевым кораблям противника, однако они выполняли и другие задачи.

За спиной Кетера монотонно бубнил навигатор, передававший на «Махариус» координаты целей, а бортстрелок Манетос корректировал огонь имперских кораблей.

К огромному удовольствию Кетера, через несколько мгновений после их доклада залп орудий «Дракенфельса» развалил пополам эсминец, с которого подбили машину Чиполлы.

Уничтожив шесть истребителей, эскадрилья Кетера расчистила дорогу истребителям. Пораженный еще тремя торпедными, «Лорд Сем» практически вышел из строя. Единственным кораблем противника, несущим на борту истребительные аппараты, остался «Плутон». Встречавшиеся Кетеру вражеские истребители стартовали уже давно, чтобы поддержать высадку на Гелию JV. После длительных полетов в атмосфере и тщательного подъема на орбиту эти машины находились на предельных возможностях и стали легкой добычей опытных пилотов эскадрильи «Шторм».

Кетер уже видел перед собой распахнутые люки неуклюжих войсковых транспортов. В коробках трюмов рядами грохотались десантные челноки. Транспорты выбрасывали их одновременно по нескольким штук. Кетер в последний раз

взглянул на приборы. Убедившись, что вражеских истребителей поблизости нет, он отправил условные сигналы на «Махариус» и следовавшим за его машиной штурмовикам. Через несколько мгновений перед его глазами вспыхнул ответный сигнал.

— Эскадрилья «Шторм»! Говорит командир. Внимание! Штурмовики выходят на огневой рубеж! Выйти из зоны обстрела! Приготовиться к атаке!

— Какова наша цель? — прозвучал в эфире монотонный голос.

«Надо же, не отличить от сервитора!» — подумал Кетер, прислушиваясь к механическим интонациям Зена, а точнее — Зелота Зена, как его называли сослуживцы. Впрочем, никому и в голову не приходило оспаривать репутацию лучшего пилота-истребителя на «Махариусе». На его счету имелось больше побед, чем у кого бы то ни было.

— Что скажете, командир? — негромко проговорил Зен.

Кетер задумался. Они должны были

проводить штурмовики до цели, защищать их от атак противника и эскортировать обратно на «Махариус». Однако с «Плутона» уже стартовали вражеские машины, а на орбиту Гелии JV поднимались новые звенья истребителей.

К тому же из транспортов по-прежнему сыпались и сыпались сотни десантных челноков, набитых легионерами Хаоса. Чем меньше таких челноков достигнет поверхности планеты, тем легче будет наземным силам установить вторжение.

Взвесив все «за» и «против», Кетер принял решение. Возможно, по головке его за это не погладят, но...

— Внимание, «Шторм»! Говорит командир. Передаем штурмовики новичкам из эскадрильи «Шершень». Всем следовать за мной. Цель — десантные челноки. Они не увеличат счет наших побед, зато мы поможем пехоте на Гелии JV. А то она и так там уже по уши в... гряди!

В ответ раздался дружный стех, и машины эскадрильи «Шторм» одна за

другой стали нырять вниз, выходя на перехват десантных челноков.

Тем временем имперские штурмовики заняли огневую позицию и принялись почти в упор расстреливать транспорты противника. Те отстреливались вяло и наугад. Они были слабо вооружены, а их артиллерийские расчеты плохо подготовлены. Им удалось поразить лишь один «Ястреб».

Штурмовики прицельно били по днищам транспортов -- самым уязвимым частям этих неуклюжих судов. В первые же минуты атаки было уничтожено значительное количество готовых к старту десантных судов. При этом множество челноков взрывной волной выбросило в космос. Приimitiveчные системы автоматического пилотирования не могли стабилизировать их падение, и солдатам, находившимся внутри, предстояло зажариться живьем в верхних слоях атмосферы Гелии IV.

Ракета, пущенная «Ястребом», сдетонировала в реакторном отсеке

одного из транспортных. Судно превратилось в огненный шар. Его обломки ударили по соседним кораблям и изрешетили несколько летящих внизу десантных челноков. Разворачиваясь после очередного ракетного залпа, один из штурмовиков — тот, который угрожали так повредить артиллеристы транспортных, — оказался рядом с огненным валом, загорелся и взорвался.

Капаран понимал, что потеря одного штурмовика — ничтожно малая плата за уничтожение трех вражеских транспортных с тысячами солдат на борту, но все равно ему было трудно смириться с гибелью боевых товарищей.

— Эскадрилья «Немезида» вызывает «Махариус». Цели уничтожены. Боезапас израсходован. Жду дальнейших приказаний.

— Молодец, Молош! — раздался знакомый голос Ритуса Найдера. — Соединитесь с истребителями прикрытия и возвращайтесь на «Махариус»! Мы вас ждем!

— Назар! Зен, выходи из боя! Ты уже

дытишься!

Рет Зен выключил комтлинк, чтобы не слышать воплей своего ведомого. «Альтомар — хороший пилот, но вера его слаба...» А главным оружием Зена была именно вера... Аварийная система предупредила Рета о том, что обшивка его машины раскалилась до предельной температуры. Пропустив сигнал мимо ушей, Зен выключил динамики шлема и стал декламировать пятьдесят восьмое заклинание Духовного Равновесия:

«Император — мой пастырь, Он защищает меня.

Пока Он со мной, враг мне не страшен.

Мне не страшны еретики, демоны и другие исчадия варна...»

Зен твердил эти слова, пикируя к поверхности притягивающей его планеты. Устремитель вошел в верхние слои атмосферы, и кончики его крыльев уже лизали языки голубого пламени. Зен трижды нажал на гашетку. Батареи его лазерных орудий почти разрядились, но Рет уже понял, что десантным челнокам

наго совсем не много. Первый импульс попал в брюхо ближайшего из них, разбил тепловой щит и уничтожил Kortовые двигатели. Теперь, даже чудом не сгорев при вхождении в атмосферу, челнок все равно не сможет затормозить и со страшной скоростью врежется в землю.

Второй луч прошил борт соседнего судна, которое тут же разгерметизировалось. Воздух из него высосало в вакуум вместе с визжащими от ужаса десантниками.

На третий раз Зен промахнулся. Немного подождав, он опустил веки и снова начал декламировать про себя Заклинание. На приборной панели тревожно замигали ярко-красные руны. Снова взвыла аварийная сирена. Запахло горелой изоляцией. Теперь заволновался даже молчаливый сервитор, сидевший у Зена за спиной.

Рет открыл глаза, прицелился и выстрелил. Третий десантный челнок разлетелся на куски.

Крепко сжав штурвал, Зен с силой потянул его на себя и включил основные

двигатели. «Фүрия» содрогнулась, турбины
натужно завывали, пытаясь справиться с
почти непреодолимым притяжением
Гелии IV. Наконец, истребитель пошел
вверх, сверкнул раскаленным докрасна
обручем и вышел на орбиту. Большинство
рун на приборной панели засветились
зеленым, некоторые всего лишь
переключились с пурпурного на менее
тревожный желтый. Несколько рун упорно
продолжали светиться красным цветом.
Зен не обращал на них внимания.
Вернувшись туда, где от него отстал
ведомый, не пожелавший пикировать в
атмосферу, Зен стал выслеживать новые
цели. В течение нескольких минут он
успел уничтожить еще пять челноков.
Системы его «Фүрии» работали за
пределами допустимых перегрузок, но Рет
знал, что с ним ничего плохого не
случится. Ведь он на священной войне, и
Император не оставит его своей
любовью!..

«Я -- разящий меч! Я -- сосуд гнева!
Пусть я слаб и смертен, Божественная
Воля переполняет и укрепляет меня!» --

бормотал Зен слова тринадцатой Песни Божественного Гнева. Он вспоминал тот день, когда впервые прочел этот текст, высеченный на полу гигантского собора в его родном мире-святилище Сакра-Евангелиста. Зен помнил, как еще толоденьким послушником опускался на колени и нежно гладил пальцами слова, навсегда вырубленные в камне.

Рем вспомнил и о том, как однажды ночью молился у себя в келье и ему явился сам ангел в виде благословенного воина Сороритас, чтобы наставить Зена на новый путь служения Империи. Оказывается, ему было предначертано стать ужасом всех врагов Императора, его карающим мечом...

Зен явился к отцу исповеднику и рассказал о своем видении, а затем Экклезиархия долго подвергала душу и тело юноши тщательным испытаниям, чтобы понять, не был ли он обольщен демонами. Наконец ему поверили, освободили от монашеских обетов и приняли на службу в вооруженные силы...

Заложив крутой вираж, Зен увидел

очередную цепочку десантных челноков и направился прямо к цели. Он не натеревался отдыхать, пока жив хоть один враг Императора.

Бүль Сирл видел, как взорвался очередной транспорт. Даже катаракты не помешали ему рассмотреть яркие точки вражеских иштурмовиков, круживших вокруг горящего остова транспорта. Тогда он и понял, что сражение безнадежно проиграно. Вторжение на Телию провалилось, и об остальных транспортах с грязным сбродом на борту можно было забыть. Хорошо еще, что уцелели «Прокаженный» и несколько крупных боевых кораблей! Они завоюют какой-нибудь другой мир. Его жители построят новые транспорты, в которые их же потом и загонят... А пока пусть Телия остается в руках противника...

— Полный вперед! — равкнул Бүль Сирл. — Мы покидает орбиту!

— Но ведь нам приказано прикрывать высадку десанта! — взвизгнул старший помощник, выскочка, не прослуживший

Нобелителю Распага и половины столетия.

Злобно зашипев, Бүль Сирл раздүл жабры, выплеснув фонтаны желтоватой, кишащей спорати слизи. Щупальца Сирла схватили наглеца за ноги и с размаху ударили головой о ближайшую переборку. Стая маленьких нүрглингов взвыла и принялась с жадностью пожирать кашу, вытекающую из раскрытого черепа. Вторым щупальцем Сирл собрал слизь, текущую по его шее, и обмазал ею губы ближайшего офицера, тем самым назначив его на должность первого помощника.

— Наш долг — служить Нобелителю Распага! — прорычал Бүль Сирл. — Уничтожать его врагов. Готовьтесь к бою. Наша цель — «Махариус»!

Имперский крейсер согрознулся от очередного удара. Слава Императору, и на этот раз пустотные щиты выдержали нагрузку. Из недр «Махариуса» до капитанского мостика долетел гул взрыва.

– Какие у нас повреждения? –
забоченно спросил Семпер.

Магос Кастаборас склонил лицо, скрытое под золотой маской. Он помолчал несколько минут, ментально соединяясь с другими техножрецами и таинственными духами крейсера. За это время он успел собрать и обобщить информацию со всего судна.

– В нижней части корпуса по правому борту – пробоина. Повреждено несколько палуб. Отсеки загерметизированы. Там пожар погаснет сам собой. На нижних палубах, с четвертой по восьмую, проблемы с вентиляцией – кончается воздух...

«Проблемы с вентиляцией?! – Семпер подумал о том, что и в лучшие времена нижние палубы мало чем отличались от преисподней – бесконечный лабиринт из узких и темных коридоров, наполненных горячими газами и ядовитыми испарениями. – Что же там творится теперь?! Целые отсеки в огне... Другие – разгерметизировались... Дышать нечем!...»

-- А что там с командой? -- спросил он матроса.

Кастаборас осекся и взглянул на капитана с таким видом, словно вопрос застал его врасплох. Семперу вообще часто казалось, что высокотерпные Agentus Механикус с трудом терпят присутствие на «Махариусе» людей и тирятся с ними как с неизбежным злом.

-- Потери средние, может, большие. Однако погибнут в основном наименее ценные члены экипажа, которых можно будет легко заменить матросами с нижних палуб.

Семпер кивнул и отвернулся к иллюминатору.

Вокруг бушевало сражение. «Махариус» и «Дракенфельс» первыми почувствовали на себе ярость противника и уже получили несколько прямых попаданий. «Махариус» лишился одного ангара по правому борту и двух ангаров по левому. Кроме того, вражеская ракета разнесла носовую оружейную палубу левого борта, а часть системы наблюдения вышла из строя после серии взрывов в

непосредственной близости от силовых щитов. Секундой позже поступили доклады о неполадках в системе охлаждения двух плазменных реакторов. Впрочем, Семпер знал, что такие повреждения не могут вывести из строя его корабль, который немедленно оплатил противнику той же монетой. «Махариус» уже разорвал строй дезорганизованного вражеского флота, и ему оставалось только выбирать цели. Орудия крейсера методично уничтожали щиты судов противника, а «Дракенфельс» расстреливал их почти в упор. Таким образом были погбиты два вражеских эсминца, а печально известный своей изменой бывший имперский корабль, именувемый ныне «Окровавленный Жертвенник», поспешил выйти из боя. Броня по его правому борту была почти полностью уничтожена, и он убрался восвояси, оставив за собой шлейф из обломков и раскаленных газов.

Теперь удача сопутствовала эскадре Военно-космического флота. Правда, от «Тоннента» остался лишь догорающий остов, но получивший одиннадцатый

торпедных попаданий «Лорд Сем» тоже очень сильно пострадал. Штурмовики противника, стартовавшие с «Плутона», изрядно потрепали передовой дивизион имперских эсминцев. Однако те успели торпедировать еще два войсковых транспорта. Вторая волна «Астребов» «Махариуса» атаковала остальные транспорты. Возвращаясь в ангары, эскадрильи первой волны понесли большие потери. Погнавшиеся от поверхности Телии JV истребители захватчиков обнаружили, что не могут вернуться на «Лорд Сем», а на уцелевшем «Плутоне» для них не было места. Тогда обезумевшие от ярости пилоты с самоубийственным фанатизмом бросились на суда имперцев.

Сверившись с показаниями тактического монитора, Семпер определил расстановку сил. На текущий момент было уничтожено или выведено из строя уже девять войсковых транспортов. Вторая волна «Астребов» продолжала атаковать уцелевшие. Из числа вражеских кораблей «Кочевник» и «Окровавленный Жертвенник» уже вышли из боя.

Остальные, включая особо опасный «Плутон», судя по всему, тоже собирались отступить. Без огневого прикрытия транспорты захватчиков были обречены.

Итак, попытку противника захватить Гелию IV можно было считать провалившейся.

Внезапно страшный удар сотряс капитанский мостик и сбил Семпера с ног. Завыли сирены. Откуда-то с верхнего яруса рубки свалился сервитор. Механический помощник переломал себе все конечности и теперь корчился от электрических разрядов рядом с упавшим капитаном.

— Артиллерия тяжелого крейсера! — констатировал Уланги, помогая Семперу подняться. — Он подобрался к нам незаметно, прячась за островами других кораблей.

Среагировав на удар, иллюминаторы автоматически опускали щиты, но капитан успел рассмотреть похожую на змеиную голову носовую часть вражеского судна. Крейсер шел к «Махариусу» на полном ходу.

— Сейчас они дадут бортовой залп! —

заорал Улантти.

— Не думая, — парировал Семпер.

Сначала он решил, что быстроходный крейсер идет на таран, но потом заметил, что в последний момент корабль изменил курс и повернулся к «Махариусу» бронированным брюхом. От постоянного пребывания в варпе его броня стала похожа на звериную шкуру, покрытую язвами, которые внезапно стали раздвигаться. Из них появились металлические носы маленьких костических аппаратов...

— Они идут на абордаж, — понял Леотен. — Господин Улантти, прикажите готовиться к рукопашному бою!..

Отделившиеся от брюха «Прокаженного» абордажные челноки преодолели расстояние между кораблями за считанные минуты. Однако артиллерия и лазеры «Махариуса» успели расстрелять изрядное количество челноков еще до того, как те впились в броню его корпуса. Некоторые абордажные машины не рассчитали траекторию или слишком поздно затормозили и разбились вдребезги

о борт имперского крейсера. Остальные же присосались к броне «Махариуса» как пиявки и взорвали люки воздушных шлюзов мелта-зарядами.

Сквозь рваные пробоины по всему правому борту «Махариуса» внутрь крейсера полезли жуткие, изуродованные варпом твари. Воя от радости, они бросились на поиски жертв...

Изрыгнув проклятие, Максим Боруса взмахнул ценным мечом и развалил надвое звериную голову возникшего перед ним существа. Другая тварь бросилась на Максима с пикой наперевес, но старшина нырнул вниз и перерубил ему ноги. Мутант заорал от боли и рухнул на палубу. Тогда Максим сунул ему в пасть ствол гробовика и нажал на спусковой крючок.

Ловко орудуя мечом и непрерывно стреляя из гробовика, Боруса прокладывал себе дорогу по горам трупов туда, где маячила фигура в синем кителе с золотыми эполетами. Максиму нравилось служить на капитанском мостике,

подальше от страда и грази нижних палуб, нравилась его новая чистая униформа, личная каюта и многие другие приятные мелочи, которыми он теперь мог себя побаловать. При этом он прекрасно понимал, что его карьера целиком и полностью зависит от благополучия флага-лейтенанта Хито Уланги.

Перед Максимом выросла еще одна отвратительная тварь и что-то нечленораздельно проквкала, брызжа зловонной слизью. Старшина огрел лейтенанта рукояткой ценного меча, а затем его кулак в бронированной перчатке разорвал полуразложившуюся плоть, круша гнилые зубы и кости. Урод завизжал и отступил назад, а Максим трижды выстрелил ему в морду из автоматического пистолета, подобранного рядом с чьим-то трупом.

Боруса снова ринулся вперед. Он раздавил тяжелым сапогом череп упавшего на палубу существа, которое тянуло к нему увенчанные клешнями щупальца, а затем распорол живот изменнику в полустлевшей форме имперского

зваргейца. Максим ловко сорвал
противогаз с головы следующего врага,
облаченного в металлические доспехи, и
увидел распухшее, изуродованное
человеческое лицо. Этот еретик погиб
быстро, задохнувшись в сравнительно
чистом воздухе «Махариуса».

Улантн в очередной раз вызвался
лично вести людей в рукопашную, и
Максим негромко выругался, проклиная
честолюбие своего покровителя. Боруса
уже не сомневался в том, что старший
помощник далеко пойдёт, и не натеревался
отстаивать. Для этого ему нужно было
уберечь лейтенанта от гибели и уцелеть
самому.

На глазах у старшины Улантн ловко
выпустил кишки одному из врагов, но
другой прицелился в лейтенанта из
болтера. Прыгнув вперед, Максим толкнул
в спину одного из гардетаринов
«Махариуса» так, что тот оказался прямо
между старшим помощником и дулом
болтера. Прогрел выстрел.
Сталепластовый нагрудник гардетарина
разнесло на куски, а Боруса выпустил во

врага всю обойму болт-пистолета. Обернувшись к своему телохранителю, лейтенант поблагодарил его кивком головы.

В конце коридора раздалась новая выстрелы — на борт высагился очередной отряд захватчиков. Максим толкнул Уланца в боковой коридор и прыгнул в укрытие следом, успев подхватить с палубы штормовой болтер. Старший помощник вытащил из кобуры лазерный пистолет ручной работы и начал стрелять вдоль центрального коридора. Боруса вырос в трюмбах города-улья на Страниваре и прекрасно понимал, что в такой ситуации все решает интенсивность огня. Взвесив в руке оружие, знакомое по стычкам в подземельях, Максим убедился в том, что магазин почти полон, и тоже открыл безлый огонь. Болтерные заряды с визгом рикошетили от переборок и летели дальше, пока не поражали цель.

Вскоре раздался оглушительный грохот тяжелых болтеров. Стреляли флотские гардемарины, прибывшие на

вырчку Уланти и Борусе. В коридоре выросла гора вражеских трупов, но отступить противнику было некуда -- за спиной у него появилось второе отделение гардемаринов «Махариуса». Попадших под перекрестный огонь захватчиков скоро перестреляли. Гром выстрелов заглушил их предсмертные вопли.

Командовавший отрядом офицер браво козырнул лейтенанту и доложил:

– Наверху их еще десятка три. Комиссар Киоген прижал их огнем к палубе, но они могут пробиться к главному оружейному погребу!

– Сейчас я им покажу! – воскликнул Уланти, вытащил саблю из ножен и бросился вперед во главе отряда гардемаринов.

Максим выругался, нашарил среди трупов новую обойму и бросился за лейтенантом.

Командир «Прокаженного» с довольным видом отвернулся от дисплея. Силуэты имперских кораблей таяли за кормой. Одним курсом с «Прокаженным»

или «Плутон», «Кочевник» и несколько эскортных судов. «Окровавленный Жертвенник» отступал другим курсом. Потирая щупальца, Бүль Сирл со злорадством подумал о том, что «Жертвенник» послужит приманкой для имперских кораблей, если те вдруг выйдут в погоню.

Сирл отправил было на «Махариус» вторую волну абордажных челноков, но по «Прокаженному» открыли прицельный огонь батареи «Дракенфельса». Сирл верой и правдой служил Хаосу уже не одну сотню лет, но не был обезумевшим от ярости берсеркером и намеревался служить дальше. Великий Отец не требовал от своих чад безрассудно идти на верную смерть. Он использовал не слишком эффектные, но весьма эффективные методы. Сирл знал, что «Махариус» и «Прокаженный» еще встретятся и тогда имперскому крейсеру несдобровать. Кроме того, капитан уже начал готовить свою будущую победу...

Порождение Хаоса кралось в

темноте, оставляя позади огни и крики людей, отправленных на поиски уцелевших врагов. Мерзкая тварь знала, что на «Махариус» высадилось несколько ее соплеменников. Но интуиция подсказывала ей, что остальные сородичи погибли.

Холодные отсеки имперского крейсера совсем не походили на стергящие гнилью трюмы кораблей Хаоса. Там ржавые палубы и переборки, сплошь покрывала разноцветная поросль ядовитых грибов и лишайников. Тем не менее, подгоняемая инстинктом тварь двигалась все дальше и дальше по коридорам «Махариуса». Она искала уединенное безопасное место, где царили бы трак и жара и где она смогла бы устроить уже шевелящееся в ее чреве новое существо, которое прорастет, окрепнет, размножится...

Леотен Семпер смертельно устал. Он не смыкал глаз уже тридцать часов. Сражение за Гелию JV было выиграно, отряды десанта Хаоса, пытавшиеся взять «Махариус» на abordаж, уничтожены. Честь дать последние залпы в этом космическом бою выпала «Сципиону», поразившему четырьмя торпедатами реакторы отступавшего «Насильника». Судя по всему, крейсер Хаоса израсходовал свою удачу, что и привело его к яркому, взрывному концу. Битва завершилась, но дел еще хватало. Оставшиеся без огневой поддержки войсковые транспорты были очень быстро расстреляны артиллерией и торпедатами. Однако успевшие десантироваться на Гелию JV легионы Хаоса укрепились на захваченном плацдарме. Сражение на поверхности планеты продлится еще несколько месяцев. Судам Военно-космического флота придется доставить на Гелию JV подкрепление -- подразделения Имперской

Гвардии, расквартированные в других
тирах Готического Сектора.

«Махариус» и «Дракенфельс»
получили не слишком серьезные
повреждения, а вот на «Сципионе» взрывом
торпеды был уничтожен варп-двигатель.
Теперь ему предстояло ремонтироваться
на орбите Гелии, обстреливая из костоса
позиции вражеского десанта. Практически
не пострадал только «Граф Орлок», и
Семпер уже представлял, какие эпитеты
подберет для его командира суровый Эрвин
Ратас.

Челноки все еще собирали
спасательные капсулы с «Тоннента» и
остальных погибших имперских кораблей.
Такой тщательный поиск объяснялся не
столько соображениями гуманизма,
сколько суровой необходимостью
«Махариус» и остальные суда должны были
возместить потери личного состава. На
всех кораблях эскадры полным ходом шел
ремонт, а фрегат «Нетательный»
ринулся в погоню за остатками флота
Хаоса, отступавшими к краю звездной
системы. Навигаторы и псайкеры фрегата

попытались определить, куда направляется уходящий в варн противник.

— Вы одержали блестящую победу, капитан, но валитесь с ног от усталости. Отправляйтесь к себе и насладитесь заслуженным отдыхом!..

Обернувшись на голос, Семпер с удивлением увидел Кобу Киогена. Капитан был уверен, что комиссар обходит отсеки «Махариуса», оценивает боевой дух команды и собирает информацию для секретного рапорта. Такие отчеты после каждого сражения составляли все комиссары Военно-космического флота, чтобы затем по астронавической связи передать его прямо в штаб Боевого флота Готического Сектора.

Как и Уланги, Киоген лично участвовал в отражении штурма «Махариуса», и Семпер не сомневался в том, что суровый здоровяк комиссар отдыхал еще меньше его самого. Иногда капитану казалось, что загадочный Киоген вообще не был человеком, а являлся таинственным творением Агентства Механикус.

— Пожалуй, вы правы, — улыбнулся Семпер.

Брошенные как бы невзначай слова Киогена были скорее приказом, нежели дружеским советом. Комиссар отвечал за безопасность корабля, за порядок на борту — за все, включая самочувствие командира.

Оглядевшись по сторонам, Семпер отыскал глазами самого старшего из находившихся на мостике офицеров.

— Господин Мэлер, принимайте командование кораблем.

Старший артиллерийский наводчик Вернер Мэлер лихо щелкнул каблучками. Остальные офицеры отдали капитану честь.

Семпер направился к лифту. Рядом с ним зашагали трое гардемаринов-телохранителей. Двери лифта распахнулись, и на палубу вышли несколько человек. Капитан сразу узнал глинные зеленые одеяния астронавтов. Впереди, скрыв лицо под капюшоном, шагал Рапавн. Окинув мостик ментальным взором, он повернулся к Семперу.

— Господин Рапавн! — почтительно

поклонился Леотен. -- Что привело вас на капитанский мостик?

Старший астронавт сделал вид, что не уловил недовольства в голосе капитана. Он и так прекрасно знал о суеверии, бытовавшем на боевых кораблях Имперского флота, -- появление псайкера на капитанском мостике считалось плохой приметой.

-- Срочное сообщение из штаба Боевого флота, -- пробормотал Раванн зловещим глухим шепотом. -- Приказ: как можно скорее прибыть в звездную систему Белатис. Задача: обеспечить эвакуацию с этого обреченного мира самых верных и ценных слуг Императора...

Часть четвертая

ОКО РАЗРУШЕНИЯ

Пролог

«Убийца Планет» двигался в варп-пространстве медленно и величественно, словно полководец во главе непобедимого войска. Эскортные корабли шли впереди, как гонимцы, оповещающие о приближении повелителя. С флангов гигантский корабль прикрывали множество крейсеров и линейных крейсеров. Строй замыкали два линкора и невероятно древняя и грозная самоходная боевая баржа, принадлежавшая когда-то одному из Оргенов Агентства Астартес.

Эта баржа, некогда носившая имя «Великий Деспот», была старше самого Императора. Во времена Ереси Хоруса она служила Осквернителю флагманом. На её борту были расквартированы пять рот космических десантников Чёрного легиона Хаоса — лейб-гвардии Абaddon. После того как боевая баржа попала в руки противника, имперские хронисты переименовали её в «Знамение Рока». На борту такой же боевой баржи произошла

последняя схватка Императора с Хорусом, в то время как Абaddon и другие военачальники Воителя штурмовали Императорский дворец. Теперь баржа «Знамение Рока» стала символом личной власти Осквернителя, унаследованной им от Воителя. Редкие появления «Знамения Рока» за пределами Ока Ужаса почти всегда предвещали крупномасштабные вторжения сил Хаоса в пространство Империи.

Громадный «Убийца Планет» неуклонно двигался к своей далекой цели. Его экипаж прилежно выполнял свои обязанности, не сомневаясь в том, что зоркий взгляд Осквернителя неусыпно следит за его действиями, хотя никто и не знал, где именно находится Абaddon. Хитроумный наследник Хоруса опасался не только происков противника, но и заговоров среди своих кровожадных и честолюбивых подданных. Поэтому он непрерывно перемещался с «Убийцы Планет» на «Знамение Рока» или на какой-либо из двух грозных линкоров. Точное местоположение Абaddона было известно

только самым преданным слугам и приспешникам. Некоторые поговаривали даже о том, что по приказу Осквернителя было выведено несколько гомункулов -- двойников Абaddon. Никто ничего не знал наверняка, но и в подразделениях сил Хаоса, и в Имперских вооруженных силах не раз отмечали, что Осквернитель мог одновременно появляться на разных судах в разных мирах, расположенных друг от друга в неделях варп-перехода.

Неудивительно, что хитроумный и изобретательный Абaddon вот уже десять тысяч лет командовал в Оке Ужаса Легионами Хаоса.

Трое навигаторов «Убийцы Планет» прокладывали курс в постоянно меняющейся паутине варпа. Их не пугали тайны Имматериума. Они чувствовали взгляды других навигаторов, видели ментальным взором их корабли и вовсе не боялись шныряющих повсюду злобных бесплотных демонов. Эти ненасытные твари беззвучно терзали поля Геллера и пустотные щиты, за которыми прятались смертные существа, остелившиеся

вторгнуться в их владения.

Навигаторы Абaddon ощутили присутствие вражеского корабля, следящего за полетом «Убийцы Планет». Непрошенный согласатай мог быть уничтожен в любой момент, но Осквернитель хотел, чтобы противник узнал местонахождение «Убийцы Планет». Абaddon понимал, что обескровленные и распыленные на множество фронтов Имперские вооруженные силы не смогут сейчас дать ему достойный отпор. А ощущение собственного бессилия перед лицом неумолимо приближающегося гигантского корабля должно было внушать им ужас.

Где-то далеко в вихрях варпанавигаторы «Убийцы Планет» уже определили свою цель. Сначала она затеплилась на горизонте их ментальных взоров, но постепенно стала увеличиваться в размерах. Имперские навигаторы прокладывают путь в варпе по сигналам Астрономикона своего полугохлого повелителя, а у лоцманов «Убийцы Планет» совсем другой маяк! Страх!..

Страх, сжавший миллиарды людских сердец! Слепая паника, охватившая целый мир, отразилась в психочувствительном Ультиматериуме и засветилась, словно карликовая звезда в костической бездне...

Варн чувствовал ужас жителей Белатиса, ожидавших неминуемой гибели, и направлял палача к своей жертве.

Серые тучи затянули небо над Мадиной. Несколько десятков арестованных разбирали завалы во дворе казарм Агентус Арбитрес. Очередной минометный обстрел застал их врасплох. Мины с противным визгом свалились с неба и разорвались посреди двора.

Вырвавшись, Вэннан Корте нырнул под гусеничный командный транспорт «Рино». На броню посыпалась грязь и вперемешку с осколками и кусками человеческого мяса.

Опыт последних безутных дней подсказывал Корте, что до следующего залпа у него есть секунд двадцать. За это время ему надо успеть добраться до укрытия.

-- Махан! -- на бегу заорал Корте в вокс шлема, -- Вы что там, уснули?! Немедленно засеките и накройте эти чертовы минометы!!!

-- Мы стараемся, сэр! Но они прячутся в развалинах восточного квартала и

постоянно меняют позицию. Под таким огнем мы не успеваем прицелиться! — слышался в ответ хриплый от усталости голос командира взвода артиллеристов.

Махан был самым молодым из офицеров Бизантана. Поначалу Корте возражал против его назначения на должность командира артиллеристов, считая, что у выходца из далекого сельскохозяйственного мира слишком мало опыта. Теперь Корте неохотно признавал правоту прокуратора. За последние несколько недель Махан зарекомендовал себя как способный офицер. Его боевой расчет пресек несколько попыток разъяренной толпы взять штурмом казармы Агентус Арбитрес. Кроме того, он успешно прикрывал огнем воздушный транспорт, ежедневно курсировавший между имперскими базами Белатуса.

Разумеется, Корте никогда бы и в голову не пришло поощрить Махана. Помощник прокуратора должен внушать младшим офицерам лишь благоговейный трепет. Кроме того, Корте родился в

мире-улье и ни за что не согласился бы
хвалить свиновода с аграрной планеты,
какими бы выдающимися ни были его
достижения.

-- Ваш долг -- уничтожать врагов
Императора, а не оправдываться! -- равкнул
Корте.

Услышав предупреждающий возглас и
визг летящих мин, он прыгнул в укрытие.
За сложенными у стены мешками с песком
уже пряталось несколько арбитров. Мины
ударили в мощные стены бункера во
внутреннем дворе. В ту же секунду с
башен заговорили орудия. В сторону
предположительной позиции
танкетчиков понеслась лавина фугасных
снарядов. Через некоторое время где-то к
востоку от казарм слышались громкие
взрывы и несколько разрывов потише.

Корте многозначительно
переглянулся с Доланом, арбитром,
служившим под началом Бизантана со
времен умирения восстания генокрадов на
Саннене.

«Демонация, -- подумал Корте. --
Значит, Махан во что-то попал. Может,

даже уничтожил парочку минометов. А может, и склад мин... Неплохо для свиновода!...»

— Молодец, Махан! — проговорил Корте в вокс. — Но не расслабляйтесь. Постарайтесь уничтожить остальные минометы. К нам с третьей базы летят гравискифы. Мне не хотелось бы, как в прошлый раз, соскребать с посадочной площадки внутренности их пилотов.

— Мы постараемся, — спокойно ответил Махан.

Минометы затолкли. Корте поднялся и оглядел двор. Размахивая дубинками, сержанты орали на каторжников, заставляя их сгребать в кучи обломки бетона и куски человеческих тел. Люди неохотно покидали свои ненадежные укрытия, то и дело поглядывая на небо, откуда в любой момент могли посыпаться мины. Несколько человек принялись тушить бронетранспортер, получивший прямое попадание. В западной части двора все еще дытелись обломки гравискифа. Арбитрат удалось сбить его, когда машина развернулась, чтобы в третий раз

обстрелять гвор казармы.

Из-за низких облаков раздался вой двигателей. Корте и Долан загнали головы и стали всматриваться в хмурое небо.

-- Это наши? -- не выдержал Долан.

-- Какая разница? -- презрительно пожал плечами помощник прокуратора.

Три часа назад звено орбитальных истребителей, словно на учениях, прошло над северными промышленными районами столицы и нанесло мощный удар по наземным целям. Арбитры так и не смогли понять, что это были за истребители и какие цели они поразили.

Корте взглянул поверх стены туда, где за пеленой дождя угадывались очертания дворца принца-регента. Капли воды искрились и сверкали, падая на пустотный щит, прикрывающий огромную резиденцию правителя Белатиса. Даже с такого расстояния Корте расслышал приглушенную шумом дождя канонаду. Протерев окуляры, помощник прокуратора поднес к глазам бинокль и стал наблюдать, как взрываются снаряды.

натываясь на презраду пүстотного щита.

Утешившись мыслью о том, что хотя бы эти снаряды не летят к его казарме, Корте задумался о стремительном и неожиданном повороте событий, разыгравшихся на Белатисе. Менее двух месяцев назад сүхой сезон сменился сезоном дождей. То есть со дня, когда они обнаружили ту страшную находку и уничтожили пещеру культистов, тоже прошло около двух месяцев. За это короткое время вся планета с ужасающей быстротой канула в бездну анархии и гражданской войны.

Со стороны дворца продолжал доноситься грохот взрывов. Порой снаряды не долетали до пүстотного щита и падали на лагерь беженцев, тщетно искавших спасения под защитой огромной скалы.

«Если им так хочется в варн, пүсть түда и проваливаются! -- подумал Корте, морщась от горечи неизбежного поражения. -- Чем скорее мы үнесем отсюда ноги, тем лучше. Мы сделали все, что могли...»

В тронный зал дворца принца-регента не проникали звуки стрельбы и крики повстанцев. Пустотные щиты хорошо справлялись со своей работой. В резиденции все так же плелись интриги и шла борьба за мелкие привилегии. Местная знать, казалось, и не задумывалась о том, что дни раздираемой гражданской войной планеты уже сочтены.

— Глубокоуважаемый прокуратор, постарайтесь понять, его величество принц-регент еще не готов распрощаться со своим горячо любимым миром, который, кстати, вручен попечению принца-регента и его семейства самим Императором!

«На самом деле, — подумал Бизантан, разглядывая внушительную фигуру министра национальной безопасности Джарры Кейля, — ты просто убедил этого жирного глупца в том, что его священный долг — оставаться здесь до конца. И все потому, что еще не полностью разграбил этот "горячо любимый мир". Ты

стараешься обеспечить безбедное существование себе и всему своему отродью там, где не грохочут пушки и не слышны предсмертные крики детей!»

Прокуратор знал, что первый министр уже набил трюмы висевшего на орбите транспорта не только личной собственностью семейства принца-регента, но и прочими ценностями, которые его люди вынесли из музеев, храмов, святилищ и банков Белатуса. Туда же перекочевала и государственная казна. Ни министра, ни его сообщников, кажется, не волновало, что в эти же трюмы могло поместиться огромное количество беженцев.

-- Мне понятно желание принца-регента оставаться со своими подданными до конца, -- вызывающим тоном произнес Бизантан, обращаясь к человеку, восседающему на троне. -- Однако верный слуга Императора не имеет права понапрасну рисковать своей жизнью. Кроме того, мною получен приказ эвакуировать первых лиц Белатуса. Мой долг -- предупредить принца-регента о том, что

он не может больше медлить с отъездом. Сорок восьмой Валеттский и сто двадцать третий Миносский полки Имперской Гвардии уже грузятся на транспорты. На сегодняшний день Агентус Арбитрес являются единственными представителями Имперских вооруженных сил на Белатисе. Однако мне известно, что на днях поступит приказ и о нашей эвакуации.

Бизантан на мгновение затолчал, рассматривая грузную фигуру на троне.

— Если принц-регент желает остаться и погибнуть, я могу лишь восхищаться его преданностью своему миру. Но должен предупредить, что очень скоро здесь не будет ни Агентус Арбитрес, ни Имперского флота.

Будто в подтверждение слов Бизантана, мощный зал потряс древние стены. Придворные, столпившиеся у трона принца-регента, олицетворяющего сейчас их единственный шанс на спасение, стали нервно переглядываться. Очевидно, они не жаждали разделить трагическую судьбу обреченного мира и мечтали поскорее

оказаться на борту транспортных. Конечно, в трюмах этих кораблей было не так чисто и просторно, как во дворцах, но туда, по крайней мере, не долетали снаряды хаоситов.

— Мы благодарим прокуратора за предупреждение. Однако хотим напомнить, что обладаем не меньшими полномочиями. Мы и наше семейство уже четыреста лет является правителями этого мира и назначены решением Совета Верховных Лордов Терры. Приказ об эвакуации будет издан в нашем дворце, а не в казарме Агентус Арбитрес! — прокричал принц-регент Витас Сарон. Его тоненький голосок прозвучал под высокими сводами необъятного тронного зала особенно жалко. Принц стал оглядываться по сторонам, ища поддержки у придворных.

Византан с трудом поборол приступ гнева. Дни его мира сочтены, а этот жирный дурак все еще играет в политические игры, показывая своим аристократам, что не станет безропотно плясать под дудку Империи! Однако стоило прокуратору открыть рот, чтобы

возразить этому спесивому глупцу, как
вперед шагнула женщина в темно-синем
плаще. Узнав цвета Агента Сороритас,
телохранители и придворные
почтительно расступились.

— Принц-регент, безусловно, прав. Но
его чин — гражданский, а прокуратор
Агентус Арбитрес — военный. Известно,
что Верховные Лорды Терры повелели
считать слово военных решающим, когда
речь идет о вооруженных столкновениях с
врагами Империи.

Покосившись на Бизантана и отвесив
неглубокий поклон в сторону Витаса
Сарона, сеговладая сестра Агента
Сороритас отступила назад.

Проводив ее попенлевшим взглядом,
прокуратор мысленно поблагодарил судьбу
за то, что в тронном зале нашелся хоть
один верный слуга Императора. Сестра
Аппония принадлежала к Ордену Фамулус
и была приставлена Министром к
персоне принца-регента в качестве
домоправительницы и советника. А при
необходимости она выступала еще и как
напоминание о том, что принц-регент в

конечном счете всего лишь наместник в одном из миров Империи.

При этом Византан подумал, что Сарон не такой уж плохой человек и даже старается верно служить Императору. Самый большой его недостаток заключался в том, что он был очень тщеславен и при этом ни о чем не имел своего мнения, легко подпадая под чужое влияние. Например, под влияние первого министра национальной безопасности или грозного широкоплечего генерала Брода, командовавшего остатками сил самообороны. Если агенты прокуратора не ошибались, принц-регент был под каблучком даже у женщины, сидевшей сейчас рядом с ним на троне поменьше... Как раз в этот момент Сарон наклонился к ней. Принцесса Малисса подала ему бокал вина и что-то зашептала на ухо.

Семейство Сарон обосновалось во дворце безжалостно утешенного мятежного принца Тарса четыреста лет назад. С тех пор каждый из правивших Белатисом Саронов непременно прибавлял к своему титулу слово «регент», а потом

поступал, как ему заблагорассудится. В
общем и целом династия Саронов
достаточно верно служила Императору.
Ее преданность даже была запечатлена на
героических фресках тронного зала,
изображающих изрубленные тела
мятежников из рода Тарсов и туши
истребленных ксеносов.

Витас Сарон с жадностью принял
кубок, поданному сестрой, и Бизантан
разочарованно подумал, что принц-регент
еще и закладывает за воротник.
Разглядывая благородные черты лица
принцессы Малиссы и обнаруживая в ее
глазах признаки острого ума, Бизантан в
очередной раз проклял местные традиции
престолонаследия. Если бы восемь лет
назад после смерти отца на трон взошла
эта женщина, рассеянно треплющая сейчас
по щеке своего слабоумного брата, она не
допустила бы разгрома анархии и начала
гражданской войны.

-- Неужели все так плохо? -- осушив
одним глотком кубок, протянул Сарон.--
Мы прикажем новым солдатам прибыть
на защиту двorca. Мы пока еще принц-

регент, и наш народ пойдёт за нами в эту
годину суровых испытаний. Мы обязаны как
можно дольше оставаться с нашими
возлюбленными подданными. Пусть они
знают, что память о нашем мире и его
боевой дух умрут только тогда, когда в
небытие уйдёт последний из династии
Саронов!

«Он действительно неплохой
человек, — подумал Бизантан, — но очень
глупый. Он ничего не хочет знать и совсем
ничего не понимает!»

— Каким новым солдатам? — стараясь
держать себя в руках, спросил
прокуратор. — Откуда им взяться? Ваши
казармы пусты. Все бойцы сил
самообороны Белатиса или уже посланы в
походы, или разбежались. Кроме того, они
целыми полками переходят на сторону
противника.

Бизантан замолчал, бросив
испепеляющий взгляд в сторону генерала
Брода и его адъютантов. Прокуратору уже
давно стало ясно, что в ряды сил
самообороны планеты много лет назад
просочилось множество культистов. Когда

на Белатисе стали поговаривать о неминүемой катастрофе, хаоситы вышли из подполья и развернули свою подрывную деятельность почти во всех крупных населенных пүнктах. Они үсердно сеяли страх и недовольство среди населения, и без того напүганного слүхати о грядүщем вторжении. Многие подразделения сил самообороны Белатиса, отправленные на подавление беспорядков, поддержали бунтовщиков. Вскоре стало известно, что их командиры давню втайне поклонялись силам Хаоса. Во многих слүчаях мятеж начинали нижние чины. Расстреляв офицеров, они открывали оружейные склады хаоситам, количество которых непрерывно росло. Прегводители күльтов үчили, что скоро появится страшный «Убийца Планет», гнев Абаддона обрушится на этот мир и на пощады стогүт надеяться лишь те, кто присягнет новому владыке. Миллионы перепүганных жителей Белатиса стали поклоняться Хаосү, надеясь спасти свою жизнь там, где үповать на Императора үже не приходилось.

По приказу Бизантана Кортэ провел расследование среди высших чинов армии принца-регента. Он уличил в преступном попустительстве шестнадцать офицеров штаба генерала Брода, включая его заместителей. Именно их бездарность и вялость привели к тому, что силы самообороны оказались не способными контролировать ситуацию. Всех арестованных по этому делу тут же казнили. Однако расследование велось впопыхах, и Бизантан по-прежнему подозревал, что в командовании местной армии продолжают скрываться сторонники Хаоса.

Кроме того, у прокуратора появились и более страшные догадки. Стоя в тронном зале, он с недоверием вглядывался в лица придворных. Бизантан понимал, что сейчас не время выводить их на чистую воду. Он займется ими позже, когда они окажутся запертыми в трюме ударного крейсера Агентус Арбитрес. Там будет несложно выпытать, почему Белатис так легко скатился в бездну анархии. Прокуратор выяснит, что

можно объяснить попустительством и
халатностью, которые -- как
свидетельствовал расстрел шестнадцати
офицеров -- сами по себе являлись
преступлением против Императора, а что
стало следствием более страшных
беззаконий.

Измена! Предательство! Ересь и
заговор с нечистой Хаоса! Смерть
изменникам!

Однако теперь первостепенная задача
Бизантана заключалась в том, чтобы
организовать эвакуацию. Суд и наказание
придется отложить!

Подавив гнев и раздражение,
Бизантан заговорил спокойно. В его жилах
текла кровь охотников, а те могли
сутками сидеть в засаде в ожидании
жертвы.

-- Принц-регент Сарон, я знаю, что вы
верный и преданный слуга Императора,--
произнес прокуратор. -- Можете не
сомневаться в том, что вам будут
оказаны все почести, соответствующие
вашему положению. Я лично прослежу за
тем, чтобы все ваши указания

неукоснительно выполнялись...

– А я говорю, это был голос Кернера!

Два бойца сил самообороны Белатиса осторожно выглядывали в стотровую щель. Они всматривались в туман, клубившийся над землей, и прислушивались к внезапно наступившей злобещей тишине. Перед бункером в грязи и лужах крови валялись окровавленные трупы хаоситов в черных балахонах.

Трое солдат держались в бункере уже четверо суток. У них еще оставались вода, провиант и достаточное количество боеприпасов. Но после нескольких дней непрерывных атак на их позицию нервы у всех троих были на пределе, а тужество и решимость таяли на глазах.

Бункер, в котором они сидели, принадлежал комплексу укреплений, защищавших мощные лазерные батареи и ракетные шахты орбитальной обороны Белатиса, располагавшиеся на холмах над Мадиной. Связь перестала работать два дня назад. Теперь бойцы не могли

соединиться ни с центральным командным пунктом, ни с соседним бункером, до которого и было-то всего несколько сотен метров. Услышав неподалеку рев пушек, они радовались тому, что кто-то из их товарищей еще жив. Но вот уже несколько часов орудия молчали. Самый старший и опытный боец, по имени Марон, в последний раз всмотрелся в туман и отошел от смотровой щели.

— Я ничего не слышу, — раздраженно сказал он молодому солдату. — Если ты и слышал чей-то голос, это не мог быть Кернер. Забудь о нем. Его убили. Или он дезертировал. В любом случае он не такой дурак, чтобы сюда возвращаться!

— Кернер нас не бросит! — заявил юноша. — Он же обещал вернуться с подкреплением!

— Наверное, сначала он так и хотел сделать, — объяснил Марон. — Но даже если он и сумел проскользнуть мимо этих тварей, у него в Малине остались жена и двое детей. Уж наверняка он решил погибнуть вместе с ними, а не со мной или с такими дураками, как вы. И я его

прекрасно понимаю. У меня тоже есть семья. Мы живем в пригороде Рабаса. Это на другом континенте, иначе разве я бы тут с вами сидел?!

Марон сплюнул и покачал головой. Надо взять себя в руки. Этот мальчишка не намного старше его сына, но он отважно дерется! Конечно, парень устал и напуган... А ведь они тут и погибнут... Если их не убьют притаившиеся в тумане хаоситы, то через несколько дней, когда вражеский флот доберется до Белатуса...

«Может, не стоит так строго сказать пацаном?» – подумал Марон.

– Вон! Да вон же! В тумане! Там кто-то есть! Это Кернер! Клянусь Императором, это он! – закричал другой толпой солдат.

Марон схватил лазерную винтовку и направил к инфракрасному прицелу, способному пронзить пелену тумана. Он увидел, как из отдаленной рощи появилась чья-то фигура и, хромая, двинулась к бункеру. На человеке была запятнанная кровью голубая форма сил самообороны Белатуса. Подкрутив прицел, Марон

всмотрелся в окровавленное лицо солдата. Это действительно был капрал Кернер. Марон видел, что губы Кернера зашевелились, и через мгновение до бункера донесся его голос: капрал просил в него не стрелять, но что-то в этой сцене насторожило опытного бойца. Что-то странное...

Внезапно раздалась выстрелы. Пули и лазерные лучи вздыбили фонтанчики грязи вокруг Кернера. Марон разглядел среди деревьев несколько темных фигур. Его реакция была мгновенной.

— Прикройте его!

Один из бойцов бросился к болтеру и выпустил очередь крупнокалиберной смерти по укрытию культистов. Марон подумал, что еще совсем недавно этот тальчишка был обычным сопляком, но последние два месяца боев превратили его в ветерана.

Снова прижав к прицелу винтовки, Марон тоже принялся стрелять по черным фигурам, илевшим неосторожность высунуться из-за деревьев. На толстую бронированную дверь бункера

посыпались удары. Кернер бил в нее кулаком и просил пустить его внутрь. Один из молодых бойцов подошел к выходу и принялся отсоединять прикрученную к ручке гранату. Марон приготовился открыть огонь по хаоситам. Изменники наверняка бросятся в самоубийственную атаку, как только увидят открытую дверь.

Однако фигуры в черных балахонах внезапно юркнули назад в укрытие.

В голове Марона промелькнуло страшное подозрение, но молодой боец уже распахнул дверь.

Марон обернулся к капталу и увидел восьмиконечные звезды -- символ Хаоса, -- вырезанные на его щеках. Затем он увидел лазерный пистолет, из которого Кернер в упор застрелил юношу, открывшего ему дверь, подсытки со взрывчаткой на его груди и на поясе и дегонатор в левой руке.

Марон схватился было за винтовку, но сразу понял, что не успеет прицелиться и выстрелить. В последнюю секунду перед взрывом он молился лишь о том, чтобы смерть его жены и детей была такой же

быстрой...

Хуизан Безликий с нескрываемым удовольствием проследил за тем, как по просеке прокатилась взрывная волна, а с неба посыпались обломки вперемешку с грязью. Из укрытий полезли облаченные в черное хаосопоклонники. Хуизан едва удостоил их взглядом. Этот сброд пригоден лишь для выполнения примитивных задач. Пушечное мясо армий Осквернителя!.. Впрочем, в этом мире они действуют совсем неплохо. Не хуже пленного солдата, сделавшего свое дело!.. Дурак добровольно пошел на смерть, думая, что такой ценой купит жизнь своей семьи...

Хуизан устехнулся. Этот солдат поверил его обещаниям так же, как верят остальные глупцы. Они наряжаются в черное, для того, чтобы спасти свою жизнь на службе сил Хаоса. В отличие от них, Безликий точно знал, что произойдет, когда в небе Белатиса появится «Убийца Планет». Осквернитель пожелал, чтобы все живое на планете было уничтожено.

Сейчас Хоузан как раз занимался
превращением его воли в жизнь.

По первому жесту Безликого хаосит
выпустил осветительную ракету,
призывая всех собраться на склоне холма.

Подавив сопротивление последнего
бункера на этом оборонительном участке,
можно двигаться к лазерным батареям и
ракетным шахтам.

В третий раз за последние три часа толпа облаченных в черное хаосопоклонников бросилась в атаку через площадь. И в третий раз их встретил ураганный огонь из-за импровизированных баррикад.

Не обращая внимания на вражеских снайперов, исповедник Цоганн Деван забрался на обломок статуи святого Себастиана Тора, чтобы корректировать огонь, который вела его паства. Командиры Имперской Гвардии называли членов Боевого Братства «святыми негодниками» и считали, что бойцам этого военизированного религиозного общества намного проще перестрелять друг друга, чем попасть во врагов. Теперь Девану очень хотелось, чтобы гвардейцы посмотрели на братьев в настоящем бою.

— Не спешите! — кричал исповедник. — Дайте им подойти. Начинайте стрелять, когда будете уверены, что не промажете!.. Если кончились патроны, берите любое

оружие и отходите на вторую линию обороны!

Пуля ударила в опрокинутую статую прямо за спиной Девана. Исповедник оглядел площадь и заметил бойца самообороны Белатиса в форме, почерневшей от грязи и машинного масла. Присев за грудой обломков, изменник целился в Девана, но исповедник вскинул автоматическую винтовку и выстрелил первым. Дезертир заорал, закрыл лицо руками и свалился с кучи. Но вокруг оставалось еще множество еретиков, и Деван открыл по ним безлый огонь.

Хаосопоклонники стали кидать в сторону баррикад бутылки с зажигательной смесью. Взметнулось яркое пламя, раздались истошные вопли, запахло гарью. Прицелившись, Деван выстрелил по бутылке, зажатой в руке одного из хаоситов. Вспыхнувшим прометием окатило сразу нескольких еретиков. Их тела загорелись, словно снопы соломы. Ошалеv от боли и ужаса, они метались по площади, натыкались на своих товарищей, и пламя тут же перекидывалось на черные

балахоны других хаоситов.

-- Смотрите! Это пламя гнева нашего Императора! -- воскликнул Деван, зная, какое глубокое впечатление произведут его слова на боевых братьев. -- Оно испепелит их и загонит назад во трак Варна!

Деван был невысоким, худощавым, с гладко выбритым лужчиной. Он понимал, что совсем не похож на пламенных бородачей с горящим взглядом, какими обычно изображали исповедников, ставших легендами Екклезиархии. Тем не менее, в глазах его паствы он был выше и значительнее пятиметровой статуи, охраняющей арку главного входа на соборную площадь. Месяц назад Деван еще подвизался в сане рядового проповедника в одном из сельских приходов далеко к югу от столицы. Тогда он собрал людей и заявил, что обреченным на гибель лучше ждать своего конца возле великого собора в Мадине, где они проведут свои последние дни в молитве и созерцании вечной славы Императора, к которому скоро отлетят их души. Некоторые из его спутников

погибли в пути. Но их место заняли другие. Многих привлекали спокойствие и решимость сельского проповедника. Пять дней назад Деван добрался до Мадины во главе небольшой армии пилигримов.

Людей вела надежда, что в столице, этот средоточии имперской власти, еще царят закон и порядок, но они были горько разочарованы. По всей Мадине шныряли шайки вооруженных мародеров и бандитов, грабивших всех подряд, полыхали пожары. А оставшиеся верными принцу-регенту солдаты сил самообороны вели ожесточенные артиллерийские дуэли со своими вчерашними товарищами, перешедшими на сторону Хаоса.

Дворец Сарона все еще прикрывали пустотные щиты и обороняли отряды отборной дворцовой гвардии. Но в остальном закон и порядок заканчивался сразу за пределами стен, окружавших казармы Агентус Арбитрес. Добравшись до собора, Деван обнаружил, что его охраняет наспех сколоченный отряд, состоящий из престарелых священнослужителей и рвущихся в бой, но совершенно

неорганизованных боевых братьев. Кроме того, среди защитников были и толодогенькие послушники, толком не знающие, с какого конца стреляет лазерная винтовка. Поначалу в соборе находилось и небольшое подразделение Agentus Арбитрес, но вскоре они получили приказ отойти в свои казармы и готовиться к эвакуации. Судя по всему, еретики стекались в Малину со всех сторон и в таких количествах, что еще оставшихся на Белатисе военных решили сосредоточить на обороне казарм арбитров и двorca принца-регента.

А между тем в собор Экклезиархии прибыло уже несколько десятков тысяч беженцев. В последние дни существования обреченной планеты защитники собора остались с неминүемой смертью один на один.

Цоганн Дебан служил проповедником уже тринадцать лет. До этого он тоже служил -- почти двадцать лет... офицером в 415-м Железном Моргуанском полку Имперской Гвардии, прозванном Неүтомитым за свои легендарные подвиги

во время кровавого Карнакского Крестового похода. Теперь Девану вновь пришлось взяться за оружие и исполнить свой боевой долг.

Проповедник осмотрелся по сторонам и понял, что с таким количеством людей и оружия они не смогут долго удерживать огромную площадь, к которой лучами сходилось множество улиц. Поэтому Деван приказал построить кольцо баррикад вокруг собора. Теперь со спины защитников прикрывало огромное здание, а перед ними простиралось пустое пространство площади. Баррикады построили из безжалостно сброшенных с постаментов статуй величайших подвижников и учеников за веру и перевернутых автомобилей. Топливо из баков аккуратно слили. Из собора на баррикады вытащили скамьи, кафедры и даже несколько балок, поддерживавших хоры.

Арбитры оставили Девану все оружие, без которого сами могли обойтись, а в храме нашелся тайный арсенал. Но этого все равно было мало, и Девану пришлось импровизировать.

Каждый третий защитник собора держал в руках лазган или автоматическую винтовку. Арбитры великодушно оставили Девану несколько бесценных автомашек и тяжелых болтеров. У боевых братьев имелись свои огнеметы и даже стабберы. Когда один из защитников собора погибал, его оружие подбирал другой и занимал место павшего. Деван знал, что за последние два дня некоторые винтовки уже прошли через четыре, а то и пять пар рук. Те, кому не досталось огнестрельного оружия, вооружились лопатами и ломатами и образовали вторую линию обороны. Они вступали в кровавые рукопашные схватки с хаоситами, прорвавшимися через баррикады.

За второй линией обороны была еще и третья. Женщины, дети, старики и раненые бросали поверх завалов зажигательные бомбы, а точнее, бутылки с топливом из искореженных автомобилей или просто брызжники, вывернутые из тостовой.

Деван понимал, что эта внезапно

обретенная ил новая паства будет
сражаться до конца. Когда их в скором
времени выбьют с баррикад, они отступят
в собор. Когда хаосопоклонники ворвутся
внутрь, паломники будут защищать неф
за нефом, коридор за коридором, подвал за
подвалом, жертвляя жизнями и
демонстрируя презрение к врагам. Никто
из них не надеялся уцелеть, они желали
лишь одного — умереть не напрасно,
погибнуть во славу Императора, заслужив
себе после смерти почетное место одесную
от него.

Деван наблюдал за тем, как сунувшие
перебежать через площадь хаоситы лезут
на баррикаду. Ил навстречу бросились
защитники со второй линии обороны
собора. Закипела кровавая рукопашная
схватка. Внезапно на баррикаду взобрался
хаосопоклонник, обвешанный гранатами.
Ни секунды не колеблясь, он прыгнул в
самую гущу боя и подорвал взрывчатку.
Около пятнадцати человек оказались
убитыми или ранеными. В баррикаде
образовалась заметная брешь. Смертник!

В последнее время смертников

становилось все больше и больше. Близился конец Белатиса, и среди жителей, запертых на нем как в ловушке, прокатилась волна самоубийств. Дефан понимал, что и в рядах Боевого Братства есть те, кто с радостью пожертвует жизнью за Императора. Но для бывшего гвардейца была невозможной сама мысль о самоубийственной атаке. В Имперских вооруженных силах на верную гибель отправляли только самых отъявленных подонков — преступников, дезертиров, трусов и еретиков. Дефан ни в коем случае не желал выносить такой смертный приговор преданным слугам Императора.

На другом конце баррикады исповедник заметил юношу в одеяниях послушника. Молодой человек был так толстолоб, что наверняка еще не брил бороду. Тем не менее он ловким движением заколол штыком здорового еретика, покрытого жуткими татуировками. Труп отступника скатился вниз, туда, где уже высилась гора тел в черных балахонах.

Другой хаосопоклонник, огромный детина, истекающий кровью из множества

ран, с диким ревом вскарабкался на баррикаду и одним ударом ценного топора снес голову вставшему на его пути боевому брату. Не успел он издать торжествующий вопль, как ему прямо в лоб угодил здоровенный булыжник. Хрустнули кости черепа, и еретик повалился вперед, внутрь баррикады. Его душераздирающие крики скоро стихли. Поджигавшие внизу женщины и дети почти мгновенно прикончили его глубинками и камнями.

Подняв старый добрый ценной меч имперских гвардейцев, Деван бросился в атаку схватки. Он рубил и резал облаченные в черное тела, не забывая выкрикивать пассажи из «Одобренного Экклезиархией сборника вечерних молитв».

— Отец исповедник, берегитесь! — воскликнул один из боевых братьев и заслонил Девана своим телом. Удар, предназначавшийся исповеднику, пришелся прямо в сердце храбреца. Взревел от ярости, Деван размахнулся и отрубил руку, поразившую его соратника. Вторым

ударом он раскрыл убийце грудную клетку и только тогда с ужасом понял, что перед ним женщина. Схватившись уцелевшей рукой за разрубленные пополам груди, хаосопоклонница захрипела и скатилась к подножию баррикады.

Опустившись на колени перед утирающим боевым братом, Деван узнал фертера, присоединившегося к его отряду в конце первой недели марша в Мадуну. К своему ужасу, исповедник понял, что даже не знает имени своего спасителя.

— Святой отец... моя жена... дети... сестра... — Утирающий схватился за серебряный медальон с изображением Императора, висевший на груди Девана. — Они в соборе... Святой отец...

— Император о них позаботится, — пообещал исповедник, читая нетой ужас в глазах фертера, и сжал его холодеющие пальцы на медальоне. — И я тоже, — добавил он, заметив, что в остекленевших глазах утершего больше нет страха.

— Да пребудет с тобой свет Императора, — негромко проговорил Деван. Он приложил ко лбу и губам мертвого

бойца медальон, произвожа нехитрый ритуал, который совершают над навшим на поле боя.

Подняв меч, Дебан хотел было обрушить свой гнев на еретиков, но заметил, что их атака захлебнулась. Хаоситы бежали назад через площадь, а защитники баррикад палили им вслепую. Исповедник понимал, как хочется его людял, празднующим очередную маленькую победу, прикончить еще хотя бы одного врага, но тут же крикнул:

— Прекратить огонь! Берите патроны! Они вам скоро понадобятся...

Его приказ передали по цепочке, и внезапно над усыпанной трупами площадью воцарилась мертвая тишина.

Пока противник не собрался с силами для нового штурма, с баррикады скользнули маленькие фигурки. Женщины и дети принялись собирать среди трунов оружие и боеприпасы, перерезая глотки тем врагам, кто еще подавал признаки жизни.

Добровольцы двигались очень быстро и ловко, стараясь перехитрить снайперов.

Деван понимал, что на эту опасную, но
необходимую работу лучше отправлять
самых слабых и не рисковать жизнями
полноценных бойцов. Однако его сердце все
равно обливалось кровью.

«Дети! -- думал он, прикидывая, как
далеко зайдет безумие на обреченном
Белатисе. -- Теперь мы отправляет под
пули наших детей...»

Внезапно с дальней стороны площади
заговорил пулемет. Крупнокалиберные
пули крошили булыжник и терзали тротуар.
В воздухе засвистели каменные осколки.
Затемшавшийся посреди площади ребенок с
роханкой винтовок в руках вскрикнул и
повалился на мостовую. Он корчился среди
мертвых тел прямо на глазах у вражеских
снайперов. Одна пулеметная очередь могла
бы милосердно его прикончить, но Деван
знал -- на милосердие его нынешних врагов
рассчитывать не приходится.

Исповедник прекрасно понимал, что
раненый ребенок -- пристанка, которая
выведет под пули других защитников
собора. И действительно, двое боевых
братьев тут же перескочили через завал и

побежали к талышу. Вслух Деван выругал их за непомерную удачу, а мысленно вознес молитву об их спасении. Но боевые братья действовали довольно умело. Они передвигались зигзагами, петляли и держались подальше друг от друга, усложняя задачу снайперам. Мужчины почти уже добрались до цели, когда раздалась роковая выстрелы.

Первого подстрелили метрах в пяти от раненого ребенка. Лазерный луч ударил боевого брата в плечо, тот подпрыгнул на месте и упал на мостовую. Он попробовал было подняться, но остальные снайперы уже взяли его на мушку. С баррикады он казался тряпичной куклой, которую дергают за нитки. На самом деле его тело согрозилось от пуль и лазерных лучей.

Второй боевой брат воспользовался тем, что вражеские снайперы отвлеклись на его утирающего товарища, подхватил ребенка и бросился назад, однако не успел сделать и десяти шагов, как попал под ураганный огонь. Стельчак снова попытался бежать зигзагами, но на этом

раз у него на руках был мальчик, а снайперов больше ничто не отвлекало.

Первая пуля попала ему в поясницу. Он пошатнулся, но не упал. Не выпуская из рук затолчавшего ребенка, он бросился к баррикаде. Оттуда слышались ободряющие крики защитников собора. Увидев отчаянное положение бойца, исповедник Деван забыл о том, что надо беречь патроны.

— Огонь! — крикнул он, все еще надеясь на чудо. — Прикройте его! Стреляйте по снайперам!

Если они спасутся, это очень подбодрит людей!

Шквальный огонь обрушился на древние фасады общественных зданий и богатых особняков, в которых прятались хаосопоклонники. А Деван уже пожалел, что отдал приказ стрелять. Эта оглушительная пальба не приведет ни к чему, кроме бессмысленной траты боеприпасов, которых и так осталось немного. На таком расстоянии меткость его бойцов оставляла желать лучшего. Однако свист пуль может заставить

спрятаться хотя бы нескольких
снайперов...

Сквозь грохот исповедник не слышал
ответных выстрелов, и, судя по всему,
часть вражеских стрелков все-таки
попраталась. Боец с ребенком на руках
пару раз споткнулся на бегу и чуть не
упал. С замиранием сердца Деван думал,
что он шатается от все новых и новых
ранений. Но вот мужчине каким-то чудом
удалось добежать до баррикады. К нему
сразу прыгнуло человек шесть, а сверху
протянулось множество рук. Через
мгновение и храбрец, и ребенок исчезли за
горой обломков...

Боевые братья расступились,
пропуская Девана к раненому бойцу. Тот
умирал. Бронежилет, истерзанный
пулями, был насквозь пропитан кровью.
Исповедник приложил свой серебряный
медальон с изображением Императора ко
лбу и губам мужчины. Кто-то осторожно
взял из холодеющих рук ребенка. Мальчик
застонал.

-- Он жив! -- удивленно прошептал кто-то.

-- Отнесите ребенка в лазарет! --
приказал Деван. -- О нем позаботятся наши
блаженные сестры.

-- Это знамение! -- воскликнул один из
старейшин Боевого Братства, облаченный
в украшенную красно-золотой бахромой
туннику. Ритуальные рубцы на бледном
лице выгавали в нем приверженца
фанатичной секты Искупителей,
существовавшей в лоне Екклезиархии. --
Сначала Император послал нам вожда-
исповедника, возглавившего оборону нашей
святыни! А сейчас он посылает нам новое
знамение! Император помнит о нас!

Остальные подхватили крик
старейшины, и скоро со всех сторон стали
доноситься ликующие возгласы верующих.
Деван шел среди своей паствы, разделяя ее
радость. Он подбадривал окружающих,
укрепляя их в благочестии и стойкости.
Вежливо, но решительно он отказывался
от пищи и воды, которые ему предлагали.
Он прекрасно знал, как мало осталось
продовольствия: многие защитники собора
уже много дней не ели досыта. Деван
благословлял бойцов и оружие. Он присел

помолиться вместе с боевым братом, который занял свой пост у пулемета еще в самом начале осады и даже после ранения пожелал остаться на передовой. Жить мужчине оставалось недолго. Из-под его бинтов доносился тошнотворный запах пораженного гангреной гниющего мяса, но другого такого меткого стрелка у проповедника не было. Деван молча согласился с невысказанным, но очевидным желанием солдата умереть в бою, а не среди раненых и больных в лазарете собора.

Как и пристало проповеднику и верному слуге Императора, Деван старался являть собой образец набожности и благочестия, но голос возродившегося в нем боевого офицера нашептывал ему, что все эти жертвы напрасны.

«Хорошенькое знамение! Напрасно погибли два здоровых и сильных бойца! Ради чего? Ради мальчишки, который все равно умрет! Даже если он не умрет от ран, он все равно погибнет вместе со всеми через несколько дней. Ну и что же это за чудо? Не лучше ли дать знак о том, что Империя, который должен нас защищать,

о нас не забыл?!»

Тряхнув головой, Дебан отогнал кощунственные мысли. Именно маловерие заставило почти все население Белатиса отвернуться от божественного света и отгаться тьракү коварных сил варна!

— Отец исповедник!..

Обрадовавшись возможности не думать больше о страшных вещах, Дебан повернулся к юноше-писарю. Тот явно чувствовал себя неловко перед великим священником и могучим воином. Впрочем, сам Дебан по-прежнему не мог привыкнуть к тому, что внушает защитникам храма восхищение и даже благоговейный страх.

Дебан сомневался даже в том, что имеет право носить титул исповедника, пожалованный ему внушительным командиром Агентүс Арбитрес Византаном. Офицер следил за подготовкой к эвакуации своих людей и лично распорядился оставить Боевому Братствү оружие, боеприпасы и провиант. Он сразу понял, чего стоит этот проповедник.

— Офицер Имперской Гвардии стал

святым отцом... -- задумчиво пробормотал
Бизантан. -- Человек с вашими
способностями очень пригодился бы при
обороне наших казарм за рекой. С нами вы
точно так же выполняли бы свой долг
перед Императором, а потом мы нашли бы
вам место в эвакуационном челноке...

-- Мое место с моей наставой, --
ответил Деван. -- Я привел ее сюда и не
могу ее здесь бросить. Если эти люди
останутся, я останусь с ними.

Бизантан кивнул, одобряя
самоотверженность проповедника и явно
сожалея о неизбежной потере такого
способного и храброго слуги Императора.
Развернувшись было, чтобы уйти,
Бизантан помедлил и снова шагнул к
Девану.

-- Простой проповедник не может
командовать Боевым Братством. Устав
Веры Воинствующей Церкви гласит, что
подразделениями Экклезиархии может
командовать лицо в сане не ниже
исповедника. Ваш кардинал уже на одном
из транспортов. Выходит, я здесь самый
старший по званию.

Огромного роста арбитр на секунду замолчал и положил на плечо проповедника руку в тяжелой бронированной перчатке.

-- Верой и правдой служи Императору, брат исповедник Деван. Мы будем за тебя молиться!

Ошеломленный Деван прирос к полу, а командир арбитров отдал ему честь и зашагал к челноку. У самого трапа Бизантан обернулся. Каким-то чудом Деван разобрал сквозь рев двигателей его прощальные слова:

-- Вы выполняете свой долг, а я -- свой. Сейчас наши дороги расходятся, но, клянусь, придет день, когда я жестоко отомщу за всех возлюбленных чад Императора, погибших в этом мире!

-- Отец исповедник! -- робко позвал юноша.

Деван очнулся от воспоминаний:

-- Скажи брату архидьякону, что атака еретиков отбита. Он может продолжать эвакуацию братии.

Молодой писарь кивнул и поспешил

удалиться, радуясь возможности покинуть
баррикады и вернуться в безопасный
внутренний двор, где его братья ожидали
прибытия последней группы эвакуационных
челноков. Около сотни писарей
упаковывали бесценные реликвии и
огромный архив, представлявший полную
повесть о торжестве истинной веры на
Белатисе. Собрание являло собой хронику
существования этого мира в составе
Империи Человечества на протяжении
многих тысячелетий. Самым древним и
ценным документом было более десяти
тысяч лет. Они появились в те времена,
когда Белатис только вошел в состав
Империи. Скоро планета погибнет
вместе со всем населением. Но благодаря
труду писцов о нем сохранится память,
запечатленная в свитках и документах,
пусть даже и спрятанных в недрах какой-
нибудь имперской библиотеки в одном из
тиров-святилищ вечногo Империи
Человечества.

Вместе с архивами и реликвиями
обреченный мир должны были покинуть
сотни чинов Экклезиархии, начиная с

кардинала и заканчивая последними писарями и архивариусами. Многие из тех, кто долго служил при соборе, решили остаться, но улететь захотели еще больше. Как человек, Уоганн Дебан мог злиться на тех, кто бросает на произвол судьбы Белатис и его народ. Как проповедник -- а теперь и исповедник, -- он никого не осуждал, вспоминая прощальные слова командира арбитров:

-- Они выполняют свой долг, а я -- свой. Но все мы служим Императору так, как он положил каждому из нас.

— Поїдеміте же! Наго игмі!
Последний челнок ұлетает! Сам
архидьякон велел вам в него садиться!

Испуганный голос послушника вывел
Нарцелия Собека из неглубокого транса.
Особое чутье давно предупредило его о
приближении мальчика. Острый слух
астронаута уловил и его быстрые шаги,
гүлко отдававшиеся в необычно пүстрых
коридорах, и үже ставшие привычными
звүки боя, доносившиеся с үлицы. Но
ментальным взором он видел страшный
хаос, царящий в Мадине..Собек знал от
себя возникающие образы, опасаясь, что
волны паники и страха, обүавших
население обреченного Белатиса,
захлестнут и испепелят его разум.

— Я үже говорил с архидьяконом,
Лито. Ему известно, что я пожелал
остаться на Белатисе. — С этими
словами Нарцелий поднял невидящие глаза
на испуганного мальчика и подарил ему
одну из своих редких улыбок. — Я прожил в

этот мире шестьдесят восемь лет. Вот
этими слепыми глазами я побуждал
множество миров, и живу я так долго, что
уже почти не помню, где родился. Я верой
и правдой служил Императору, но теперь я
стар и очень устал. Оставь меня, Лито.
Скоро я увижу божественное сияние
Императора...

Мальчик таялся в дверях, не решаясь
уйти. С улицы донеслись новые выстрелы.
Во дворе заработали мощные двигатели.

- Угу, Лито! Они не станут тебя
ждать... У нас разные судьбы, - добавил
астронавт и замолчал, не понимая, откуда
у него взялись эти неожиданные слова.

Мальчик еще немного постоял,
бросил на астронавта последний,
отчаянный взгляд и сломя голову бросился
прочь.

Собек привязался к этому
неуклюжему и ленивому мальчишке,
который должен был стать очередным
рядовым писцом Экклезиархии. Астронавту
вдруг стало больно от мысли, что Лито
осталось жить еще меньше, чем ему.

Вновь достав магическую колоду

Циперских Таро, Парцелий принялся с их помощью разгадывать видения, собранные его ментальным взором в теснинах варна.

Вытащив две карты, астронавт подождал, пока на них проступят изображения. На первой появилась крепость с башней, разрушенной упавшей с неба звездой, — «Павшая Крепость». На другой — контуры костического корабля. Коленопреклоненные люди вокруг него толпились, пытаясь найти защиту от витающих вокруг демонов варна. Эта карта под названием «Корабль» возникла в виде своей редкой разновидности — «Корабля Нулигритов». Сосредоточившись, Собек вновь встотрелся в открытые ему образы будущего. Огненные щупальца ползли по темным коридорам судна, проникали в его сердце и сжимались вокруг пульсирующего плазменного реактора. Лица Лито, архидьякона, самого кардинала и сотен писцов. Их рты широко распахнуты. Они кричат и исчезают в ослепительно яркой вспышке.

Прислушиваясь к реву двигателей стартующего челнока, Парцелий понял

только что он видел гибель людей, находящихся сейчас на борту. Он не знал, почему и как это случится. Однако их конец уже предрешен, и Собек не вправе предупредить их или пытаться изменить судьбу. Астронавт предчувствовал и свою скорую гибель. Чем ближе подбиралась к нему смерть — в виде силуэта «Убийцы Планет», маячившего в вихрях, — тем острее делался его пророческий дар.

Парцелий должен будет разделить участь защитников собора. Он еще жив и способен получать предупреждения лишь потому, что ему предстоит сыграть какую-то роль в их судьбе.

С этими мыслями Собек вернулся к картам. Может быть, возникающие на них зыбкие образы подскажут, что же ему предстоит совершить.

Словно алчные наследники вокруг мертвого огра, на орбите Белатиса собралось множество имперских кораблей. Они обирали приговоренный мир, набивая трюмы самым ценным из того, что на нем оставалось.

Пызатые войсковые транспорты приняли на борт два полка Имперской Гвардии со всей техникой и снаряжением. Расквартированным на Белатисе армейским подразделениям не суждено было разделить участь населения планеты. Впрочем, эвакуация не могла спасти их от неминуемой гибели.

В сражениях с силами Осквернителя, бушевавших по всему Готическому Сектору, Имперская Гвардия несла огромные потери. Совсем скоро поднявшись на борт транспортов бойцами предстояло пойти навстречу смерти на какой-нибудь другой планете.

За последнюю неделю были демонтированы промышленные

предприятия, вывезены запасы руды и других ценных полезных ископаемых. Бесконечная череда грузовых судов увозила эти богатства подальше в тыловые миры. Целый флот грязных наливных челноков доставил на борт танкеров сотни тысяч тонн обработанного прометия с многочисленных перерабатывающих заводов.

В трюмы грузовых транспортных загрузили огромное количество адамантита, титана, трикалиевых кристаллов и других необходимых для военной промышленности металлов и минералов.

Негелю назад на орбиту Белатиса с самого Марса прибыл огромный древний корабль. Агентус Механикус прислал его, чтобы забрать из обреченного мира своих собратьев, и не только. Уже много дней его юркие челноки спускались на поверхность планеты к заводам Белатиса, чтобы эвакуировать целые производственные линии, демонтированные армией проворных сервиторов. На таких военных заводах изготавливались боевые машины и

оружие, они были вместилищами бесценных и незаменяемых знаний и технологий. Скоро эти автоматизированные линии соберут в каком-нибудь промышленном мире, и они еще долго будут служить Богу-Машине.

Однако не только вставшие на высокий якорь суда занимались эвакуацией и не все прибывали на Белатис с такими же очевидными целями.

Три дня назад к имперским кораблям присоединился похожий на стрелу черный корвет. Он использовал обычные идентификационные коды Имперского флота и назывался просто «Бернард Ги». Однако офицером «Махариуса», наблюдавшим с капитанского мостика за его появлением на орбите, силуэт корвета показался весьма необычным.

— Священная Инквизиция! — шептали они друг другу так тихо, словно не остеливались произносить эти слова вслух.

«Бернард Ги» соблюдал молчание в эфире, и лишь иногда с его борта к поверхности планеты стартовал челнок.

сопровождаемый истребителями, затребованными с «Махариуса». Каждый раз челнок проводил на Белатисе всего лишь несколько часов. Что он там делал -- кого-то забирал или, наоборот, доставлял, -- так и осталось неизвестно. Дважды после таких рейдов боевые корабли получали с «Бернарда Гу» короткие приказы обстрелять ту или иную цель на поверхности Белатиса. При этом во второй раз был полностью уничтожен небольшой, но густонаселенный город на юге самого крупного континента планеты.

Чем бы Инквизиция там ни занималась, ей явно не хотелось, чтобы враг обнаружил следы ее пребывания на Белатисе.

Два дня назад к эвакуационной флотилии присоединился еще один имперский корабль.

Уланги стоял у иллюминатора левого борта и смотрел, как на высокой орбите Белатиса кружит ударный крейсер Агентус Арбитрес класса «Каратель» под названием «Суровое Воздаяние». Он был

похож на крейсера Agentus Астармес и тоже предназначался для молниеносной высадки десанта и подразделений огневой поддержки прямо с орбиты. Лейтенант с восхищением разглядывал изящные очертания корпуса грозного корабля, невольно сравнивая его с «Махариусом». Небольшой, но маневренный и быстроходный ударный крейсер, защищенный крепкой броней, оборудованный вооружением, способным нанести стремительный и сокрушительный удар. «Махариус» же мог автономно преодолевать гораздо большие расстояния, а его вооружение было более универсальным.

— Ну и как он вам? — услышал Улантин голос капитана.

— Отличный корабль, — проговорил лейтенант, продолжая рассматривать судно Agentus Арбитрес. — Его орудия способны поражать как космические, так и наземные цели... И двигатели расположены очень необычно. Безусловно, это очень быстроходное и маневренное судно. Мне даже немного жаль врагов Императора.

оказавшихся у него на пути.

— И это все, что вы можете сказать? — Семпер задал вопрос таким тоном, будто за что-то разгневался на старшего помощника. Однако Улантис бровью не повел, прекрасно зная, что хочет услышать командир.

— Однако из боя с «Суровым Воздаянием» победителем вышел бы «Махариус». Корабль арбитров может на большой скорости уйти от противника, уничтожить орбитальную станцию или цель на поверхности планеты. Но вряд ли он выстоит в бою с настоящим крейсером. Нам, конечно, не удастся догнать и торпедировать его, но в то же время ему ничего противопоставить нашим иштурмовикам. Кроме того, наш реактор мощнее, мы можем пережить значительные потери личного состава и наше дальнобойное оружие обладает большей точностью. Думаю, в длительной схватке перевес сил окажется на нашей стороне!

Семпер с довольным видом кивнул. Ему понравился скорый и

аргументированный ответ старшего помощника.

Улантти же заметил, что капитан «Махариуса» прервал свой отдых гораздо раньше положенного. На самом деле Семпер мог еще часа три спать у себя в каюте, но по окончании сражения за Гелию IV и особенно после начала эвакуации с Белатиса он потерял покой. Его явно что-то мучило, и сейчас лейтенант радовался доброту расположению духа своего командира.

Семпер занял свое обычное место, откуда он мог следить за всем происходящим на капитанском мостике. Один из младших офицеров браво отдал ему честь и протянул информационный планшет, но командир повернулся к старшему помощнику и, откашлявшись, произнес:

- Докладывайте, господин Улантти!

- Все как обычно. Эвакуация почти закончена. Транспорты «Албетарль», «Бархэт», «Бреннүс», «Гарүна», «Микаса», «Орландо» и «Царевич» загружены полностью и ждут приказа к отбытию.

Через несколько часов закончат погрузку и
остальные грузовые суда.

— А что противник?

— «Дракенфельс» и патрульные
штурмовики дважды обнаруживали
вражеские рейдеры, — доложил
лейтенант. — Они очень далеко. В районе
местного газового гиганта. В обоих
случаях рейдеры успели скрыться...
Впрочем, сейчас машины из эскадрильи
«Огненный Дракон» вылетели по тревоге —
изучить еще одну возможную цель.

Селпер не особенно удивился докладу
старшего помощника. С самого начала
войны «Махариус» защищал транспорты
от нападений пиратских эскадр. Как и
сегодня, вражеские рейдеры, шнырявшие
вдоль маршрутов конвоев, совершали
толпиеносные вылазки, пытаясь нащупать
слабые места, но успешно уносили ноги
при первом же появлении более крупных и
лучше вооруженных имперских боевых
кораблей. Наверняка в звездную систему
Белатис уже проникли два или три
разведывательных судна противника,
чтобы исследовать путь, по которому

предстояло прибыть главным силам
вражеского флота во главе с «Убийцей
Планет». Не сомневаясь в том, что все
именно так и произойдет, имперские
корабли заняли соответствующие
позиции.

«Граф Орлок» и однотипный с ним
крейсер класса «Луна» под названием
«Бородино» прикрывали транспорты,
встав на якорь на низкой орбите
Белатиса. «Дракенфельс» с дивизионом
фрегатов типа «Меч» патрулировал на
самых окраинах системы, разыскивая
малейшие признаки появления вражеских
кораблей. «Махариус» же курсировал
между двумя этими группами. Его
истурмовики вылетали к «Дракенфельсу»
на дальнее патрулирование, а
истребители прикрывали эвакуационные
челноки и транспорты. Пока все шло по
плану.

— Каково состояние «Махариуса»?

— Удовлетворительное, — ответил
Улантис. — Магос Кастаборас доложил,
что ремонт, который можно было
проделать вне орбитального дока,

завершен. Практически все системы работают нормально. Вот только... -- замаялся лейтенант.

-- Выкладывайте все на чистоту, господин Улант! Что случилось?

-- Старший корабельный врач Литторио доложил о вспышках некоего заболевания на трех нижних палубах.

Семлер нахмурился. На нижних палубах кораблей Имперского флота время от времени вспыхивали болезни и эпидемии, но капитан всегда мешал себе в голову, что под его командованием «Махариус» превратился в чистый и здоровый корабль.

-- В чем причина заболевания? Может, вирус занесли спасенные с «Тоннента»?

-- Вполне возможно, -- ответил Улант. -- Их отправили как раз на эти палубы... Что вы прикажете предпринять в этой связи?

-- Объявите на этих палубах карантин. Пусть гардемарины умертвят всех, кто может стать источником заразы, -- приказал Семлер. -- И скажите

Литторио, что я в ближайшее время жду
его доклада о симптомах и возможных
причинах заболевания.

Не успел Уланти кивнуть, как к
Семперу обратился один из сигнальщиков:

— Сэр, с «Графа Орлока» только что
вылетел челнок с Агентом
Департамента Мониторинг Хьюгой на
борту. Хьюга требует немедленной
встречи с вами. Что прикажете ему
ответить?

Капитан помрачнел. Уланти ни
секунды не сомневался в том, что сейчас
командир с огромным удовольствием
прикажет ответить надзирающему над
эвакуацией Фердинанду Хьюге: «Пошел
прочь или открываем огонь на поражение!»

— Пусть швартуются, — вместо этого
буркнул Семпер. — И вышлите к нашему
дорогому гостю эскортные истребители.
Господин Уланти, выстройте в ангаре
почетный караул. Я хочу, чтобы этой
тыловой крысе оказали те воинские
почести, которых она с нетерпением
ждет. И пригласите на разговор с Хьюгой
комиссара Киогена. Вместе послушаем.

что нам поведает интендант.

Системы слежения головного
штурмовика эскадрильи «Огненный
Дракон» прощупывали пространство
квадрат за квадратом, разыскивая
скрывшийся рейдер хаоситов. В последний
раз вражеское судно засекли, когда оно
уходило из-под огня батарей
«Дракенфельса». Скорее всего, оно снизило
до минимума мощность двигателей и
спряталось в энергетическом поле
огромного газового гиганта или среди
обломков астероидов в его кольцах. Так
или иначе рейдер пропал. Эскадрилья
штурмовиков еще не оправилась от
потерь, понесенных при Гелии IV, и
насчитывала пока только семь машин.
Они выстроились широкой цепью и вывели
датчики слежения на предел
чувствительности. Однако их вылет
затянулся. «Махариус» был уже далеко, а
запас горючего и кислорода на исходе.
Скоро штурмовикам придется
возвращаться.

Пилотам приходилось одновременно

следить за показаниями ауспексов и контролировать уровень оставшегося топлива и кислорода. Наконец прозвучал голос командира эскадрильи: «Цель не обнаружена. Возвращаемся на "Махариус"!»

Следуя за головной машиной, истребители по очереди включили тормозные, а затем и маневровые двигатели и развернулись. Навигаторы отключили системы слежения, чтобы снизить потребление энергии и благополучно добраться до «Махариуса».

Капитан рейдера, дрейфовавшего среди обломков скал и кусков льда в кольцах газового гиганта, с облегчением проследил за тем, как разворачиваются имперские истребители. Он не сомневался, что его артиллерия может уничтожить немногочисленную эскадрилью. Но пилоты наверняка успеют сообщить его координаты, а у капитана имелся приказ как можно дольше оставаться незамеченным.

К тому же его рейдер был здесь не один. В верхних слоях атмосферы газового

гиганта, в облаках метана и водорода, клубившихся в вихрях электромагнитных бурь, прятались еще пять рейдеров и крейсер класса «Убийца» — «Харибда».

Корабли прибыли в Белатис несколько недель назад. Они вышли из Варна далеко от обозначенной точки перехода, которой обычно пользовались имперские суда. Скрытно пробравшись почти к самому центру звездной системы, они стали ждать прибытия «Убийцы Планет», наблюдая за тем, как подданные бессильного Императора пытаются спасти горстку людишек из приговоренного мира.

На Белатисе погибнет все! Никто не спасется. Так пожелал сам Осквернитель, и очень скоро невидимая эскадра выполнит его волю.

Темнота. Жара. Тишина. Пища.

Существо больше ничего было не нужно от его нового дома. Недавно родившееся, оно сидело на палубе рядом с полуразложившимся котком плоти, которое ранее было его вместилищем, а потом послужило источником пищи.

О первых днях своей новой жизни существо почти ничего не помнило. Доставившая его сюда в своем чреве живая тварь нашла темный и безлюдный туннель среди лабиринта труб в низких служебных коридорах. Спрятавшись за пучком шипящих паропроводов, тварь начала тужиться, предварительно откусив себе язык, чтобы не орать от боли. Когда тварь, наконец, умерла в рогах, ее тело быстро раздвинулось от тепла и влаги. Тупая стала стремительно разлагаться, и сидевшему внутри ее существо было нетрудно прогрызть проход в размякшем гниющем мясе.

Едва выйдя на свет, существо

принялось поглощать породившую его плоть. Отведав мозга умершей твари, существо стало действовать вполне осознанно. Оно поняло, где оказалось, и даже узнало свое имя. Чума!

Существу понравилось это имя. Оно наполнило его жизнь смыслом. Окрепнув, существо отправилось выполнять свое предназначение.

Оно еще никого не видело, но чувствовало — рядом есть нечто из плоти и крови, чем-то схожее с породившей его тварью. Существо теперь не только знало свое имя, оно ощущало потребность прятаться и взялось за дело очень осторожно, стараясь никому не показываться на глаза. Оно откладывало яйца в узкие вентиляционные шахты, зная, что потоки воздуха могут унести их очень далеко. Оно мазало слизью стены и палубы на перекрестках коридоров. Существо знало, где ее жертвы хранят еду и питье, и понимало, что после его появления в таких местах зараза станет распространяться гораздо быстрее. Однако их так тщательно охраняли, что

Существо пока не решалось подбираться слишком близко.

Прежде всего надо размножиться, а чтобы размножиться, надо лучше питаться!

Мелькнул свет. Послышался шум. Существо подпрыгнуло и забилося между трубами, проложенными по потолку коридора. Оно смотрело во все глаза, дрожало от страха, унаследованного от родившей его язвистой твари. Появились два человека в противогазах. Они были вооружены и держали в руках фонари. Люди светили вдоль коридора и заглядывали во все щели и ниши. Существо затерло от ужаса. Значит, ядовитая слизь уже возымела свое действие!

Один из мужчин случайно направил луч фонаря вверх прямо на трубы. Прятавшаяся за ними тварь отреагировала мгновенно. Выбросив вперед скрюченную лапу, она схватила человека за подбородок и вонзила ему в горло длинные когти. Одного рывка хватило, чтобы оторвать мужчине челюсть и содрать противогаз вместе с лицом.

Человек повалился на палубу и забился в предсмертных судорогах. Оружие, зажатое в его руке, выстрелило. Это был первый выстрел, услышанный существом, и оно с трюдом перенесло столь громкий звук. Настерть перепугавшись, тварь отпустила тело своей первой жертвы и соскользнула с потолка на палубу.

Второй человек истошно завопил, но его крик заглушал противогаз. Он развернулся к неведомой твари и стал стрелять практически в упор. Горячий металл терзал тело существа, но кровь не полилась, а пулевые отверстия затягивались прямо на глазах.

Боли не было. Существо прыгнуло вперед и обвило горло жертвы глиняным щупальцем. Человек захрипел. Когтистой лапой тварь разограла на нем одежду вместе с кожей и вырвала сердце. Существо гневало само на себя, удивляясь своим нелепым страхам. Знай оно раньше, что людей так легко убивать, оно и не пряталось бы.

Подобрав трупы, существо утащило их в темноту. Теперь у него имелся

достаточный запас пищи. Оно могло расти, развиваться и размножаться.

Тревожное предчувствие резким толчком выбросило Рета Зена из беспокойного сна. Сначала он не понял, где находится. Полутемный кубрик, где он спал вместе с четырьмя другими пилотами и навигаторами истребителей, напомнил ему келью монастыря Блаженной Евангелисты. Зен встряхнул головой, прогоняя ночные видения. Все из-за того, что в последнее время он слишком часто вылетал на боевые задания и очень мало спал.

Поднявшись с койки, Зен тихо прошел к маленькому алтарю, устроенному иконой с ангелом рядом со шкафчиком для одежды. Кто-то — кажется, не в меру болтливый навигатор Лютенс — заворочался во сне, что-то пробормотал и снова затих.

«Он тоже что-то чувствует!» — подумал Зен.

Несмотря на снотворное, которое принимали отдыхающие пилоты, чтобы блокировать действие стимуляторов,

принятых перед вылетом, остальные пилоты в кюбрике явно тоже почувствовали сквозь сон то, что пробудило Рета.

Преклонив колени перед алтарем, Зен встал перед ним и всмотрелся в укрепленные на нем образки: три святых лица Императора — Смертный, Преображенный и Божественный; святая Елена, пострадавшая от еретиков и почитаемая ныне как величайшая и святейшая защитница Веры. Зен молился им всем разом, отыскивая причины овладевшего им беспокойства.

Он чувствовал опасность. Совсем рядом. Может, в костосе, вокруг корабля, может, внизу, на поверхности Белатиса, а может, и на самом «Махариусе» происходило что-то страшное.

Челнок отделился от борта «Махариуса». Три истребителя заняли свои позиции, и челнок начал спускаться к поверхности Белатуса.

Через бронированное стекло иллюминатора пассажирской кабины Семпер следил за тем, как постепенно уменьшается знакомый силуэт его крейсера.

Уже много месяцев капитан не покидал корабль и не высаживался ни на одну из планет. Поэтому он воспользовался возможностью как следует рассмотреть свое судно снаружи. Как и у большинства имперских крейсеров, нос «Махариуса» представлял собой огромный таран, обшитый многослойным слоем адамантита — прочнейшего из известных материалов. В кормовой части корпуса находились плазменные двигатели, составлявшие вместе с реакторами и варп-двигателями более трети массы «Махариуса». А в центральной части

судна располагались многочисленные
палубы, оружейные погреба и арсеналы,
стартовые ангары и мастерские, грузовые
трюмы и кубрики, лазареты и склады
провианта, святилища, алтари и карцеры.

На броне «Махариуса» виднелись
следы от повреждений, полученных им в
течение долгой и славной службы. В
Имперском флоте не было двух совершенно
одинаковых кораблей, даже если они
принадлежали к одному типу. На
протяжении их столетней, а то и
тысячелетней службы их ремонтировали
и модернизировали в самых разных мирах,
пользуясь подручными материалами и
далеко не одинаковыми возможностями
орбитальных доков. Поэтому в конечном
итоге каждое судно приобретало свой
собственный, неповторимый облик. Однако
Семпер не сомневался, что мгновенно
узнает «Махариус» даже среди кораблей
всего флота Сегментума Обскурис, так
хорошо он знал особенности внешнего вида
и конструкции своего крейсера.

За броней этого корпуса проживали
свои жизни около десяти тысяч человек.

начиная с самого Семпера и заканчивая самым последним палубным матросом. К тому же многие члены экипажа «Махариуса» имели опыт кровавых бордажных схваток. Таким образом, командир имперского крейсера имел в своем распоряжении силы, о которых офицерам сухопутных войск приходилось только мечтать. Бортные орудия «Махариуса» могли уничтожать с орбиты целые города. Более сотни истребителей были способны нанести молниеносный удар по противнику, находящемуся в любом конце любой звездной системы, а варп-двигатели могли доставить крейсер в любой уголок Вселенной. При необходимости «Махариус» имел возможность принять на борт до тысячи пассажиров -- целый полк Имперской Гвардии -- и доставить его на фронт гораздо быстрее и безопаснее любого войскового транспорта.

Мощь, сосредоточенная в руках командиров крупных боевых кораблей, не имела себе равных в Имперских вооруженных силах.

«Мы словно прилоснились на
Золотом Троне», -- потихоньку шутили
между собой капитаны.

Именно поэтому сейчас Семпер кипел
от бессильной злобы, вспоминая речь
Хьюги. Стоило Агенту Мониторума и
сопровождавшим его лицам ступить на
палубу «Махариуса», как он тут же заявил:

-- Со мной изволил связаться принц-
регент Белатиса. Назначенный Советом
Верховных Лордов Терры, правитель
имеет право требовать, чтобы его
охраной в момент эвакуации командовал
самый старший из присутствующих в
этой звездной системе офицеров
Имперского Военно-морского флота.
Принц-регент возжелал воспользоваться
этой привилегией. Эрвин Рамас, командир
«Дракенфельса», имеет самую большую
выслугу лет среди капитанов вашей
эскадры, но по причине тяжелого ранения и
по ряду других причин... -- Тут Хьюга
покраснел и затялся, а Семпер еле скрыл
улыбку. Он представил, что сказал
интенданту вспыльчивый и
невоздержанный на язык Рамас, когда эта

тыловая крыса обратилась к нему с подобным требованием. -- Короче, капитан Ратас не может командовать эскортом принца-регента. Так что это придется сделать вам, капитан Семпер.

На мостике воцарилось тягостное молчание. Семпер, Уланги и Киоген с возмущением сверлили агента взглядами. Опасаясь ляпнуть что-нибудь совершенно неподходящее, Семпер покосился на Уланги -- молодой аристократ наверняка поднаторел в дипломатии на своей родной Некромунде. К счастью, лейтенант сразу пришел на помощь командиру.

-- Достопочтенный агент, -- заявил он, -- крейсер находится в состоянии полной боевой готовности, которое можно будет отменить только после того, как мы уйдем от вашей злополучной планеты достаточно далеко. Мы непрерывно патрулируем систему, готовимся к завершению эвакуации и к отбытию нашей эскадры. Мы уже обнаружили присутствие разведывательных кораблей противника в вашей звездной системе. В любой момент из варпа может появиться вражеский

флот, возглавляемый, как считают некоторые, совершенно неуязвимым новейшим кораблем.

С этими словами Уланти взглянул Хьюге прямо в глаза и проговорил очень сурово:

— Неужели вы считаете, что в такой ситуации командующий эскадрой капитан Семпер, по капризу местного правителя, оставит свой боевой пост ради участия в какой-то нелепой церемонии?

Интендант нахмурился и попытался вынуть вналу́ю грудь. Низкорослый, лысый и безмерно тщеславный, Фердинанд Хьюга занимался снабжением расквартированных на Белатисе подразделений Имперских вооруженных сил. Обычно служащие Муниторума носили униформу своего ведомства, а отпрыски влиятельных аристократических семейств одевались с привычной роскошью и как илм заблагорассудится. Хьюга же облачился в разноцветный военный мундир, судя по всему, собственного изобретения. На покрытом тремя слоями золотого шитья

воротнике и эполетах, блестяли значки, по которым можно было предположить, что эта тыловая крыса присвоила себе звание генерал-лейтенанта Имперской Гвардии. На груди пестрело множество орденов, бантов, орденов и медалей. Офицеры «Махариуса» не узнали среди них ни одной императорской награды и сильно сомневались в том, что хоть одна из этих побрякушек заслужена Хьюгой на поле боя.

— Династия Саронов уже четыре столетия верой и правдой служит Императору! — заявил агент. — Теперь же, покидая вверенный его попечению мир, принц-регент требует, чтобы церемония проводов осуществлялась со строжайшим соблюдением протокола. Прокуратор Белатиса придерживается такого же мнения!

— Ладно, — обреченно махнул рукой Семпер, уже прикидывая, сколько времени отнимет этот никому не нужный и довольно рискованный спектакль. — Господин Улантис, вы принимаете командование на себя до тех пор, пока мы с distinguished agentом не вернемся с

Белатиса.

-- Вы неправильно меня поняли, капитан, -- извиняющимся тоном проговорил Хьюга. -- Я вынужден вернуться на «Графа Орлока», где по долгу службы мне предстоит принять участие в организации завершающего этапа эвакуации.

-- Боюсь, это невозможно, -- с издевательской устешкой заявил Семпер. -- На «Махариусе» объявлен карантин. Вы не можете отбыть на другой боевой корабль. Капитан фон Блюхер очень осторожен и сам не пустит на борт разносчика заразы.

-- Карантин?! Зараза?! -- заборкотал ошеломленный Хьюга, вспомнив, что осторожность и предусмотрительность фон Блюхера, по мнению многих капитанов, граничит с трусостью.

-- Вспышка неизвестного заболевания на нижних палубах.

-- Довольно опасного заболевания! -- подхватил Уланти. -- Нашему корабельному врачу пока не удалось локализовать очаг его распространения. За такой короткий срок вы вряд ли успели

заразиться, но чем больше вы остаетесь на «Махариусе», тем выше риск подхватить неизвестную болезнь... Итак, на «Графа Орлока» вас не пустят, следовательно...

— Следовательно, в ваших же интересах лететь со мной на Белатис! — закончил за Уланги Семпер. — Мне будет очень приятно, если вы разделите со мной все опасности этого путешествия.

При мысли о возвращении на Белатис, почти захваченный хаосопоклонниками, агент побледнел, как простыня. Затравленно оглядевшись по сторонам, он заметил комиссара Киогена.

— Господин комиссар! — проблеял Хьюга. — Это возмутительно! Я требую, чтобы меня немедленно отпустили с этого корабля и переправили на «Граф Орлок»!

Верзила комиссар с презрением покосился на разноцветные ленточки, украшавшие впалую грудь агента. На его собственном кителе красовался орден Готической Звезды — высшая боевая награда за мужество. Такой же имелся и у

Селпера. Оба они носили этот орден не из тщеславия, а лишь для укрепления своего авторитета. Любому военнослужащему Имперских вооруженных сил было достаточно одного взгляда на награду, чтобы беспрекословно выполнить любой приказ орденосцев.

— Устав Имперского Военно-космического флота прямо говорит о том, какие меры следует принимать при обнаружении вспышки любого заболевания на борту корабля. Мой долг — следить за выполнением требований Устава, и при необходимости я имею право применить силу, — прошипел нависший над Хьюгой Киоген. — Я бы посоветовал вам рискнуть и слетать на Белатис вместе с капитаном Селпером. Как знать, может, вы заслужите хоть одну боевую награду...

Селпер с интересом поглядывал на все еще бледное как смерть лицо агента. Пристегнутый ремнями безопасности, Хьюга устроился в противоположном кресле пассажирской кабины. Рядом с ним сидели те же испуганные лица сидели

оба его агьютанта. По мере прохождения атмосферы Белатуса в челноке становилось все жарче. Машину трясло и швыряло из стороны в сторону. У интендантов был такой вид, словно они ожидали, что челнок в любую секунду развалится на куски. Судя по всему, им был более привычен плавный спуск на комфортабельных судах принца-регента, чем высадка в зоне боевых действий.

Кроме Семпера и интендантов в кабине сидели еще четыре человека. Все они были одеты в темно-синюю форму с перевязями унтер-офицеров. Трое из них -- гардемарины и личные телохранители Семпера -- сопровождали капитана повсюду, куда бы он ни направился. Леотен часто думал о том, кто из этих надежных, но туповатых бойцов являлся человеком Киогена. Возможно, Ран. Он, кажется, поумнее. А может, и все трое!..

Как бы то ни было, сейчас вся троица с единодушным подозрением поглядывала на четвертого -- старшину, развалившегося в кресле напротив. Выходец из подземелий Странивара,

Максим Боруса выглядел в собравшемся на борту челнока обществе, по меньшей мере, странно. Его кожу покрывали замысловатые тюремные татуировки, а вокруг витал едва уловимый, но легко узнаваемый запах корня тагжа.

Семпер до сих пор не мог понять, почему в последний момент поддался уговорам Уланги и взял с собой еще и личного телохранителя флага-лейтенанта. Максим Боруса производил впечатление отчаянного головореза и почти ничем не отличался от каторжников, выполняющих на борту «Махариуса» самые тяжелые и опасные работы. Трудно вообразить, как он дослужился до старшины, но в нем было что-то от опасного и утлого хищника. Пожалуй, Уланга прав: такого человека полезно иметь при себе в опасной переделке. Похоже, Максим был способен пройти огонь, воду и медные трубы и даже помочь выжить тем, кому посчастливилось оказаться рядом с ним.

С этими мыслями Семпер отвернулся к маленькому иллюминатору. Челнок уже

провалился в слой густых облаков, покрывавших экваториальный пояс Белатиса в сезон дождей. Несколько секунд вообще ничего не было видно, но вот челнок вынырнул из белой пелены, открывая взгляду панораму столицы Белатиса Магины.

Семпер увидел жилые районы, деловые кварталы и улицы, расходящиеся лучами от скалы, увенчанной дворцом принца-регента. Но самым широким магистралем тек нескончаемый поток беженцев. Улицы и проспекты перекрывали многочисленные блокпосты и импровизированные баррикады, призванные хоть как-то сдерживать толпы людей, ринувшихся в столицу. Даже с такой высоты Семпер смог разглядеть, сколько бед и несчастья принесли в этот мир анархия и гражданская война. Повсюду полыхали пожары. Целые кварталы лежали в руинах. Большинство мостов через разделявшую город реку было взорвано. На севере горел промышленный район. На многие километры вокруг столицы простиралась облака едного дыма.

Поняв, что то же самое сейчас происходит на всей планете, Семпер ощутил нечто похожее на отчаяние. Разве так воюют! После победы при Гелии IV капитан тешил себя надеждой, что Империя, наконец, перейдет в наступление. Сам он настаивал на том, чтобы броситься в варп вслед за уцелевшими кораблями сил Хаоса, настичь их и безжалостно уничтожить еще до того, как они сформируют ядро нового флота. Вместо этого «Махариусу» и некоторым другим кораблям приказали прикрывать эвакуацию Белатиса. Очевидно, Командование Боевым флотом Готического Сектора собиралось без боя отдать эту звездную систему на растерзание Осквернителю!

Вместе с другими капитанами Семпер протестовал против такого решения. Надо думать не об эвакуации, а о создании кулака, способного нанести сокрушительный удар по «Убийце Планет» и флоту Абaddonа в целом! Даже если сейчас уничтожить Осквернителя не удастся, его все равно можно загнать назад

В варн! Нельзя унүскать инициативу, перешедшую в руки Военно-космического флота. Надо показать противнику, что Империям готов отразить любое вторжение! Весь Готический Сектор трепещет при одном упоминании об «Убийце Планет». Если его обитатели поймут, что против страшного оружия Абaddonа найдется другая сила, они воспрянут духом и поверят в победу! Но Семпера почти никто не слүшал... Ему сообщили о малочисленности флота и о том, что час гибели «Убийцы Планет» еще не пробил...

Отныне все миры Готического Сектора примут участие в своего рода безумной лотерее. Словно кидая монетку, штаб Боевого флота будет решать, какой мир защищать, как, например, Гелию JV, а какой отдать на милость Хаоса. Правда, из них вывезут все возможные ресурсы и эвакуируют избранных. По мнению Семпера, это походило на предательство бесчисленных миллионов жителей обреченных планет. Когда же мы наконец остановится и примем бой?!

Внезапно челнок вошел в крутой вираж. Увидев в иллюминатор лазерные лучи и следы трассирующих пуль, капитан понял, что с земли их обстреливает батарея противовоздушной обороны. Пилот резко переложил штурвал на другой борт, и один из интендантов вскрикнул от страха.

Челнок пилотировал Милош Канаран. Уланти приказал Ритусу Найдеру назначить в этот рейс лучшего пилота. Позабывшись о том, чтобы на челноке оказался его личный телохранитель и самый опытный пилот штурмовика, старший помощник сделал все от него зависящее для обеспечения безопасности своего командира.

Рядом с челноком взревел мощный двигатель. Один из сопровождавших его истребителей спикировал на зенитную батарею. «Фурия» была прекрасно приспособлена к полетам в атмосфере. Скользя над крышами, она вышла на цель. Притаившиеся между домами пехотинцы открыли огонь. Но стрелковое оружие не могло причинить бронированной

костической машине ни малейшего вреда.

Внезапно пилот истребителя включил вертикальные двигатели и взмыл вверх. Правда, перед этим он успел засыпать целый квартал Мадины фосфорными бомбами. Вспыхнувшее пламя немедленно уничтожило все живое в радиусе двух квадратных километров. После этого по челноку больше не стреляли, и он спокойно добрался до дворца принца-регента.

Увидев мерцающий пустотный щит, Капаран сбросил скорость. Истребители сопровождения на прощание покачали етук крыльями, развернулись и начали подниматься на орбиту.

Проходя сквозь щит, корпус челнока угрожал. По фюзеляжу и крыльям забегали искры и голубые огоньки. Капаран провел машину в жерло пещеры, вырубленной прямо в скале, и осторожно приземлился на стальные плиты. Посадочные опоры еще не успели коснуться площадки, а к челноку уже бежали одетые в защитные костюмы техники и несколько сервиторов. Они спешили подключить

раскаленные двигатели к системе охлаждения.

Капаран заглушил машину. Еще целых тридцать секунд огромные вентиляторы разгоняли по пещере жар и отработанные газы. Затем со скрежетом опустился трап, и люк открылся. Первыми наружу вышли телохранители Семпера. Они прогрохотали сапогами по металлическим ступеням и принялись оглядываться по сторонам. За ними на площадку спустился капитан в сопровождении Максима Борусы. Последними появились Хьюга и его адъютанты.

Семпер задержался у трапа. Впервые за многие месяцы он вдыхал запахи, которых почти не осталось в многократно рециркулированном воздухе «Махариуса». Кроме того, приспособившись к силе тяжести, несколько отличающейся от искусственной гравитации на борту крейсера, тело капитана переживало довольно странные ощущения. Он знал, что после столь долгого пребывания на корабле непременно испытает приступ

панического страха, оказавшись на открытом пространстве. Впрочем, Семпер намеревался пробыть на Белатисе совсем недолго.

К нему приблизилась внушительного вида фигура в чёрном бронированном костюме и шлеме с забралом. Капитан встал по стойке смирно, отдал честь и на флотский манер щелкнул каблуками.

— Разрешите представиться! Леотен Семпер, командир крейсера «Лорд Солар Махариус».

— Джамаль Бизантан, прокуратор корпуса Агентус Арбитрес. — Верзила тоже отдал честь и неожиданно протянул Семперу руку в бронированной перчатке. — Прошу прощения, капитан, — добавил прокуратор. — Это из-за меня вас вызвали сюда под столь идиотским предлогом. Давайте попробуем уладить дело поскорее и с наименьшими потерями.

Перешагнув через труп бойца сил
 самообороны, Хоузан Безликий прошел
 через взорванный дверной проем.
 Защитники ракетных шахт оказали
 отчаянное сопротивление, но Хоузан не
 жалел своих людей и бросал в бой все новые
 и новые толпы хаосопоклонников. Он лично
 возглавил решающий штурм. Дезертиры
 из сил самообороны Белатиса провели его
 по лабиринту тоннелей укрепрайона, и
 атака на главный бункер стала для
 имперцев полной неожиданностью.
 Командный пункт захватили довольно
 быстро, но лишь после кровавой резни в
 многочисленных коридорах. Устехнувшись,
 Хоузан вспомнил, с какой яростью отряд
 отборных фанатиков-хаоситов бросился на
 застигнутых врасплох защитников
 бункера. Вскоре под контроль еретиков
 перешли и все ракетные шахты. Перед
 схваткой Хоузан включил в помещениях
 громкую связь, чтобы враги могли
 слышать душераздирающие вопли своих

товарищей. Эффект этой трансляции оказался в высшей степени деморализующим.

Безликий тайно пробрался на Белатис около года назад. Сначала он не знал, что ему предстоит совершить в этом мире. Однако немедленно приступил к работе. Объединив разрозненные культы в единую подпольную сеть, он сформировал террористические группы для ударов по стратегически важным объектам планеты. Даже среди самых высокопоставленных представителей власти Белатиса Хоузан нашел немало слабовольных и алчных людей. На сторону Хаоса перешло несколько очень влиятельных, но легковнушаемых чиновников, которые тут же начали распространять новую веру среди своих подчиненных.

Безликий проделал огромную подрывную работу. И вскоре силы варпа объявили ему свою божественную волю.

К Белатису приближался «Убийца Планет». Все обитатели этого мира погибнут, но их смерть будет

сопровождаться колоссальным всплеском психической энергии. Ее хватит на то, чтобы Хоузан, наконец, получил долгожданную награду. На волнах ужаса погибших обитателей Белатуса он воспарит в варн, где переродится и обретет неслыханное могущество. Хоузан станет Принцем Хаоса, одним из самых жутких демонов варна. Сгрогнүвшись, Безликий почувствовал, как под испещренной заклинаниями силовой броней корчится его измененное Хаосом тело. Приобретая новые формы, оно жаждало еще более страшных свершений. Усилием воли Хоузан устирил свою плоть. Гладкая кожа, обтянувшая спереди его череп, торщи́лась и собиралась в складки, принимая очертания бесчисленных лиц, которые хаосит носил за всю свою тысячелетнюю службу силам Хаоса. За эту верную службу Меняющему Пути Хоузан и получил способность менять облик, но в большинстве случаев ходил безликим.

-- Хозяин! -- воскликнул один из телохранителей Хоузана и в ужасе

отпрянул, потому что в этот момент
лицо командира приобрело черты
Кровавого Бога. Опершись о стену, Хоузан
тяжело задышал, пытаясь прийти в себя, а
его приспешники боязливо жались по углам.
Скоро произойдут последние
метаморфозы, предвещающие возведение
Безликого в ранг демона. Ему стоило
огромного труда подавить судороги.
Хоузан знал, что ему предстоит
перенести страшную боль. Он уже
испытывал ее во время превращений,
которые жаловали его повелители. Но
эта боль ничто по сравнению с почти
безграничной властью, которая скоро
покажется в его руках!

Хоузан подозвал одного из своих
помощников. Еще два месяца назад этот
человек был успешным коммерсантом и
пользовался большим влиянием на
северном континенте Белатуса. Теперь он
стал фанатичным культистом и
воспользовался своим положением, чтобы
под видом сезонных рабочих нелегально
переправить в Мадину множество
поклонников Хаоса. Он даже за свой счет

снабдил их оружием, изготовленным на его заводах. К тому же схроны с боеприпасами были устроены по всей столице.

«Еще один покорный слуга! -- подумал Хоузан. -- Еще один глупец. Он надеется, что я спасу его от Осквернителя. Одна из бесчисленных жертв, которыми я оплачу свое возвышение!»

-- Подготовка завершена? -- прохрипел Хоузан голосом демона, чей облик только что проступал на его лице.

-- Почти! Мы уже захватили лазерные батареи, и они готовы к бою!

-- А ракеты?

-- Стартовые коды, которые передали наши люди в правительство, подошли. Сейчас идет заправка топливом. Через час будут готовы к старту шесть ракет в этой шахте и еще десять -- в других. Этого должно хватить!

-- Проследите за их подготовкой!

Хаоситы поклонились и бросились выполнять приказ. Безликий подошел к перилам смотровой площадки и стал наблюдать за кипящей внизу работой. В шахте находилось шесть огромных черных

орбитальных ракет, очень похожих на проклятые торпеды имперских кораблей. Культисты и техники, дезертировавшие из подразделений сил самообороны, сновали по металлическим лестницам, подготавливая ракеты к старту. Другие ползали по перекладинам пусковой установки и наносили на корпус магические знаки Хаоса.

«Должно хватить...» -- подумал Хоузан, представляя, как через час эти смертоносные заряды отправятся к своим целям. Впрочем, в момент старта Безликого здесь уже не будет. Оправившись от первого шока, Имперский флот не замедлит нанести ответный удар. Тогда даже бетон этих шахт и сотни метров скальных пород над ними не спасут их от прицельного огня с орбиты.

Подозвав телохранителей, Хоузан проследовал к гравискифу, чтобы лететь в Мадину. По пути он в последний раз обернулся на людей, копошащихся на стартовой площадке. Для Безликого эти людишки ничем не отличались от

валявшихся вокруг трупов.

Они лишь жертвы, часть огромной горы тел, по которой Хоузан взойдет туда, где его примут в ряды демонов.

С потолка камеры посыпалась пыль. Корте не знал, от чего трясется потолок — от снарядов, падающих во двор казармы, — от Agentys Арбитрес, или от отдачи ответных залпов. Артиллерийская дуэль, превратившая базу арбитров в груды развалин, началась уже так давно, что ее отголоски, проникающие в подземелье, слились в непрерывный протяжный гул.

Корте взглянул на пристегнутого к столу окровавленного человека.

— Он опять теряет сознание. Вколите ему стимуляторы, — приказал помощник прокуратора.

— Хорошо. Но в следующий раз его сердце просто не выдержит, — предупредил врач.

— Колите! — рявкнул Корте. — Он еще не все сказал!

Пожав плечами, эскулан поколдовал над приборами и послал тщательно отмеренную дозу стимулятора в трубки, уходящие под кожу утирающего. Тело

человека светло сугорогой. Он выплюнул
сгустки крови, которые врач машинально
вытер салфеткой. Губы пленника
зашевелились, и Корте наклонился над
ним. Некоторые еретики в последний
момент жизни раскусывали спрятанную во
рту ампулу с ядом, пытаясь отравленным
дыханием убить склонившихся к ним
палачей. Но сейчас помощник прокуратора
на этот счет не волновался. Во-первых,
ротовую полость заключенного
тщательно осмотрели, а во-вторых, с
выбитыми зубами прятать ампулу ему
было негде.

На столе лежал капитан сил
самообороны Белатиса, командир отряда,
охранявшего дворец принца-регента. Корте
понимал, что творится сейчас в голове у
предателя. Его арестовали во время
последнего штурма. Атаку удалось
отразить, и теперь утирающий еретик
раскаивался в том, что предал
Императора. Попавшие в сети Хаоса
слабовольные глупцы часто только на
смертном одре понимали, кому они на
самом деле присягнули.

Сколько раз Корме выслушивал отчаянные мольбы о прощении, неубедительные оправдания и признания в страшных преступлениях, совершенных по приказу новых хозяев! Некоторое время помощник прокуратора терпеливо слушал хриплый шепот утирающего, а потом погнул руку, приказывая ему замолчать.

— Умя! Я хочу слышать умя того, кто велел тебе совершить все это!

Остекленев взглядом, еретик одними губами прошептал чье-то умя. Корме наклонился еще ближе и расслышал слово, от которого у него похолодело все внутри. Не может быть! Неужели тлетворное дыхание Хаоса так глубоко проникло в этот несчастный мир?! Неужели оно просочилось во дворец принца-регента?! В его тронный зал?!

Заглянув в глаза утирающего, Корме искал в них признаки продиктованной Хаосом лжи, но видел только отчаянное желание говорить правду. Последнюю правду после непрерывной череды обманов и предательств.

— Обвиняется в ереси.

Приговаривается к великодушному
отпущению грехов и быстрой смерти.

Достав пистолет, Корте выстрелил
бывшему капитану в сердце. Именно такой
легкой смерти хотел раскаявшийся
еретик. Если бы арбитр не отпустил ему
грехов, имперские палачи еще несколько
дней терзали бы его тело, не давая ему
умереть.

Помощник прокуратора кивнул
одному из арбитров и покинул камеру. В
подземных коридорах царила непривычная
тишина. Вот уже несколько часов, как
арестованные не колотили в толстые
металлические двери. Согласно Уставу
при возникновении угрозы захвата тюрьмы
арбитры должны были умертвить узников
ядовитым газом. Корте не был в восторге
от этой бойни, но понимал, что часть
заключенных непременно присоединится к
освободившим их еретикам. А остальных
хаоситы все равно расстреляют.

У дверей каземата к Корте подошел
сержант:

— Радиограмма от прокуратора. Мы
должны немедленно эвакуироваться. Он

бюджет ждать нас на борту «Сурового
Воздаяния».

— Он все еще на связи? — спросил
Корте.

— Никак нет! Связь с дворцом принца-
регента все время прерывается. Наверное,
наши переговоры глушат проклятые
еретики. А может, мешает пустотный
щит. Под дождем он создает такие
мощные статические помехи, что в эфире
вообще ничего не слышно!

Корте нахмурился. Эвакуация шла
вовсе не по намеченному плану.

Пилоты Agentus Арбитрес уже
вывели из бункеров бронированные челноки
и, торопясь взлететь, разогревали
двигатели. Остатки арбитров —
последние имперские военные на Белатисе
— покинули свои позиции на стенах
укреплений и бежали по грязи к трапам
челноков. Противник усилил
артиллерийский огонь. Один из снарядов
угодил прямо в центр двора, и нескольких
бойцов поглотил огненный шар взрыва.

В ответ заговорили орудия арбитров.
Из-за стены базы слышался рев тысяч

озверевших хаосопоклонников,
предвкусывавших скорую победу. Новылезав
из укрытий в развалинах близлежащих
готов, еретики бросились на штурм.
Сервиторы, обслуживавшие
автоматические пушки, заваливали толпу
осколочными снарядами. Когда мятежники
приблизились к стенам базы на
достаточное расстояние, заговорили
гранатометы. Еретики гибли сотнями,
однако толпа все равно рвалась вперед.

Скоро хаоситы окажутся на минных
полях и среди затинированных развалин
базы. Потом заговорят огнеметы.
Сервиторы продолжали отстреливаться,
но орду еретиков было уже не остановить.
Через несколько минут они захватят
казармы.

А может, и раньше.

-- Они подгоняют бульдозеры! --
раздался в наушниках Корме голос пилота
уже стартовавшего челнока. -- Целая
колонна движется с севера!

Корме выругался. Он прекрасно знал,
что речь идет об огромных бульдозерах,
угнанных с предприятий северного

промышленного района. Любая из этих чудовищных машин с ходу вышибет ворота! Пора уносить ноги!

-- Махан! Где Махан?! -- заорал помощник прокуратора. Стоя у трапа последней машины, он считал по головам запрыгивающих в нее арбитров.

-- Здесь! -- эхом отозвался вокс.

Молодой офицер и его солдаты бежали через двор к челноку. Мины ложились вокруг них так кучно, будто еретики могли видеть цели. Махан и его боевой расчет оставались на посту до самого конца, настраивая сервиторов таким образом, чтобы те как можно дольше сдерживали натиск хаоситов. Добежав до челнока, артиллеристы взбежали по трапу и повалились на сиденья. Остальные арбитры уже пристегивали ремни. Короте в последний раз оглядел опустевшие казармы. Очередной снаряд, выпущенный мятежниками, снес автоматическую пушку. В стене образовалась внушительная брешь.

Вновь слышался торжествующий

бой еретиков. Корме презрительно сплюнул в окровавленную грязь, повернулся и поднялся по трапу. Испуганный пилот начал взлетать, не дожидаясь, пока закроется люк.

Рев форсированных двигателей заглушил звуки стрельбы. Наконец челнок поднялся над базой и устремился вгонку за остальными.

Последние имперские военные покинули Белатис. Теперь его можно было считать сданным Абaddonу Осквернителю без боя.

Пилот головного челнока окинул взглядом раскинувшийся под ним город, но не увидел знакомых ориентиров, кроме дворца на высокой скале и остроконечных шпилей собора к югу от него. Генераторы, снабжавшие Мадину энергией, были уничтожены диверсантами несколько недель назад, и теперь в сгущающихся сумерках город напминал черное пятно, кое-где подсвеченное пожарами и кострами, разложенными среди развалин, то ли беженцами, то ли хаоситами.

Чногда воздүх рассекали лазерные лүчи и
трассирующие пүли. Впрочем, трудно
было понять, по кому ведется огонь.
Возможно, ликующие еретики просто
палили в воздүх.

Внезапно пилота ослепила яркая
вспышка. Он стал оглядываться по
сторонам, дүмая, что его машину
обстреляли батареи противовоздүшной
обороны, но так ничего и не увидел.

-- Там! Это там! -- воскликнул второй
пилот, показывая куда-то в темноту.

Неожиданно среди лесистых холмов к
северу от города вспыхнул ослепительный
лүч. Он үперся в небо и начал шарить в
поисках кораблей.

Открыли огонь лазерные установки
обороны Белатиса.

Первый зал лазерных установок с поверхности планеты угнул в гнище «Графа Орлока» совсем рядом с двигателями. Как и многие офицеры, Тим фон Блюхер считал, что настоящий командир должен требовать неукоснительного соблюдения всех положений Устава и прочих правил и распоряжений. По этой причине команда его крейсера страдала от непрерывной муштры. Удивительно, но именно маниакальная любовь фон Блюхера к порядку и спасла «Графа Орлока» от гибели.

Как и требовал Устав, «Граф Орлок» стоял на орбите со включенными на половину мощности вакуумными щитами. На самом деле почти никто не соблюдал этого требования. Щиты поглощали море энергии, а капризные генераторы лучше было не напрягать без особой необходимости, чтобы они не подвели в бою. А о приближающейся опасности

командиров могли своевременно
предупредить пилоты патрульных
штурмовиков и служащие дальних
станций слежения.

Лазерные лучи быстро прожгли
вакуумные щиты, но потеряли при этом
значительную часть своей энергии.
Поэтому, пробив броню, Они затухли в
районе энергетических трубопроводов
крейсера. Если бы капитан полностью
отключил защиту, лазеры наверняка
поразили бы генераторы и «Графа Орлока»
уже ничто не смогло бы спасти.

Тим фон Блюхер кричал на
офицеров, угрожая им военным
трибуналом и расстрелом на месте, если
они сию же минуту не включат на полную
мощность щиты и двигатели, не
предоставят ему исчерпывающий доклад
обо всех повреждениях и не засекут
источник лазерного излучения на
поверхности планеты. Несмотря на вопли
капитана и его часто противоречивые
приказы, команда «Графа Орлока»
действительно угрожалась в кратчайшие
сроки выполнить все необходимые

действия. Когда через пятьдесят секунд с поверхности Белатуса дали второй залп, крейсер встретил его во всеоружии.

Остальные суда тоже включали главные и маневровые двигатели, собираясь уйти из-под обстрела. Артиллеристы орли на наблюдателей и техножрецов, требуя от них координаты наземных целей. А в машинных отделениях двух десятков транспортов механики, облаченные в неуклюжие жаростойкие костюмы, пытались перенаправить энергию старых реакторов на слабые и ненадежные пустотные щиты.

В это время артиллеристы-хаоситы на Белатусе проклинали себя за то, что открыли огонь по хорошо защищенному военному кораблю, и лихорадочно разыскивали более подходящие цели...

«Аркона» была одним из многочисленных списанных транспортных кораблей, которые в начале войны кое-как отремонтировали и спешно ввели в строй. Послушнику Лито, никогда прежде не бывавшему на костических кораблях, она

казалась огромной и очень внушительной. Его потрясли и полет на челноке, и высадка на «Аркону». Лито поместили в самый дальний кубрик пассажирской палубы вместе с остальными послушниками. То немногое, что он успел увидеть на борту, произвело на него неизгладимое впечатление. Корпус корабля пограживал, отовсюду доносились необычные звуки. Сначала они пугали Лито, но потом он привык к этим странным шумам, исходявшим из механического чрева судна. Послушник знал, что попал в царство непостижимого и грозного Бога-Машины и его жрецов, которых так не любили проповедники Экклезиархии.

Лито и остальные священнослужители собрались на благодарственный молебен в огромном трюме. Послушник не обратил особого внимания на воющие вдали сирены. Затем что-то загудело у Лито под ногами, и палуба словно куда-то поехала. В ужасе и восторге мальчик понял, что «Аркона» включила двигатели и тронулась с места.

Послушник размечтался о том, что они
могут вознестись даже в Эмпиреи!
Остальные, наверное, думали о чем-то
похожем и стали оживленно
переговариваться. Раздосадованные
священнослужители вытащили плетки и
бросились наводить порядок, но при звуке
еще громче взывших сирен замолчал даже
бубнивший благодарственную молитву
кардинал.

Внезапно корабль потряс такой
мощный удар, что все повалились на
палубу. В дальнем конце трюма вспыхнуло
ослепительное пламя, и человеческие
голоса внезапно слились в один истошный
воплъ. Сначала Лито подумал, что
вознесение в Эмпиреи происходит гораздо
страшнее, чем он мог предположить, а
потом увидел несущуюся к нему стену
огня. Мальчик так и не успел понять,
почему в последнее мгновение своей жизни
он вспомнил оставшегося в соборе старого
слепого астроната.

Через несколько секунд очередной
пучок смертоносных лучей поднялся от
поверхности Белатиса и разрезал

«Аркону» на две половины.

Капитан «Дракенфельса» Эрвин Рамас пытался разобраться в бессвязных сообщениях, поступающих от кораблей эвакуационной флотилии.

Звездная система Белатис была сравнительно небольшой и составляла примерно треть Солнечной системы. Патрулировавший на ее окраине «Дракенфельс» находился сейчас в нескольких световых секундах от остальных имперских судов. Задержки при передаче информации на такое расстояние требовали привлечения астронавтов. Рамасу оставалось ждать, пока его астронавт получит сообщения от своих собратьев с других кораблей.

Изувеченное тело Рамаса было навечно соединено с крейсером, что позволяло ему получать оперативную информацию с капитанского мостика и сведения о состоянии агрегатов и систем «Дракенфельса».

Астронавт сообщал об обстреле эвакуационной флотилии, но крейсер

нашпентывал своему командиру о том, что самая большая опасность таится гораздо ближе. Сейчас этот шепот слышал только Рамас, чувствовавший корабль гораздо лучше, чем любой из капитанов Боевого флота Готического Сектора.

Рамас расслышал предупреждение «Дракенфельса» и уже хотел отгадать очередной приказ, когда услышал голос капитана одного из фрегатов, сопровождающих крейсер: «Говорит "Негас". Мы видим не менее пяти вражеских судов. Одно из них довольно крупное! Не знаю, откуда они взялись, но сейчас они идут полным ходом в центр системы, к эвакуационной флотилии. Мы у них прямо по курсу. Доброй охоты, "Дракенфельс"! Мы постараемся их задержать!».

Рамас ничего не ответил. Он знал, что «Негас» обречен, и мысленно похвалил его командира за то, что он не бросился наутек, а предпочел погибнуть, чтобы дать время остальным приготовиться к бою.

Изучая состояние систем своего корабля, Рамас начал отдавать команды.

«Негас» уже можно считать погибшим, но
«Дракенфельс» пока цел и невредим. Он
может за себя постоять!

Покинув верхние слои атмосферы
газового гиганта, эскадра сил Хаоса
устретила вглубь звездной системы.
Крейсер «Харибда» занял позицию в центре
строя. Со всех сторон его прикрывали
вооруженные торпедными рейдеры класса
«Язычник». Корабли сил Хаоса были
быстроходнее имперских и оснащены
дальнобойной артиллерией. Они шли в
атаку, намереваясь уничтожить любой
вражеский корабль, оказавшийся у них на
пути.

Первым погиб «Негас». Он
мужественно вышел навстречу эскадре
противника, но был торпедирован еще до
того, как успел открыть огонь.
Одновременно с «Негасом» фрегат
«Ахиллес» повезло немногим больше. Он
ловко зашел во фланг вражеским кораблям
и сумел серьезно повредить один из
рейдеров массированным лазерным залпом.
Фрегат перезаряжал орудия, когда

сокрушительный шквал огня из
плазменных пушек правого борта
«Харибды» разворотил его корту и
уничтожил внутренние системы
энергоснабжения. Беззащитный «Ахиллес»
беспомощно дрейфовал в пространстве, но
корабли сил Хаоса даже не снизили го-
товности, чтобы его добить. Они ринулись
дальше, вглубь системы, туда, где их
ожидал более лакомый кусочек --
«Дракенфельс».

Эрвин Ратас знал, что офицеров
Легиона Титанов, заключенных в чрево
чудовищных боевых машин, называют
богаты войны. Ратас видел титанов в бою
и считал это зрелище незабываемым. Но
он никогда не сравнил бы мощь титанов с
божественной. Другое дело -- их
способность проникать в варп и с
невероятной скоростью перемещаться от
одного уголка бескрайнего Имперiums к
другому, возможность извергать огонь на
врагов Императора прямо с орбиты. Или
идти в бой, командуя крейсером, способным
выдержать удары огромной мощи, которые

расплющили бы самого огромного титана, и давать залпы, сметающие с лица земли легионы исполинских машин!.. Вот это настоящая сила! Наверное, большей не дано познать ни одному смертному! А если быть связанным с кораблем самой плотью, то вообще очень легко возомнить себя богом!..

Отгнав богохульные мысли, Ратас сосредоточился на более насущных делах. Изучив показания датчиков, он убедился в том, что вражеская эскадра несется к нему, как волчья стая. Впереди шли быстроходные эскортные корабли. За ними поспевал тяжелый, но прекрасное вооруженный крейсер.

— Самый полный вперед! — скотанговал Ратас, чувствуя, как наливаются энергией и без того раскаленные двигатели «Дракенфельса».

Некоторое время капитан изучал стекавшийся к нему поток информации, выслушивал доклады о состоянии систем корабля, отдавал приказы и общался со своим старшим помощником. Когда Ратас, наконец, вновь взглянул на

мониторы, до решающего момента оставались считанные минуты. Эскортные корабли противника неслись к «Дракенфельсу», как молодые волки к добыче, и уже намного опередили тяжелый крейсер.

— Стоп, машина! — приказал Рамас, чувствуя, как поток энергии изменил направление и хлынул к носовым тормозным двигателям. — Лево на борт! Поворот на девяносто градусов!

Древний корпус застонал, протестуя против таких перегрузок, и «Дракенфельс» нехотя лег на новый курс. Многие корабли при таких маневрах раскалывались надвое, у других выходили из строя реакторы, но Рамас знал свой крейсер и свою команду. Они не погведут!

«Дракенфельс» дрейфовал в пространстве, повернувшись к противнику левым бортом. Рамас представлял себе тревогу и радостное возбуждение, воцарившееся на вражеских рейдерах. Имперский крейсер представлял собой очень легкую цель, но теперь к противнику развернулись все батареи левого борта.

Рамас знал, что следующие несколько мгновений решат исход схватки, и впился взглядом в мониторы.

Стремясь к скорой победе, рейдеры рванулись вперед. Если бы губы Рамаса не пострадали при торпедной атаке эльдаров, капитан «Дракенфельса» обязательно устехнулся бы.

— Батареи левого борта, огонь! — приказал он.

Из орудий «Дракенфельса» вырвались пучки энергии. Первого же удара хватило, чтобы один из рейдеров разлетелся на куски, а другой вышел из строя. В его отсеках бушевал пожар.

Рамас же не расслаблялся ни на секунду и не спешил праздновать победу. Он прекрасно знал, что сейчас произойдет.

Вражеские суда вышли на дистанцию огня и дали торпедный залп. Поврежденный рейдер тоже успел привести в действие свои торпедные аппараты.

— Торпеды! По местам! — приказал Рамас.

Матросы бросились загравать люки между отсеками и отключать ненужные

источники энергии. Пожарные команды заняли свои места по боевому расписанию, а остальные члены экипажа попрятались за толстыми переборками аварийных отсеков.

Артиллерия «Дракенфельса» открыла огонь и сбила две торпеды. Еще две прошли мимо. Остальные четыре -- одна за другой -- поразили имперский крейсер.

Две попали в кордовые оружейные башни. При этом башня номер восемь была полностью уничтожена. У башни номер шесть был поврежден поворотный механизм, и дальнейшего участия в бою она не принимала.

Две оставшиеся торпеды ударились в бронированный корпус крейсера. Одна взорвалась на верхней палубе машинного отделения. Даже такие повреждения не могли вывести «Дракенфельс» из строя, но он лишился нескольких сотен опытных механиков.

Офицеры крейсера еще только собирались доложить о потерях, а Рамас уже знал, как реагирует «Дракенфельс».

пытаясь оправиться от только что полученных ран. Не будучи техножрецом, многоопытный капитан понимал, что командует живым кораблем, и сейчас чувствовал боль крейсера.

Теряя энергию из нескольких перебитых каналов, «Дракенфельс» все-таки включил маневровые двигатели и развернулся носом к уцелевшим вражеским судам. Несмотря на повреждения, имперский корабль был готов продолжать бой. Теперь слово было за противником. Соединившись со своим крейсером, вражеские рейдеры смогут окружить и расстрелять «Дракенфельс». Но при этом перетянут не избежать новых потерь!

Поэтому бывалый капитан не удивился тому, что рейдеры отступили под защиту своего крейсера. Команда «Дракенфельса» возликовала, но Рамас даже не обрадовался.

Эскадра сил Хаоса добилась своего. Несмотря на неожиданно большие потери, она оттеснила имперский патруль от точки выхода из варпа в систему Белатис.

Рамас понял, что противник в самое ближайшее время ожидает подкрепление.

Где-то в чреве «Махариуса» существо ощутило приближение своего часа. Оно уже нашло себе новое логово в металлических недрах корабля. В этом помещении существо обнаружило несколько беспомощных и визгливых созданий, вроде тех, с которыми оно так легко расправилось раньше. Утертвив их быстро и безжалостно, существо устроилось среди гниющих трупов и стало готовиться к следующей метаморфозе. Поглотив как можно больше разлагающегося мяса, оно растворило его ядовитыми соками, и теперь у него внутри созревала новая, еще более страшная тварь. Похожие на уродливую опухоль очертания зародыша уже были видны на брюхе.

Отсидеваясь в темноте, существо медленно проникалось смыслом своего существования. Теперь исподтишка распространять заразу на корабле казалось выкортышю Хаоса занятием недостойным. Отпрыски Нургла могли не только

шнырять в темноте и лезть коридоры
вязкой слизью — они были способны на
большее!

Существо чувствовало, что
породившие его силы двинутся к нему
сквозь варн, и решило их подождать. Но
ждать ему придется недолго. А потом оно
нанесет удар!..

Имперские боевые корабли дали
ответный залп. Повредив «Графа Орлока»
и уничтожив «Аркону», хаоситы еще
дважды открывали огонь. Получивший
прямое попадание костический танкер
«Бреннус» взорвался. Горящий протетий
пролился огненным дождем в верхних слоях
атмосферы Белатиса. В следующий
момент лазерный луч уничтожил носовые
трюмы войскового транспорта «Варус», в
которых мгновенно погибли бойцы двух
батальонов 48-го Валеттского полка
Имперской Гвардии.

Но вот артиллеристы «Графа
Орлока», «Борогуна» и «Сурового
Воздаяния» определили координаты
захваченных еретиками батарей.

Успуганным и оглушенным взрывами жителей Мадины показалось, что сами звезды выплеснули на их планету свой гнев паутиной ослепительных лучей, вспыхнувших на холмах.

Оружие, способное наносить разрушительные удары на расстоянии сотен тысяч километров, обрушило свою мощь на поверхность планеты. Оно пробивало почву, нащупывая ракетные шахты, командные бункеры и генераторы.

Засевший среди развалин отряд культистов решил, что прилетел «Убийца Планет». Хаоситы пустились в пляс, испуская вопли звериного восторга. Они думали, что пробил их смертный час, и радовались предстоящему вознесению души в варн. Артиллеристы с «Борогина» случайно выполнили их желание, промахнувшись. Одним залпом они уничтожили и остатки готов, и около тысячи еретиков.

Верный слуга Хоузана прислушивался к сотрясавшей землю глухим ударам. На командном пульте бункера светились огоньки, обозначающие готовые к пуску

ракеты. На полу за спиной еретика валаялся
труп коммерсанта с перерезанным горлом.
В помощи этого человека культисты
больше не нуждались.

Гул взрывов стал ближе. По низкому
потолку пошли трещины, посыпалась пыль,
затигала лампа.

— Я добровольно и радостно отдаю
жизнь за нашего повелителя! — забудил
хаосит, склонившись над пультом. — За
Хуизана Безликого! За торжество Хаоса
во всей Вселенной!..

Через секунду обвалился потолок. Еще
через мгновение бункер перестал
существовать вовсе. Его испепелил луч
раскаленной плазмы. Слишком поздно.

В вырубленных в скальной породе
шахтах заработали двигатели ракет.
Подготовка к старту еще продолжалась, и
все суетящиеся на пусковых площадках
еретики сгорели заживо. Наконец ракеты
пошли вверх.

Некоторые удалось сбить с орбиты
прямо над шахтами, но это было не важно.
Как говорил зарезанный коммерсант, для
выполнения задачи, поставленной

Хуизаном Безликим, ракет было более чем достаточно.

— Ракеты! С поверхности Белатиса стартовали ракеты!

Услышав голос наблюдателя, Улантис подскочил в капитанском кресле. В иллюминаторы капитанского мостика ему была хорошо видна сүмятица, охватившая эвакуационную флотилию. Корабли спешно запускали двигатели и маневрировали, пытаясь уйти от лазерных лучей, ломая при этом строй, в котором им было легче защищаться. Лейтенант видел развалившуюся надвое «Аркону», окруженную обломками, и поврежденный «Барус».

Из пробоин в его корнүсе все еще вылетали обгоревшие и полонавшиеся от мгновенной декомпрессии трупы солдат двух батальонов Имперской Гвардии.

Среди корнүсов крупных кораблей сверкали серебряные крылья костических истребителей, стартовавших несколько мгновений назад с «Махариуса».

Улантис ощущал тревогу,

воцарившүся на мостике крейсера с того
момента, как его покинул Семпер.
Лейтенант чувствовал на себе немало
скептических взглядов. Он знал, что его
происхождение до сих пор не дает покоя
офицерат «Махариуса». Несмотря на то,
что даже самые упрямые из них скрепя
сердце признавали в Улантн отличного
старшего помощника, командовать
самому было гораздо труднее, чем
передавать чужие приказы. Наверняка
очень многие на мостике и сейчас
считали, что молодому аристократу из
тира-үлья рановато командовать
имперским крейсером.

Заняв место Семпера и оказавшись в
окружении двухсот с лишним членов
экипажа «Махариуса», Улантн понял, как
одинокó чувствует себя командир корабля,
но собрался с духом и решительно
повернулся к старшему артиллеристу.

Если Рилүс Найгер и испытывал
какие-то сомнения в способности Улантн
командовать «Махариусом» в боевых
условиях, то не подал виду.

— Стартовало двенадцать ракет, —

положил он как всегда деловым тоном. --
На перехват вылетели эскадрильи
«Шторл» и «Шершень». К старту
готовятся штурмовики. Я советую
отправить их на Белатис догнать то,
что начали «Граф Орлок» и «Бородино».

Не отрывая взгляда от
иллюминатора, Улантис согласно кивнул.

-- Клянусь Вандиром! Они что,
ослепли?! -- рявкнул Кетер и с трудом увел
истребитель из-под ураганного, но
беспорядочного огня автоматических
пушек какого-то ржавого транспорта. --
Скажите этим придуркам, чтобы по
своим не стреляли! Объясните им, чем
ракета отличается от истребителя!

Легким прикосновением к штурвалу
он вернул свою машину в строй. Вместе с
Альтотаром и Зеном Кетер летел на
перехват поднимавшихся с поверхности
Белатиса ракет. Цели приближались.
Огонь, вырывающийся из их двигателей,
был хорошо виден на фоне ночи.

-- Откроем по ним перекрестный
огонь, -- без особой надобности напотнил

Кетер Зену и Альтотару. — На второй заход времени у нас нет. Надо сбивать сейчас.

— Скажите, пожалуйста, сэр, — раздался нагнетательный голос Альтотара, — а чтобы выстрелить, мне надо дернуть зеленую ручку над головой или нажать красную кнопку на штурвале?

Рет Зен, как того и следовало ожидать, протолчал и короткими импульсом на канале связи дал понять, что слышал слова командира.

Прямо по курсу Кетер увидел характерные лазерные всполохи. Через несколько секунд яркая вспышка у самого края атмосферы Белатиса оповестила его о том, что одна из ракет сбита. Кетер даже не успел обрадоваться. Теперь настала их очередь. Вместе с Альтотаром и Зеном он открыл огонь из лазерных пушек, установленных под крыльями «Фүрии». Три потока лучей впились в летящую прямо на истребители ракету. Лазеры били по ее бронированной боеголовке, крошили обшивку, дырявили почти пустые топливные баки, плавляли

двигатели.

Звено Кетера вело шквальный огонь по цели несколько томительно долгих секунд. Наконец ракета взорвалась.

Облетев вспышку, «Фүрии» бросились искать новые цели.

— Командир! Вижу цель! Еще одна ракета! Дистанция сто шестьдесят километров. Она быстро приближается!.. — Внезапно Зен толк, а потом вернулся в эфир. — Ракета включила маневровые двигатели! — через секунду воскликнул он совершенно нехарактерным для него удивлением в голосе. — Она направляется вовсе не к транспорту, — заявил он еще через мгновение обычным бесстрастным тоном. — Она развернулась к поверхности планеты.

— Ракеты падают на Белатис!

Изображение на мониторе перед Уланти подтверждало доклад наблюдателей.

— Пять ракет сбиты нашими истребителями, — доложил техножрец в железной маске. — Одна сбита корабельной

артиллерией. Четыре ракеты изменили курс и стремительно приближаются к поверхности планеты.

— Неполадки в системе наведения? — предположил Найдер.

— Маловероятно, — произнес техножрец. Он уже успел справиться с информацией из банка данных «Махариуса», молниеносно анализирующего все происходящее вокруг корабля. — Судя по идентичным траекториям всех четырех ракет, они используются в качестве баллистических и должны поразить какую-то цель на поверхности.

— Какую?! — воскликнул Улант.

Техножрец еще некоторое время изучал поступающие данные.

— Столицу Белатуса Магину. Вероятнее всего — дворец принца-регента.

Дворец принца-регента охватила безумная паника. Никто уже ничего не видел, не слышал и не понимал от страха.

Все началось несколько часов назад. У подножия скалы верные правительству подразделения сил самообороны всё ещё охраняли входы во дворец от вылазок хаоситов. В это время собравшиеся на верхних этажах придворные закрыли все двери, ведущие вниз. Защитники дворца сначала возмущались, а потом испугались, поняв, что их бросили на произвол судьбы, хотя их офицеры обещали совсем другое.

К возмущенным военным прикнули слуги. Вместе они бросились на дворцовых гвардейцев, охраняющих двери. В шахтах лифтов и на лестницах грохотала пальба. Несколько нижних этажей уже горели. Там оставались только беженцы и сбежавшие прорваться через баррикады хаоситы.

В последний момент принц-регент решил, что вместе с ним Белатис должны

покинуть и останки его прославленных предков. Придворные не находили себе места, пока Витас Сарон руководил бесконечными молебнами и ритуалами при эксгумации праха.

«Дворец рушится, а они считают гроши», — подумал Семпер, вспомнив легенду о том, как хранитель имперской казны настоял на ее инвентаризации, хотя Казначейство уже обстреливала артиллерия Легионов Хаоса.

Впрочем, даже Сарон начал торопиться и наконец, прервал молебен, когда стрельба раздалась совсем рядом, а за витражами усыпальницы что-то ярко полыхнуло и оглушительно защелкало, как огромная лазерная винтовка!

Придворные, все как один, бросились на балконы, где и застыли, разинув рот при виде лазерных лучей, взвившихся в небо откуда-то из-за холмов.

— Что это? — прошипел грожащим голосом принц-регент. — Куда стреляют лазерные батареи? Я не приказывал открывать огонь. Неужели «Убийца Планет» уже прибыл?!

Сарон обращался одновременно и к первому министру национальной безопасности, и к генералу Броду, но они смотрели на ярчайшие лучи с таким же недоумением, как и все остальные.

— Я не знаю, — пробормотал Брод. — Вероятно, противник захватил лазерные батареи и ведет огонь по эвакуационной флотилии...

— Остановите же их! — завопил Сарон, забыв о том, что на Белатисе царит безвластие и анархия. Внезапно его посетила еще более тревожная мысль: — А эти батареи могут стрелять по дворцу?!

Из-за спин придворных выступил капитан Семпер:

— Нет. Это орбитальные ракеты. Дело не в этом, а в том, что нам нужно немедленно улетать. Для Боевого флота Готического Сектора важнее всего безопасность эвакуационной флотилии. Если система обороны планеты попала в руки противника, орбита Белатиса стала местом небезопасным. В такой ситуации капитаны эскортных кораблей немедленно прикажут конвою уходить. Они не будут

ждать даже принца-регента. Командиры должны в первую очередь спасти свои суда. Уж поверьте мне на слово.

«Я и сам, ни секунды не задумываясь, бросил бы тебя здесь, — с кривой устешкой подумал Семпер, — будь я сейчас на "Махариусе", а не в толпе этих идиотов!»

— Капитан говорит дело, — сказала принцесса Малисса, нежно поглажив Сарона по руке. — Ты сделал все возможное. Никто не усомнится в твоём мужестве и в твоей преданности нашей возлюбленной планете. Но теперь твой долг — служить Императору за ее пределами!

— Ты, как всегда, права, сестрица, — пробормотал Сарон. — Ты всегда знаешь, что делать...

С этими словами принц-регент послушно побрел за принцессой Малиссой к своим агьютантам.

Толпа придворных сломая голову бросилась следом. Принц-регент был для них последней соломинкой, за которую они цеплялись в надежде на спасение... В этот момент раздался страшный грохот и сверкнула ослепительная вспышка. Сквозь

пелену облаков прямо с небес на позиции лазерных батарей обрушился шквал огня. Многие из придворных завопили от страха и попадали на пол, закрыв голову руками. Даже Семперу, не раз наблюдавшему это зрелище с орбиты, стало не по себе. Ему представился случай узнать, как выглядят удар имперских боевых кораблей с поверхности планеты. Лазерные лучи, ракеты и снаряды взрывались в скальную породу. По городу огна за другой прокатывались взрывные волны.

Сквозь просветы в тучах Семпер различил характерные вспышки бортовых оружий крейсеров. Кроме того, он увидел отблески горящих кораблей. А с неба уже сыпались сгоравшие в атмосфере обломки.

Который же из кораблей «Махариус»? А может, он уничтожен и это в его искореженном корпусе догорают остатки кислорода?

Семпер тихо выругался. Что он делает на Белатисе?! «Махариусу» угрожает опасность и командиру место на мостике своего корабля! Там он не чувствовал бы себя беспомощным и

бесполезным и, возможно, даже сумел бы повлиять на ход событий!

Внезапно раздался рев мощных двигателей, и из-за пылающих холмов в небо взмыли ракеты.

— Они захватили ракетные шахты! — не веря своим глазам, пробормотал Кейль. — Не может быть... Да как же это?! Я же не...

— Быстро по челнокам! — воскликнула принцесса Малисса, не дав министру договорить.

Трясущихся от страха придворных не пришлось уговаривать. Они бросились вон из часовни. Толпа чуть не сбила Семпера с ног, и он стал оглядываться в поисках темно-синих мундиров телохранителей. С изрядным облегчением он увидел здоровяка Максима Боруса. За ним следовали трое гардемаринов. Они расчищали себе дорогу, орудуя кулаками и прикладами. Наконец четверо охранников обступили своего командира.

— Пожалуй, пора статываться, капитан! — заявил Боруса в своей обычной панибратской манере.

— Вы правы, старшина, — согласился Семпер и взялся за висевший на перевязи вокс.

Пустотный щит вокруг дворца создавал сильные помехи, и с «Махариусом» связаться не удалось. Однако можно было вызвать челнок, на котором они прибыли.

— Говорит капитан Семпер. Мы спускаемся. Готовьтесь к немедленному старту.

— Прошу поторопиться, — ответил Милош Капаран. — Вход в ангар охраняют пехотинцы, но у них такой вид, словно они сейчас начнут по нам стрелять или попытаются ворваться на борт. Что нам делать?

— Очистите посадочную площадку от посторонних, — ответил Семпер. — У вас же есть оружие. Приказываю экипажу взять под охрану все входы в ангар. Никого не впускать. Если нужно, открывайте огонь на поражение!

В нескольких десятках километров над дворцом принца-регента первая из

предназначенных для него ракет достигла вершины своей траектории. Сработали маневровые двигатели. Найдя новую цель, ракета резко изменила курс и стала падать назад к поверхности Белатиса. Двигатели столкли, топлива в них хватило только на подъем в верхние слои атмосферы.

Первая ракета врезалась во дворец, легко преодолев пустотный щит. Она угодила прямо в крышу тронного зала. Боеголовка могла пробивать прочнейший адамантый брони боевых кораблей, поэтому она прошла двенадцать этажей и взорвалась в районе кухонь и кладовых.

Взрыв потряс здание. Под обрушившимися конструкциями погибли сотни слуг и придворных. Взрывная волна и облако пламени пронеслись по лестницам и шахтам лифтов, сжигая все на своем пути. Целый кусок скалы отлопыхался и рухнул на буйевавшую толпу. Согрогнулх спрятанный в недрах утеса генератор. Полопыхались трубы энергопровода. Пустотный щит тигнул несколько раз и погас.

Впрочем, в нем уже не было необходимости. Высоко в небе еще три ракеты уже достигли пика своей траектории и готовились ринуться вниз.

Страшный удар сбил Семпера с ног. За спиной капитана рухнул потолок. Сверху посыпались пыль и известка. Освещение погасло. Вместо него мерцали тусклые аварийные лампы.

Один из телохранителей помог Семперу подняться и зачем-то стал трясти его китель. Отовсюду доносились вопли и стоны раненых. Где-то рядом раздалась выстрелы. Либо хаоситы уже пробилась на верхние этажи, либо придворные и слуги начали убивать друг друга за места в челноках. Обезумевшая толпа с ревом неслась к посадочной площадке.

— Капитан!

Оглянувшись, Семпер увидел, как к нему проталкивается Бизантан в сопровождении целого отделения вооруженных до зубов Агентус Арбитрес. Вслед им летели пули. Затывающие отряд арбитры то и дело оборачивались и

стреляли в ответ.

— Ваш челнок ближе. Улетайте поскорей и заберите с собой этого жирного борова с его сворой! — сказал Бизантан, кивнув в сторону сгрудившихся вокруг Сарона придворных.

Семпер увидел среди них и перепуганного Хьюгу, где-то потерявшего своих агентов.

— Удите! Скоро сюда посыплются новые ракеты, — продолжал прокуратор. — Мы задержим еретиков, пока вы рассаживаетесь по челнокам.

Прочитав немой вопрос в глазах капитана, дюжий арбитр невесело устехнулся:

— Не волнуйтесь, у меня нет ни малейшего желания жертвовать своей жизнью или жизнью моих людей ради спасения этих никчемных людишек. До скорой встречи на орбите!

— Очень надеюсь на нее, прокуратор. — Семпер протянул Бизантану руку. — Пора уносить ноги из этого сумасшедшего дома!

Не отпуская руки капитана, прокуратор наклонился вперед и тихо

проговорил:

-- Держите ухо востро, капитан!
Будьте начеку с этой бандой!

Семпер удивленно посмотрел на арбитра, но тут же понимающе кивнул.

Капитан вел Сарона и его придворных к посадочной площадке. По пути их дважды обстреляли. В первый раз одновременно раскрылись двери нескольких лифтов и из них высыпала обезумевшая толпа слуг и бойцов сил самообороны. Семпер растерялся. Но в этот момент появился старшина Боруса.

-- Огонь! -- не мешкая ни секунды, заорал он гардемарином.

Всего нескольких болтерных залпов хватило для того, чтобы люди попрятались кто куда. На полу остались лежать убитые и раненые. Оружие Агентус Астартес прекрасно подходило для боев в узких корабельных коридорах. Не подвело оно и во дворце.

Уже у самого выхода на посадочную площадку Семпер вновь попал в засаду. Одетые в черное культисты открыли огонь с вершины ближайшей лестницы и из-

за колонн балюстрады. Капитану, его телохранителям и знати Белатиса пришлось бегом преодолеть открытое пространство. Пулеметная очередь скосила двух адъютантов Сарона и ранила в плечо генерала Брода.

Шлем одного из телохранителей Семпера пропорол лазерный луч. Капитан схватил гардестарина за плечо и хотел было потащить за собой, но увидел, что лазер снес бедняге половину черепа. Семпер бросил труп и подобрал болтер. Оказалось очень нелегко открыть огонь по перепуганным подданным Императора. Однако, успокоив себя мыслью, что он уничтожает еретиков и предателей, Семпер прицелился в хаосита и решительно нажал на спусковой крючок. С балюстрады посыпались осколки тратора и куски человеческого мяса. Не успел капитан выстрелить новую жертву, как Максим Боруса втащил его за воротник в посадочный ангар. Остальные бросились за ним. Молодой дворянин задержался в дверях и начал было отстреливаться, но тут же погиб от залпа из лазерной

винтовки.

Капитан «Махариуса» бросился к трапу челнока. Из-за рева турбин он не слышал за спиной звуков пальбы. Обезумевшие хаоситы уже вбегали на посадочную площадку. Заметив их, бортстрелок Даки развернул свой счетверенный пулемет. Ливень снарядов, способных уничтожать бронированные костические штурмовики, превратил толпу предателей в кровавый фарш.

Стоя на вершине трапа, Боруса извергал самые страшные страниварские проклятия, подгоняя свиту правителя Белатиса. Максим огляделся, чтобы убедиться, что все поднялись на борт. Вдруг к нему бросился чудом уцелевший еретик с цепным мечом наперевес. Старшина подпустил врага на расстояние выстрела и хладнокровно снес ему череп из болтерного пистолета. Затем презрительным пинком он сбросил тело с трапа, нырнул в кабину и нажал кнопку, закрывающую люк.

— На борту все! Летим!

Милоша Канарана не пришлось

просить дважды. Окунанный облаками дыма и пламени челнок оторвался от площадки и рванул вперед.

Оказавшись под черным небом залитой дождем столицы, Капаран и Торр увидели хвостовые огни челноков, стартовавших чуть раньше. А прямо над их головами мерцали три вспышки сгорающего топлива. Ракеты уже неслись ко дворцу. Капаран форсировал двигатели, пытаясь уйти как можно дальше от места неизбежного взрыва, и ему почти удалось спасти челнок...

Три ракеты одна за другой ударили в скалу. Одна из бронированных боеголовок вновь пробила все этажи и взорвалась в непосредственной близости от реактора. Накопившаяся в нем энергия освободилась и разнесла до основания и скалу, и развалины дворца. Издали это напоминало извержение вулкана.

Весь центр Мадины превратился в руины. Раскаленные обломки разлетелись на несколько километров вокруг. Взрывная волна ударила в борт, но Капаран удержал машину. Несколько секунд все было тихо,

но потом на челнок посыпался град обломков. Правый двигатель взорвался. Металлические детали изрешетили фюзеляж и крылья челнока. Огромный кусок, обшивки пробил пассажирскую кабину насквозь, обезглавив двух советников Сарона. Сидевшего за ним Семпера окатило горячей кровью. Лишь спустя несколько секунд он осознал, что сам остался невредим.

Челнок почти перестал слушаться Капарана. На приборной панели горели только красные руны. В кабине пахло паленой изоляцией -- от перегрузок загорелся один из сервиторов Шанина-Колеса. Пилоты переглянулись.

-- На орбиту нам не выйти. Скоро мы просто рухнем на землю. Надо искать место для посадки.

-- Какое? -- буркнул Торр, разглядывая бесконечный лабиринт развалин, наверняка кишевших кровожадными еретиками.

Стараясь не терять высоты, Капаран тоже высматривал ровное место, но видел только руины горящих зданий. Вдруг на ночном горизонте мелькнул высокий

циль.

-- Летим туда! -- воскликнул Капаран. -- Это собор Экклезиархии. Он наверняка стоит на площади! Там можно приземлиться.

-- Думаешь, в соборе все еще наши? -- Торр явно не разделял энтузиазма командира. -- Еретики вряд ли предложат нам чашечку кофеина, пока мы ждем помощи с «Махариуса»!

Девана мучили кошмары. Нагой и одинокий, он бежал по бесплодной пустыне. Исповедник не осмеливался оглянуться на неизвестного преследователя, но его огромная тень застила дневной свет. Потом тень накрыла весь мир, и Деван понял, что ему не спастись.

За последние несколько недель он уже не раз видел этот кошмар. И другие защитники собора, приходившие к нему на исповедь, жаловались на страшные сны. Однако сегодня Девану стало как-то особенно жутко.

-- Отец исповедник!

Чья-то рука осторожно, но

настойчиво потрясла за плечо еще не до конца проснувшегося Девана.

Он машинально потянулся к цепному мечу, решив, что хаоситы опять пошли на штурм. Склонившийся над ним старейшина Боевого Братства успокаивающе сжал его руку:

— Нет, отец исповедник, это не боевая тревога, но снаружи творится что-то странное. Вам лучше взглянуть самому.

Деван пробирался по центральному нефу собора, стараясь не наступать на спавших вповалку людей. Большинство старалось хоть немного отдохнуть после очередной атаки еретиков. Некоторые метались во сне. Наверняка их тоже мучили кошмары. Кругом стонали раненые. Лазарет был переполнен, и облаченные в белые одежды сестры Ордена Госпитальеров валились с ног от усталости.

Выйдя на улицу, Деван услышал отдаленные, но очень мощные взрывы. На службе в Имперской Гвардии он не раз слышал подобную канонаду и понял, что Белатис обстреливают костические

корабли. Исповедник этому вовсе не удивился. Его поразило другое: он и другие защитники собора устали до такой степени, что их не разбудил даже этот грохот.

Вскоре члены Боевого Братства собрались на баррикадах. Непрерывные атаки еретиков не прошли для них бесследно. Ряды бойцов заметно поредели. Братья нервно перешептывались, показывая пальцами на небо. Яркие лучи, прорезавшие тучи, казались им воплощением гнева несокрушимого Имперского Военно-костического флота. Потом внимание Девала привлекло яркое зарево на горизонте. Неужели горит дворец принца-регента?! Внезапно до слуха исповедника долетел новый звук. Где-то были двигатели челнока. Надсадный рев приближался.

-- Тихо! -- крикнул Деван. -- К нам летят! Интересно, кто и откуда?

-- Вон оттуда! -- вскинул руку один из боевых братьев.

Теперь и Деван заметил ходовые огни низко летящего челнока. Но с ним что-то

было неладно. Приглядевшись, исповедник
увидел, что правое крыло и хвост челнока
горят. Двигатели натужно были, и вообще
челнок слишком быстро терял высоту.

Деван рассмотрел опознавательные
знаки Военно-воздушного флота на
законченных крыльях. Тем временем
машина сумела-таки выйти из пике и не
воткнуться носом в булыжник площади, но
потеряла хвост, зацепившись за крышу
одного из близлежащих домов.

— В укрытие! — рявкнул исповедник и
стал подталкивать ничего не
понимающих боевых братьев к дверям
собора.

Пронахав глубокую борозду в
щербатой мостовой, челнок на брюхе
пронесся по площади. Его появление
застало еретиков врасплох. С
противоположной стороны раздалась
одиокие нерешительные выстрелы.
Машина со страшным грохотом ткнулась
носом в баррикаду, затем ее развернуло, и
она, наконец, замерла.

На несколько мгновений повисла
тишина. Потом вновь загремели

выстрелы. Те, кто остался на баррикадах, стреляли по кучке хаоситов, бросившихся вслед за челноком. Вскоре к защитникам собора прибыла подмога, и еретики сочли за благо ретироваться.

Услышав шевеление и невнятные звуки в кабине, Деван осторожно подобрался поближе. Из дыры в корпусе показалась огромная фигура. Исповедник даже принял человека за костогесантника в полном боевом снаряжении. Испуганные боевые братья прицелились в незнакомца, но Деван узнал форму старшины Имперского флота и приказал им опустить оружие.

Потирая ушибленные бока, Максим Боруса выплюнул выбитые зубы и с удивлением уставился на исповедника.

-- Разрази меня гром! -- пробормотал он. -- Или я разбился и зачем-то попал в рай вместе со святошатами, или я жив, но по-прежнему на этой проклятой планете. Даже не знаю, что меня меньше устраивает!..

Где-то далеко, на самой окраине звездной системы Белатис, из варпа появилось нечто огромное и страшное. Следом, влекомая его мощным полем, в материальном пространстве возникла целая армага судов. Появление «Убийцы Планет» не могло пройти незамеченным, и до имперских псайкеров обязательно докатятся отголоски варп-вихрей.

Внезапно астронавты и навигаторы на всех имперских кораблях эвакуационной флотилии почувствовали себя крайне скверно. Волны возмущенной энергии варпа захлестнули их с такой силой, что у них потемнело в глазах и чуть не потухил рассудок. Еще даже не успев прийти в себя, они тут же сообщили командирам своих кораблей о том, что в системе Белатис происходит что-то страшное.

В глубине железного чрева «Махариуса», на одной из самых нижних

налуб, демоническое существо начало
биться в страшных конвульсиях в такт с
набегающими волнами невидимой энергии
варна. Жуткая тварь ощущала родство с
тем, что только что возникло на окраине
Белатиса, и благоговейный трепет перед
страшной силой, спешащей ей на подмогу.
Возликовав, демон начал корчиться в
сладострастных судорогах, готовясь к
последнему превращению.

Хоузан Безликий тоже почувствовал,
что свершилось долгожданное, и вперил
взгляд в затянутое серыми облаками небо.
Пропитанное темной энергией тело
содрогнулось, предвкусывая перерождение.

Хоузан знал, что скоро вознесется и
станет демоном варна. Однако на
Белатисе еще не все закончено.

Осмотревшись по сторонам, он
поглядел на руины и холмы, все еще
поыхающие после орбитальной
бомбардировки. Прямо перед Хоузаною
выднелись дымящиеся развалины дворца
принца-регента. Потом его внимание
привлекли высокие шпили и башни чудот

уцелевшего здания.

Собор Экклезиархии! Почему он еще не разрушен?!

Сновавшие вокруг Хоузана хаоситы возбужденно урчали, по-своему ощущая происходящее на окраине звездной системы. Безликий жестом велел им замолчать.

-- Соберите всех! -- приказал он.-- Чтобы к вечеру от собора не осталось камня на камне!

Собек разжал пальцы и выпустил из рук колоду Имперских Таро. Карты еще не успели упасть на пол, а ментальный взор Нарцелия уже следил за тем, как ломается древний, хрупкий и бесценный материал. Карты ему больше не пригодятся. Время видений и гаданий прошло. Теперь он знал, что самое страшное уже случилось.

В звездной системе Белатис появился «Убийца Планет». Злополучному миру оставалось существовать не недели и не дни, а часы.

«Прокаженный» появился сразу за «Убийцей Планет». Приказ сопровождать Осквернителя через варп был простым капризом, но капитана крейсера такой каприз вполне устраивал. Тем более, что в системе Белатис его с нетерпением ждали. Сидя в кресле на мостике «Прокаженного», Бүль Сирл чувствовал зов своего гнусного чада, притаившегося в трюме «Махариуса». Он знал, что при виде «Убийцы Планет» имперская флотилия обратится в бегство. Но «Махариусу» не уйти! Тварь в его трюме этого не допустит. Сирл жестоко отомстит имперскому крейсеру и за гибель «Тлетворного», и за поражение при Гелии!

Часть пятая
ЧАС КАЗНИ

Эвакуационная флотилия покинула орбиту обреченного Белатиса. На капитанском мостике «Махариуса» царило подавленное настроение. Несколько часов назад на крейсер «Суровое Воздаяние» вернулась последняя группа челноков. Занести на орбиту с трудом вышел еще один бронированный штурмовой челнок арбитров. Он был сильно поврежден ударной волной от взрыва, уничтожившего дворец принца-регента. На его борту прибыли прокуратор с отрядом арбитров и несколько придворных. Остальных, включая капитана Селпера и принца-регента, сочли погибшими.

Уланги стоял у иллюминатора капитанского мостика, обдумывая разговор, только что состоявшийся между командирами имперских крейсеров. По мнению лейтенанта, он закончился крайне неудовлетворительно.

— «Махариус», об этом не может быть и речи! Ваша просьба отклоняется.

Займите место в строю и следуйте вместе с конвоем к точке перехода в варп!

После появления «Убийцы Планет» связь между имперскими кораблями стала ненадежной. Техножрецам до сих пор не удалось объяснить, каким образом силы Хаоса создают такие мощные помехи на всех частотах. Но даже сквозь треск Уланти расслышал нотки презрения в голосе капитана «Графа Орлока». Тим фон Блюхер всегда завидовал мужеству и энергии решительного Семпера, и теперь лейтенант не знал, чем объясняется его поведение — маниакальным стремлением выполнять все приказы буквально или личной неприязнью к Семперу.

Затем послышался механический голос Эрвина Ратаса:

— «Дракенфельс» вынужден согласиться с «Графом Орлоком». Безопасность конвоя важнее жизни одного человека, даже если речь идет о капитане Семпере. К нам приближаются мощные силы противника. Возможно, за ними идет сам «Убийца Планет». «Дракенфельс» и «Граф Орлок» повреждены, а нам

предстоит долгий рейс, особенно с этими тихоходными транспортами! -- Голос сурового Рамаса нетного стягнулся. -- Леотен был моим другом, и ваша преданность ему делает вам честь, лейтенант. Однако прошло уже достаточно времени, а челнок с Белатиса так и не вернулся. Если Семпер мертв, это еще не значит, что корабль, которым он командовал, тоже должен нелепо погибнуть, сражаясь один на один со всем вражеским флотом. Настоящий капитан знает, когда нужно отступить. Семпер был настоящим капитаном. На вашем месте он не бросил бы конвой.

-- «Бородино» согласен с «Дракенфельсом», -- поддержал Рамаса Лунис Фиск. Когда-то он учился вместе с Семпером в Военно-космической академии на Кипре Мунди. -- Боев предстоит еще много. Вы сможете отомстить за своего командира.

Уланги подчинился, вывел крейсер с орбиты Белатиса и занял свое место в конвое. На мостике слышали разговор капитанов и понимали, что старшему

помощнику очень не хочется уходить, так и не попытавшись спасти Семпера, но от этого лейтенанту было не легче. Он чувствовал себя предателем. Теперь Белатис, маявший за кортой «Махариуса», казался ему могилой, в которой заживо погребен не только Семпер, но и многие миллионы его обитателей. Судя по всему, жить им осталось менее суток. К планете неотвратно приближался «Убийца Планет». Системы наблюдения сообщали, что большинство эскортирующих его судов идут таким же талым ходом, но некоторые из них рванулись вперед, чтобы подождать гигантский корабль на орбите обреченного мира.

А еще где-то совсем рядом за отступающим конвоем следили вражеский крейсер и несколько рейдеров, сумевших прорваться мимо «Дракенфельса». «Махариус» замыкал колонну транспортов, постоянно высылая на разведку эскадрильи истребителей и штурмовиков. Те, что отправлялись назад к Белатису, несколько раз видели рейдеры. Они явно прощупывали надежность охраны конвоя и ожидали

подкрепление.

Уланти понимал: даже с ползущими как черепахи полуразвалившимся транспортом они доберутся до точки перехода в варн раньше, чем к Белатису прибудет «Убийца Планет». Однако рейс обещал быть долгим и непростым.

— Я сочувствую вам, капитан, но на все воля Императора...

Вздрогнув от неожиданности, Уланти обернулся на незнакомый голос. Рядом с ним на капитанском мостике стоял внушительного вида арбитр. Свет неярких ламп поблескивал на золотых погонах и серебряном орле, раскинувшем крылья на груди его господина. Волевое лицо прокуратора украшали ритуальные шрамы, какие наносили друг другу воины полудиких племен Империи, а взгляд был утлым и проницательным. Арбитры, с которыми Уланти говодилось встречаться на родной Некролунде, оказывались по большей части жестокими, тупыми головорезами и мало чем отличались от гангстеров, за которыми охотились. Но этот прокуратор был

сделан совсем из другого теста.

Улантис знал, что командира Agentus Arbitres зовут Бизантан и он прилетел на единственном челноке, спасшемся после взрыва, погубившего Семпера. Терявшая топливо и кислород, тяжело поврежденная машина была принята на борт ближайшего имперского судна, которым оказался «Махариус». Конвой уже двигался в сторону точки перехода, и переправить Бизантана на «Суровое Воздаяние» пока не представлялось возможным.

— Вы действительно верите в это, прокуратор?

— Я верю в то, что мой долг — выполнять волю Императора, хотя она и не всегда мне понятна. Но кто я? Простой смертный! Даже если я вижу поражение и бесславное бегство, мой долг — верить в то, что Император уже заронил семена будущей победы. Если же мне не удалось выполнить его волю, я должен верить, что более отважные и умелые воины победят там, где я проиграл. А вообще-то, — с устешкой добавил прокуратор, — я

предпочитаю поменьше обо всем этом думать. Думать -- работа священнослужителей, я же насаждаю закон и порядок среди безумных еретиков, которых слишком часто считают верными подданными Императора.

Бизантан взглянул на тускло светящуюся точку за кормой «Махариуса». Это был Белатис. Бизантан прекрасно понимал, что творится сейчас в голове молодого лейтенанта.

-- Ваш капитан произвел на меня очень хорошее впечатление. Мы отомстим за него!

-- Леотен Семнер -- офицер Имперского флота. Если ему и суждено было сегодня погибнуть, то это должно было случиться здесь, на мостике «Махариуса». Как и любой командир боевого корабля, он не мог желать иной смерти.

Бизантан молча кивнул. Он и сам не хотел бы умереть в каком-нибудь вонючем госпитале. Он не желал остервенело цепляться за жизнь и становиться похожим на техножрецов, напичканных

аугметикой, этакой пародией на человека, может и милой их Божу-Машине, но непонятной и неприятной людям. Нет, лучше он погибнет, с болтерным пистолетом в одной руке и силовой дубинкой — в другой, в бою с врагами Империи!

Глядя в иллюминатор, Бизантан обдумывал сообщение, полученное от Корте с «Сурового Воздаяния». Прокуратору нравилось название ударного крейсера *Agentus Arbitres*. По его мнению, как раз арбитры и воздавали по заслугам остелившимся нарушить закон и порядок. Бизантан снова и снова беззвучно шептал имя поглого изменника, предавшего Империю и умышленно спровоцировавшего анархию и беспорядки на Белатисе. Значит, он не ошибался и во дворце принца-регента действительно свил себе гнездо приспешник сил Хаоса. Но кто бы мог подумать, что речь идет о такой высокопоставленной персоне! Этот человек наверняка погиб вместе с остальными. Многие удовлетворились бы этой мыслью. Но не Бизантан...

По мнению прокуратора, предатель избежал заслуженного наказания. Его гибель во время взрыва была быстрой и почти безболезненной. Какое же это «суровое воздаяние»?! Изменники должны мучиться долго и мучительно!..

Глядя на удаляющийся Белатис, Бизантан понял, что появление «Убийцы Планет» и для него самого, и для Улантинина одинаково некстати. Лейтенант желал убедиться в том, что его командир действительно мертв, а Бизантан хотел удостовериться, что подлый изменник погиб, а не разгуливает на свободе. Выходит, у Бизантана и Улантинина еще есть дела на Белатисе!

-- Император помирится?! -- прохрипел гардемарин, отшатнувшись от измазанного слизью люка.

Коба Киоген оттолкнул его и сам чуть не задохнулся от зловония.

Они находились глубоко в чреве «Махариуса» в лабиринте темных коридоров и отсеков, построенных так давно, что их чертежи и планы были

давным-давно утеряны. Такие пустынные закоулки существовали на всех крупных кораблях. В крайнем случае, здесь обитали матросы, занимающиеся самой грязной работой. Именно в таких местах обычно прятались дезертиры или даже преступники и еретики, не так уж редко проникающие на борт имперских боевых судов.

Поэтому Киоген не сомневался в том, где именно надо искать тех, кто сумел тайно попасть на крейсер.

Он уже давно подозревал, что на «Махариусе» после абордажной атаки уцелели враги. Сначала на нижних палубах вспыхнуло неизвестное заболевание. Потом стали пропадать люди. Сверхъестественные матросы шептались о том, что на корабле поселился демон, но волновались не только они. Даже астронавты Ранабн и навигатор Солон Кассандр считали, что на борту крейсера может находиться что-то страшное и враждебное. Этого хватило для того, чтобы прозвучала боевая тревога и на нижние палубы «Махариуса» отправились отряды гардемаринов...

Киоген затаялся перед люком, но, чувствуя на себе испытующие взгляды бойцов, все-таки полез внутрь. В отсеке стояло невыносимое зловоние, от которого не спасал даже противозаз. Нахло разложившимися трупами и чем-то еще более мерзким. За спиной комиссара раздалось заунывное пение. Корабельный проповедник затянул молитву и принялся кадить благовониями, которые должны были спасти «Махариус» от притаившейся заразы. Киоген считал себя благочестивым и набожным человеком, но сейчас в его сердце вселяли надежду не молитвы, а цепной меч и десяток вооруженных гробовиками гардетаринов.

-- Посветите мне! -- приказал комиссар, и бойцы полезли в люк с прожекторами.

Конечно, они боялись лезть в отсек, но еще больше они боялись послушаться комиссара «Махариуса». Киоген и сам об этом знал, и такое положение вещей его вполне устраивало.

Оказавшись в отсеке, гардетарины и проповедник закашлялись, с трудом

сдерживая рвоту. Комиссару и раньше приходилось видеть множество обугленных, разорванных вакуумом и расплюснутых взрывной волной человеческих тел, но ничего подобного он никогда не видел.

Сколько именно здесь было трупов, определить не представлялось возможным, так как они стесались в массу гниющего мяса, размазанную по палубе, потолку и переборкам. Из этой разлагавшейся массы торчали обломки костей и внутренние органы. Среди них копошились какие-то существа. Вероятно, они вылупились из россыней похожих на гнойные чирьи яиц, вызревающих в зловонной слизи. Комиссар отметил, что тление охватило даже изготовленные из сверхпрочных сплавов, почти вечные переборки корабля, в которых появились рваные дыры. Отсек гнил, как раковая опухоль, набухавшая в теле «Махариуса». Еще немного, и разложение перекинется на другие отсеки!

Киоген повернулся, чтобы приказать выжечь огнеметами эту заразу, но в этот момент появилось чудовище.

Луч прожектора выхватил из мрака заросшую лишаями и покрытую слизью тучу, возникшую из-за дальней горы трюнов. Яркий свет тут же потухнул и покраснел: стекло залило кровью из разорванного горла гаргемарина.

Загрохотали выстрелы. По отсеку заметались лучи прожекторов. Гаргемарины наугад палили в темноту. За пять секунд погибли пятеро бойцов, причем одного случайно застрелили свои же. Киоген увидел, как страшная тварь схватила визжавшего от ужаса проповедника за шею и плюнула желтой слизью, мгновенно разьевшей и противогаз, и кожу, и кости черепа.

Вырвав гробовик из рук окаменевшего от страха гаргемарина, комиссар пристрелил корчившегося в страшных тучениях проповедника и открыл беглый огонь по чудовищу. Существо согрозалось под ударами зарядов, но его истерзанная плоть тут же срасталась вновь. Взглянув на приклад гробовика, Киоген с ужасом понял, что зарядов ему хватит еще на пару секунд, не больше, а истерзанное

Чудовище и не думало утирать.

— Ко мне! — крикнул комиссар. — Огонь!
Загоним эту тварь в варн, откуда она
появилась!

Сначала один, а потом второй и
третий гардемарины бросились к Киогену
и начали стрелять разрывными болтами.
Чудовище понялось. Под таким
шквальным огнем его раны уже не успевали
зарасти, и взглядам бойцов открылись
мерзкие, покрытые плесенью
внутренности.

Обойма в гробовике Киогена опустела,
через мгновение заряды кончились и у
гардемаринов. Демон издал
оглушительный вопль, и куски гниющего
мяса, прилипшие к пальце, переборками и
потолку, начали скручиваться в жгуты,
которые тварь стала быстро
обматывать свои внутренности. Жгуты
срастались на глазах, и Киоген понял, что
через несколько секунд существо бросится
на своих обидчиков.

— Огнеметы! — крикнул он. — Жгите
его!

Два бойца выступили вперед. Они явно

боялись приближаться к чүдовищу, но комиссара они боялись еще больше. Заняв выгодную позицию, они стали поливать выжжающую тварь глинными струями огня.

Киоген смотрел, как корчится горящая тварь. Расстегнув блестящую кожаную кобурү, комиссар достал свой болтерный пистолет, не спеша прицелился и начал всаживать в шкварчающую түшу чүдовища один заряд за другим. Он перестал стрелять только тогда, когда опустела обойма, а пламя огнеметов полностью испепелило демона, от которого осталось только зловоние.

Всю прочую гадость тоже выжгут раскаленным железом! Потом бортовой исповедник совершит в отсеке обряд очищения и опломбирует его на несколько десятков лет! Но все это будет потом, а теперь комиссар преисполнился чувством выполненного долга.

Убрав пистолет, он достал вокс. Мостик находился где-то далеко наверху -- в тридцати палубах от Киогена, и на канале связи громко свистели помехи, рождаемые энергетическими системами

«Махариуса», но голос комиссара звучал уверенно и бодро:

— Комиссар Киоген вызывает капитанский мостик! Задание выполнено. Рапорт исполняющему обязанности командира корабля лейтенанту Улантис поступит в самое ближайшее время. Источник заразы найден и уничтожен.

В нескольких десятках миллионов километров от «Махариуса» Бүль Сирл почувствовал, как туша посланного им на имперский крейсер существа догорела и его дух отлетел обратно в варп. Сирлу было тяжело поддерживать ментальный контакт с ядовитой тварью на таком огромном расстоянии. Но капитан «Прокаженного» получил большое удовольствие, побывав в ее шкуре. Прикованный к капитанскому креслу, Сирл почти забыл радость рукопашной схватки и с наслаждением вместе с чудовищем рвал его противников зубами и когтями.

Какой же родитель не обрадуется, узнав, что его чадо обладает такими выдающимися способностями?!

Капитан уже распрощался с сожженным демоном, но не спешил возвращаться на мостик. Вместо этого ментальный взор Буля Сирла проник еще глубже в чрево вражеского корабля, где в узких и темных коридорах, среди трубопроводов и вентиляционных шахт, притаилось его второе дитя. Блестящее скользкое новорожденное существо ничем не отличалось от того, которое с огромным трудом убили эти слабаки. Распространяя заразу по вражескому кораблю, первая тварь действовала довольно опрометчиво, отчего и была обнаружена слишком рано. Но ее гибель не была напрасной. Тупые людишки думают, что теперь им нечего бояться, и удар второй твари будет для них полной неожиданностью!

Проникнув в сознание новорожденного демона, Сирл постарался его успокоить. У этого слабого, только что появившегося на свет существа всего одно, но очень важное задание!

Внезапно Сирлу пришлось вернуться на капитанский мостик, где возникли

дела, требующие его внимания.

-- Сигнал от основных сил флота! --
подобострастно извиваясь, доложил
старший помощник. -- Нам приказано
снизить скорость и присоединиться к
кораблям, прикрывающим флагман
Осквернителя.

-- Угел прежним курсом! -- приказал
Бүль Сирл, стараясь не раздражаться,
чтобы не потерять хрупкий ментальный
контакт со своим новорожденным чадом
на «Махариусе».

-- Но это же приказ самого
Осквернителя!.. -- заблеял было старший
помощник, но тут же осекся, услышав
зловещее шипение Сирла. Копошившиеся у
ног капитана маленькие нүрглинг
оживились и затявкали, предвкусывая
лакомство в виде трупа старшего
помощника.

-- Мы подчиняется только Дегүшке
Нүрглү, а не какому-то Осквернителю! --
равкнул Сирл. -- Запомни это, если тебе
дорога жизнь... Скорость и курс не менять!
Наша цель -- «Махариус»!

-- «Махариус» входит в состав

вражеского конвоя. Он двигается в противоположном направлении, -- как ни в чем не бывало продолжал старший помощник, дав Сирлу повод подумать, что он поддается давлению и, возможно, протянет до конца года. -- Даже двигаясь на полном ходу, мы вряд ли догоним его раньше, чем он скроется от нас в варпе.

Дослушав старшего помощника, Сирл радикально изменил свое мнение и решил, что очень скоро терпение его лопнет и он прикончит этого глупца.

-- Не твоего ума дело! -- прошипел капитан. -- Следи за тем, чтобы «Прокаженный» не сбился с курса, а об остальном позабочусь я сам. На этот раз «Махариусу» от меня не уйти!

Закрыв глаза, Бүль Сирл вновь сосредоточился на слабых, беззвучных призывах демона, поступающих с вражеского крейсера. Существо предстояло нелегкий и опасный путь вдоль километров труб, извивавшихся в чреве гигантского боевого корабля. Но Сирл уже чувствовал, в какую сторону нужно ползти демону, и мысленно направлял его.

ориентируясь на мощную вибрацию, от которой дрожал весь корпус «Махариуса». По мере приближения к главному двигателю в коридорах становилось все жарче. Это означало, что демон скоро доберется до плазменных реакторов.

— Ну что?

Семпер склонился над комплинком. Невероятно гибкие аузметические пальцы техножреца мелькали среди паутины проводов, но встроенные в скульптуры хитер динамики продолжали бесстыденно шипеть.

— Пока ничего, — морщась от боли в сломанной руке, ответил вытянувшийся по стойке смирно Капаран. — Судя по всему, комплинк не поврежден, но нам почему-то не удается отправить сигнал, и мы ничего не слышим. Кажется, мы отрезаны от внешнего мира.

Семпер позволил Капарану сесть. Теперь, когда им всем оставалось жить от силы сутки, церемониальные приветствия казались капитану, по меньшей мере, неуместными.

Взглянув на онемевший аппарат, Семпер выругался. Все средства связи в челноке вышли из строя. Мощности вокса для сообщения с орбитой не хватало. На

чуждом уцелевшем высоченном шпиле собора
была установлена антенна, и, если бы
комплинк заработал, они смогли бы
посылать сигналы хоть на окраину
звездной системы. Прислушавшись к
странным ритмичным помехам,
вылетавшим из пасти бронзовых химер,
Семпер задумался.

— А что, если это искусственные
помехи? — спросил он у Шанина-Ко. — По
слухам, перед самой атакой «Убийцы
Планет» в обреченных мирах тоже были
проблемы со связью.

Техножрец замер в неудобной позе,
обдумывая заданный вопрос. В отличие от
большинства Агента Механикус, Шанин-
Ко почему-то не носил маски. По всей
видимости, когда-то давно он пережил
несколько серьезных операций. По каким-то
причинам ему пришлось удалить кожу на
лице и заменить ее искусственной. Сквозь
нее просвечивали старые шрамы,
аугментические имплантаты, заменившие
мышцы и частично кости черепа.
Серебряная паутина микросхем делала
лицо техножреца похожим на застывшую

маску смерти.

Все обстоятельно обдумав, Шанин-Ко, наконец, проговорил:

— Ваша гипотеза на данный момент представляется мне наиболее вероятной. Однако для того, чтобы вывести из строя связь на всей планете, нужно иметь оборудование, способное генерировать помехи такой невероятной мощности, что... что...

Семпер и Капаран переглянулись. Техножрецы крайне редко затруднялись в выборе слов при обсуждении технических проблем. Но ведь «Убийца Планет» Абадгона обладал невиданной госелемощью!

— Что мы вообще знаем об их новом оружии! — вздохнул Семпер.

— А как мы можем что-нибудь узнать, если каждый раз, когда противник атакует, мы спешим унести ноги?! — воскликнул Капаран.

— Вы предпочитаете очертя голову бросаться в неизвестность, жертвуя и без того немногочисленным флотом? К тому же зная, что враг неуязвим?

Уланги сразу почувствовал бы подвох в вопросе капитана. Но Капаран никогда раньше не общался с Семпером лично, а потому не догадался о том, что его просто проверяют.

— А кто сказал, что враг неуязвим? — не моргнув глазом возразил командир эскадрильи. — Все это байки. Мне и раньше приходилось сражаться с противником, которого считали неуязвимым. Нас учили, что имперскими истребителям ни за что не справиться с летательными аппаратами эльдаров. Может, когда-то это так и было, но скоро мы выработали тактику борьбы с этими костическими призраками. Кто сосчитает, сколько пиратов мы уже отправили в варп? Нужна новая тактика, и больше ничего! И не слушайте рассказы о непобедимых врагах и неуязвимых кораблях!

— Совершенно с вами согласен! — воскликнул Семпер, хлопнув удивленного Капарана по плечу. — Как бы я хотел, чтобы и в штабе Боевого флота думали

так же!

«Если у нас будет больше таких людей, как этот пилот и исповедник, защищающий собор, мы выиграем войну! -- подумал Семпер. -- Они мужественно выполняют свой долг, не прикрываясь разговорами о непобедимых врагах!»

Свое нынешнее положение Семпер считал крайне незавидным, но это не помешало ему принять решение сражаться до конца, хотя еще вчера он командовал экипажем из десяти тысяч человек, а сегодня оказался среди плохо вооруженных оборванцев.

Пассажиры челнока, за исключением двух погибших советников Сарона, при вынужденной посадке отделались ушибами, в худшем случае -- переломами. Сам челнок и его экипаж пострадали гораздо больше. Второго пилота грудью бросило на металлические рычаги. Теперь он был при смерти и лежал в лазарете внутри собора. Стрелки погибли, когда носовую башенку расплющило о баррикаду. Капаран всего лишь сломал руку. Стрелков, сидевших в отсеке под брюхом кабины,

раздавило в тот момент, когда челнок заскользил по камням соборной площади. Кроме того, экипаж лишился всех сервиторов.

Теперь под командованием Семпер осталось только пять человек из экипажа «Махариуса»: Капаран, Шанин-Ко, дукий на вид стрелок бомбардировщика по имени Дакиш, а также телохранители капитана Максим Боруса и гардемарин старшина Ран.

«А ведь еще вчера я сидел на краешке Золотого Трона!» — с кривой устешкой подумал Семпер.

Собрав инструменты, Шанин-Ко закрыл и опечатал коммлинк, сопровождая свои действия зачумывными заклинаниями. Потом вместе с Капараном и техножрецом Семпер спустился по узкой каменной лестнице в центральный неф собора. Там, у одного из боковых алтарей, они застали исповедника Девана в окружении коленопреклоненных членов Боевого Братства. Сначала Семпер подумал, что они молятся или совершают какой-то тайный обряд, но, приблизившись,

он, к собственному удивлению, понял, что они обсуждают тактику предстоящего боя. Деван раздавал приказы командирам отрядов. Остальные бойцы, в числе которых было несколько женщин, внимательно слушали исповедника. Как и большинство офицеров Имперских вооруженных сил, Семпер считал Боевое Братство неорганизованной толпой дилетантов, которую следует бросать в бой лишь тогда, когда регулярных подразделений не осталось. Теперь же, глядя на исполненные решимости лица, капитан не раздумывая включил бы этих героев в свой экипаж. Они знали, что погибнут в течение ближайших суток, но, несмотря на это, со всей серьезностью готовились к предстоящей схватке. Исповедник посмотрел на Семпера. Что-то в его глазах подсказало капитану, что он уже знает ответ на свой немой вопрос.

— Исповедник Деван, судя по всему, мы задержимся у вас несколько дольше, чем планировали, — с кривой улыбкой сообщил ему Семпер. — Считайте нас поступившими в ваше распоряжение. Ждем

ваших приказаний.

-- Наблюдатели доложили, что засекли большое скопление еретиков с северной и с восточной стороны площади. Скоро они вновь пойдут на штурм, и все способные держать оружие отправятся защищать баррикады.

Деван замолчал, разглядывая синяки на лицах флотских и окровавленные бинты. Особенно странно выглядел Семпер, в полной парадной форме, перепачканной грязью и кровью.

-- Вы умеете этим пользоваться? -- спросил исповедник, кивнув на саблю и лазерный пистолет Семпера.

-- Давненько я не тахал саблей, -- признался капитан, вытащив из ножен блестящий и острый как бритва клинок. -- Но мне приходилось спускаться с капитанского мостика, иначе откуда бы у меня все это взялось, -- добавил он, поглажив старый шрам на щеке и потрепавшись до ордена Готической Звезды.

-- Ну и отлично. Принимайте командование отрядом, охраняющим

восточную баррикаду, а я отправлюсь на северную. У вас там осталось не очень много людей, но я пришлю вам подкрепление.

— Не надо. А вдруг противник решил отвлечь нас с востока и севера, а главный удар нанесет с другой стороны? Оставьте бойцов на местах. Я найду им замену.

Проследив за взглядом Семлера, Дефан увидел в одной из часовен кучку придворных, прятавшихся за спинами дворцовых гвардейцев.

Исповедник устехнулся и подмигнул капитану:

— Ваш принц-регент постоянно твердил о том, что страдает вместе со своим народом. Так почему бы ему не пострадать на баррикадах плечом к плечу со своими возлюбленными подданными?

Семлеру с большим трудом, но все же удалось убедить аристократов Белатиса пострадать за свой народ.

Максим Боруса сломал руку первому же гвардейцу, вставшему на пути капитана «Махариуса».

Когда второй попытался прицелиться

В Семпера из лазерного пистолета, Боруса
изгаючи выкрутил оружие из его руки и
огрел солдата рукояткой. Правда, не
слишком сильно, потому что капитан не
велел ему калечить людей, пригодных для
обороны баррикады. Как следует
рассмотрев грозного старшину и оружие в
руках Капарана, Дакиа и нескольких
боевых братьев, дворянские гвардейцы
потеряли желание вмешиваться в
происходящее.

-- Что все это значит?! -- прошипел
первый министр национальной
безопасности, заслонив собой принца-
регента.

Сарон сидел в углу часовни рядом со
своей сестрой, затравленно озирался по
сторонам и сжимал в ладонях золотую
цепь, будто она могла защитить его от
страшной действительности.

Семперу подумалось, что такие же
лица бывают у насильно завербованных
новобранцев, очнувшись на борту
незнакомого судна, приговоренных к
ужасному, хоть и недолгому, рабскому
существованию на нижних палубах и

лишенных надежды снова увидеть друзей,
родственников и родной дом.

-- Его высочество принц-регент все
еще является правителем этого мира, и
командует здесь он, -- напустив на себя
важный вид, заявил Кейль.-- Мы можем
выделить в ваше распоряжение несколько
человек из нашей охраны, но сами мы
сражаться не будем.

-- Еще как будем! -- ответил Семпер,
кивнув в сторону боевых братьев. --
Божественный свет Императора больше
не озаряет этот мир. Отныне здесь не
существует чинов и привилегий.
Взгляните на этих людей, Кейль! Это
несчастные бедняки. Правители планет,
министры, губернаторы, командующие
Имперскими флотами обычно их просто
не замечают. А ведь их доблесть и
преданность Императору должны служить
им примером. Они сражаются здесь уже
много дней. Они знают, что обречены, и
все равно дерутся, потому что этот сбор
-- сосуд истинной веры. Мы служим
Императору, и вам придется к нам
присоединиться.

За спиной Семпера Кейль вигдел только мрачные лица защитников собора. Этот простым людям, жившим в благоговейном страхе перед Императором, принц-регент и его придворные казались почти мифическими существами — неблагочестивыми и развращенными аристократами, которых часто поносили проповедники с амвонов сельских церквей. Большая часть богатств и вся власть на Белатисе были сосредоточены в Малине. Многие боевые братья пришли сюда из поместий, принадлежавших по праву наследства столичным аристократам. Те почти никогда не посещали своих владений и рассматривали их лишь как дополнительный источник дохода. А жестокие и алчные управляющие выжимали из крестьян все соки.

Укрывшиеся в соборе бедняки вряд ли питали теплые чувства к принцу-регенту. И не согласились бы подчиняться его приказам.

Чувствуя неприязнь боевых братьев, гвардейцы Сарона нервничали и были готовы в любой момент открыть огонь.

Положение спасла принцесса Малисса. Встав между защитниками собора и гвардейцами, она приказала опустить оружие.

-- Белатис -- наша общая родина, и все мы -- верные слуги Императора. Все мужчины -- гвардейцы и дворяне -- с радостью будут сражаться плечом к плечу с отважными боевыми братьями исповедника Девана. Я и мои катеристки поможем Сестрам Сороритас ухаживать за больными и ранеными. Я прошу только одного... -- Принцесса шагнула к Семперу. -- Пожалуйста, не отправляйте моего бедного брата на баррикады прямо сейчас! -- тихо попросила она, указав изящной ручкой на трясущегося в углу Сарона. -- Сегодняшние трагические события и осознание страшной судьбы нашего бедного народа временно помрачили его разум. Но он найдет утешение в этом святом месте, и, когда наступит последний час Белатиса, присоединится к своим возлюбленным подданным на баррикадах.

Кивнув в знак согласия, Семпер мысленно согласился с Бизантаном. Да,

рог Саронов и весь Белатис только
проиграли оттого, что порядок
престолонаследия запрещает женщине
взойти на трон.

Генерал Брод взял на себя
командование гвардейцами и придворными.
Он то и дело морщился от боли, поправляя
висевшую на перевязи руку, но отказался
от предложения исповедника отправиться
в лазарет.

Хрипло выкрикивая приказания,
генерал ходил среди своих людей в
сопровождении единственного уцелевшего
адъютанта. Казалось, он понимает, что
не выполнил свой долг перед Императором
и народом Белатиса, и теперь готов
стать свой позор кровью.

Оглядевшись по сторонам, Семпер
замечил человека в плаще Боевого
Братства, норовившего спрятаться за
колонной часовни.

— Ах вот вы где, Хьюга! — воскликнул
капитан. — Что это за маскарад? Хотите
броситься в бой в авангарде боевых
братьев? Не стоит прятаться! Снимайте
плащ! Вы пойдете со мной на восточную

Баррикаду!

Рядом с Агентом Муниторума тут же вырос Максим Боруса. Он сдернул с плеч Хьюги потрепанный плащ, и все увидели россыпь блестящих наград на груди его пестрого мундира и богато украшенный лазерный пистолет.

Поблестев от ужаса, Хьюга схватился было за пистолет, но тут же завизжал от боли. Максим Боруса сжал его запястье своей медвежьей лапой.

— Симпатичный пистолетик, — прорычал старшина, вывернув оружие из ладони интенданта.

На изготовление украшенного драгоценными камнями платинового пистолета наверняка было потрачено столько денег, что на них можно было бы снарядить целую роту имперских гвардейцев. При этом, по мнению Максима, эту финтифлюшку должно было разорвать при первом же выстреле.

Положив пистолет в карман, Боруса сунул в руки агента тяжелый болтер.

— Вот настоящее оружие! Оно не такое красивое, но толку от него намного

больше!

— Старшина Боруса! — обратился к Максиму Семпер. — Не оставляйте господина агента без присмотра. Он может пораниться. Проследите за тем, чтобы он не отходил от вас ни на шаг. Вы поняли меня? Ни на шаг!

— Я вас прекрасно понял, господин капитан! — с видным удовольствием разглядывая бледного Хьюга, ответил Максим.

Боруса всю жизнь страдал от таких людей, как Хьюга. Его капризы могли испортить жизнь миллионам людей. На Страниваре такие, как он, послали Агентус Арбитрес на зачистку нижних уровней городов-ульев. Десятки тысяч несчастных перестреляли без суда и следствия, остальных же отправили в лагерь на спутнике-тюрьме под названием Лубянка. Среди них был и Максим. Потом другой такой же чиновник издал приказ о необходимости пополнения экипажей Боевого флота Готического Сектора, и Максим оказался на борту «Махариуса».

Судьбу Борусы всегда решали типы

вроде Хьюги. И вот, наконец, он встретился с одним из них лицом к лицу. Впрочем, увиденное не произвело на него большого впечатления.

— Выше нос, Хьюга! — устехнулся Максим, глядя на съездившегося от страха интенданта.

Тут Боруса произнес слова, которые не раз озвучивал в своих проповедях комиссар Куоген:

— Деритесь как следует и, может быть, заработаете помертвное право хотя бы на одну из ваших погрешек. Я вам даже патронов отсыплю!..

Среди придворных находился человек, которого волновали совсем другие заботы. Жалкие людишки напуганы! Совсем ошалели от страха. Они молятся своим богам и, стиснув зубы, рвутся во что бы то ни стало исполнить свой долг... Глупцы!

Человек прикидывал, как бы повернуть ситуацию в свою пользу, то есть в пользу сил Хаоса.

Но почему же события приняли такой скверный оборот? Наверное, этот жирный

идиот Сарон слишком долго медлил с эвакуацией! Но почему предназначавшиеся транспортом и казармам арбитров ракеты посылались на дворец?! Ведь так можно было и погибнуть! Неужели Хоузан Безликий решил убить того, кто сообщил ему коды запуска! Нет, он не такой дурак, чтобы отказываться от услуг шпиона, вхожего в правящие круги Готического Сектора. Хоузан понимает, что без таких людей войну не выиграть...

Да, сам он чуть не погиб во дворце, но «чуть» не считается. Силы Хаоса спасли его. Им нужен верный слуга, и они не дадут ему умереть вместе с остальными. Кроме того, Хоузан еще на Белатисе, а он вряд ли собирается погибать под ударами «Убийцы Планет». Видимо, он знает, как спастись, и, конечно, не преминет захватить с собой своего самого надежного помощника! Надо терпеть и ждать. Хоузан Безликий обязательно придет за ним!

Они стекались из всех районов Мадины, как волки на призывный вой

вожана. К Хоузану Безликому спешили кровожадные безумцы, упивающиеся человеческой кровью, залившей обреченную планету. Слабые и глупые, они надеялись вытолкнуть пощаду у сил Хаоса. Верные фанатики, продавшие свои души варпу, были готовы отдать свою жизнь ради тайнейшего каприза равнодушных демонов.

Безликому было безразлично, почему эти люди шли по его приказу на смерть. Достаточно того, что они ему беспрекословно подчинялись. Не пройдет и суток, как все они умрут!..

Глядя на усыпанную трупами соборную площадь, Хоузан ощущал вьющиеся вокруг невидимые вихри. Потoki варп-энергии, предвещающие прибытие «Убийцы Планет», разорвали тонкую материю привычной реальности. Огромный корабль Абaddonа уже в системе Белатиса! Хоузан чувствовал, как его тело готовится к последней триумфальной метаморфозе. Все внутри его пульсировало в унисон с силой, исходящей от флагмана Осквернителя.

Глядя на баррикады защитников

храма, Хоузан понимал, что оказался здесь не случайно. Демоны варпа явно не хотят возносить его к себе, пока он не выполнит их волю!..

Сосредоточившись, Безликий принял облик Кровавого Бога, устехнулся, облизал появившиеся на лице губы глиняным красным языком и оскалил клыки. Подняв покрытую чешуей когтистую лапу, он указал ценным мечом на баррикады.

-- Кровавый Бог очень зол! Он пробудился и жаждет крови! -- прорычал Хоузан нечеловеческим голосом. -- Напугайте его! Пусть ит кишки!

Преисполнившись яростью, толпа обезумевших хаоситов бросилась через площадь. Через несколько секунд прогревели первые выстрелы.

Выстрелы!.. Где-то внизу стреляют... Где? На площади? Но зачем?! Наверное, Лито знает. Надо у него спросить... Но где же этот бездельник?! Куда он запропастился?!

Собек звонил и звонил в колокольчик, а юный послушник все не появлялся.

Внезапно перед ментальным взором астронаута всплыло лицо мальчика. Лито кричал от страха. Сверкнула ослепительная вспышка. Плата пожирала расколовшийся надвое корабль...

Собек все вспомнил. Лито больше нет. Белатис отдан на милость победителя. К нему летит «Убийца Планет». Парцелий увидел чудовищные очертания корабля, заслонившего Вселенную. Волны псионической энергии, вырвавшиеся из варпа, захлестнули сознание всех мыслящих существ, находившихся в системе Белатиса, и чуть не разрушили ментальный щит, выставленный Собеком. Менее опытный астронавт не пережил бы такой нагрузки. Даже Парцелий потерял сознание и долго лежал без чувств. Придя в себя, он понял, что утирает. Часть его разума уже погрузилась во трак безумия. Постепенно отказывала память, угасало ментальное зрение.

Но все-таки дух Собека был закален мучительными ритуалами единения с духом Императора, а любой псайкер гораздо сильнее простого смертного.

Прежде чем умереть, Нарцелий сослужит Императору еще одну службу. Собравшись с силами, Собек поднялся на ноги и поплелся в сторону коридора. Ментальное зрение изменяло ему, но астронавт знал здесь каждый камень, каждую ступеньку. Теперь, навсегда покинув келью, в которой прожил почти семьдесят лет, Собек спускался вниз.

Туда, откуда доносилась стрельба.

Хаоситы бежали через площадь прямо по трунам своих товарищей. Боевые братья косили врагов, почти не целясь. Еретика с криками падали на мостовую. Тех, кого не убил наповал, замочит бегущая толпа...

Внезапно пальба прекратилась. Защитники собора разглядели, в кого они стреляют. Мятежники гнали перед собой женщин и детей, пойманных среди руин по приказу Хуизана Безликого. Вслед за ними бежали опьяневшие от крови убийцы. Они подгоняли несчастных прикладами и пинками.

Над баррикадами пронесся дружный стон. Самоотверженные боевые братья оказались не готовы к такому повороту событий.

Селпер и Деван сразу поняли всю опасность сложившегося положения. Под прикрытием живого щита хаоситы могли подобраться довольно близко к собору. Защитники храма бросали отчаянные

взгляды на своих командиров. Но у них язык не поворачивался отказать приказ.

Ситуацию спас Максим Боруса -- головорез, преступник и убийца из подземелий Странивара.

-- Огонь! -- орал он, пиная боевых братьев тяжелыми сапогами. -- Огонь, святоши! Чего вы ждете? Их все равно убьют!

Первыми открыли огонь бойцы на восточной баррикаде. Нажимая спусковые крючки, они беззвучно просили у обреченных соотечественников прощения. Через секунду заговорили винтовки с северной стороны. Пули и лазерные разряды ударили в живой щит, разрывая человеческую плоть и круша кости.

Семпер слышал, как кричат сотни женщин и детей, моля о пощаде. Он видел шести- или семилетнего мальчика, рыдавшего возле трупов своих родителей и тут же смятого набежавшей толпой. Видел мать с младенцем на руках, которую перечеркнула пулеметная очередь.

Семпер смотрел на все это и

старался ни о чем не думать. Это цели, просто цели, а за ними -- настоящий враг. Капитан стрелял до тех пор, пока не появились те самые враги. Лазерный пистолет раскалился от непрерывной стрельбы. Отбросив его в сторону, Семпер вытащил саблю. В молодости он часто ходил на абордаж и не раз отбивал абордажные атаки на свой корабль. Он всегда первым бросался в самую гущу боя. Однако с тех пор, когда он в последний раз ходил в рукопашную, прошло много лет. Сначала Семпер даже засомневался, сможет ли снова участвовать в такой резне. Но, увидев, как отвратительные хаоситы добивают раненых женщин и детей, расчищая себе путь к баррикадам, капитан утратил любые сомнения. Уничтожать таких мерзких тварей -- не только долг перед Императором, но и прекрасное времяпрепровождение!

-- Приготовиться! -- скотандовал Семпер, взобравшись на баррикаду. -- Загоните их обратно в варп!

Защитники собора дали дружный залп. Несколько десятков изменников

упали как подкошенные, но остальные, обезумев от жажды крови, отталкивая друг друга, уже лезли на баррикады.

Их встретили боевые братья.

Оставшиеся внизу еретики принялись разбирать завалы, а самые изобретательные находили в баррикадах дыры, просовывали в них стволы и стреляли наугад, надеясь в кого-нибудь попасть.

Прямо на Семпера выскочили облаченные в черное еретики. Взмахнув саблей, капитан обезглавил первого хаосита, увернулся от его упавшего тела и пронзил сердце следующего. Врагов становилось все больше. Непонятно откуда посыпался град наполненных прометием бутылок. Вспыхнуло пламя. Объятые огнем люди падали вниз и катались по толкрой от дождя мостовой. Огню из истощенно орущих фигур Семпер проткнул саблей, даже не зная, прикончил ли он врага или облегчил страдания кому-то из своих боевых товарищей.

К собору рвались новые отряды мятежников. Они прыгали сквозь пламя с

дикими воплями боли и ликования. Огромный еретик в горящих одеждах бросился к Семперу, потрясая косой с глинным и острым как бритва лезвием. Не успел он пробежать и нескольких шагов, как на него накинүлись боевые братья с ножами и глубинками. Они били и кромсали его до тех пор, пока он не перестал визжать. Но прежде хаосит үтүдрился снести голову одному из защитников собора.

Осмотревшись по сторонам, Семпер үвидел, что бой превратился в беспорядочную свалку. Все стешалось. Дождь лил как из ведра, приглушая крики, вой и выстрелы.

На обломок статуи взобрался страшный еретик, воорүженный тяжелым топором. Его черный балахон был обвязан поясом, сплетенным из женских кос, на котором висело несколько десятков чьих-то үшей. Хаосит затахнүлся, но Семпер прокрүтился на месте и раскрыл врагу череп мощным үдаром сабли.

Вовремя үвидев лазерный пистолет в изүродованной лапе какого-то мүтанта,

капитан отрубил ему конечность, прежде чем тот успел спустить курок.

Молодая женщина вытянула похожие на щупальца кривые пальцы с глиняными ногтями, стараясь достать до горла или выцарапать Семперу глаза. Капитан сделал вынаг и насадил тело еретички налезвие клинка. Вытащив оружие из ребер хаосопоклонницы, он толкнул ее труп вниз и остотрелся. Темно-синей формы Имперского Военно-космического флота нигде не было видно. Ран дрался рядом всего несколько минут назад. Он прикрывал капитану спину. Но где он теперь? Неужели все его спутники погибли?!

От невеселых мыслей Семпера отвлекла очередная толпа еретиков, полезших на баррикаду.

Охрипнув от страшных проклятий, Максим Боруса взмахнул ценным мечом, словно дубинкой, и развалил надвое голову очередному безумцу в черном балахоне. Меч давно заклинило. То ли иссякла

батарей, то ли в цепи застряли осколки чьих-то костей. Но Максим не бросил оружие. Медвежьей силы выходца со Странивара хватало для того, чтобы наносить страшные раны врагам острыми зубьями неподвижного лезвия.

Хьюга лежал навзничь неподалеку, глядя мертвыми глазами в дождливое небо. Стоило хаоситам пойти на штурм, как у интенданта душа ушла в пятки, он вскрикнул и опрометью бросился к дверям собора. Полня приказ Семпера, Максим дал ему сделать несколько шагов, а потом выстрелил в спину. Боевые братья подобрали еще теплое тело интенданта и без особого почтения швырнули на груды трупов своих товарищей, которыми они затыкали бреши в баррикаде. Так мертвый Хьюга принес защитникам собора Экклезиархии гораздо больше пользы, чем живой.

Покрытый с головы до ног кровью врагов Императора, Максим изрыгал проклятия и беспощадно крушил черепа и кости еретиков. Воодушевленные таким зрелищем, боевые братья бросились в

атаку с удвоенной яростью.

Расхохотавшись, старшина разрубил грудную клетку одному хаоситу и тут же перебил позвоночник другому.

Несмотря на внешнее спокойствие, в глубине души у Борусы шевельнулся страх. Он вовсе не был уверен в том, что выйдет живым из этой переделки. Такие, как он, гибли в подземельях Странивара, не дожив и до двадцати пяти. А ведь Максим протянул там гораздо больше. Выжил он и в руках Агентус Арбитрес, и в лагерях Лубянки. Не погиб и на «Махариусе». Даже сделал карьеру. Благодаря странному стечению обстоятельств, он поднялся с нижних палуб до капитанского мостика и одновременно чина унтер-офицера.

Сейчас Максим почему-то вспомнил слова своей любовницы со Странивара. Ее звали Таняра, и она была очень странной. Девушка утверждала, что ее посещают видения. Устав от любовных игр, опьянев от сока таджа и крепчайшего самогона, Боруса слушал рассказы Таняры. Она говорила, что видит Максима стоящим

на капитанском мостике огромного судна, что он облачен в офицерский мундир, а на его широкой груди блестят медали. Тогда Максим постылся над Танярой, решив, что она просто слишком много выпила. Он был уверен, что, как и миллионы обитателей Странивара, умрет в злобонных подземельях, не увидев совершенно ненужных ему чужих миров необъятного Империи.

Таняры, конечно, уже давным-давно нет на свете. Если ее не пристрелили арбитры, она наверняка попала в лапы охотников на ведьм из Экклезиархии или в застенки Инквизиции...

На этот раз Максим не расстылся, вспомнив ее слова. Он уже стоял на мостике имперского боевого корабля, разве нет? Однако на нем всего лишь мундир старшины и никаких медалей. Наград у него ещё нет. Но крайней мере, пока...

Неужели Таняра действительно видела будущее?! Значит, Максима не убьют вместе с этими святошами и он даже заработает ордена и медали...

Вновь расхохотавшись, Боруса

взмахнул клинком, но, к своему удивлению, увидел, что хаоситы больше не бросаются на баррикаду. Наоборот, их остатки обратились в бегство. Швырнув им вслед меч, Максим выхватил пистолеты и начал стрелять в спины еретиков. Только теперь старшина почувствовал, что кровь из раны на голове заливает лицо. А он и не заметил, что его ранили...

Поставив вкус крови на губах, Максим понял, что жив, и снова расхохотался.

Ему еще рано утирать! Он еще не заработал себе орден!

Хуизан равнодушно наблюдал за отступлением своего войска. Сначала он хотел приказать расстрелять их на месте, но потом ему в голову пришла другая мысль.

— Отнимите у них оружие, — устало сказал он своему адъютанту. — Они послужат нам живым щитом во время следующей атаки.

Адъютант, у которого со щек и лба свисали лохмотья полусгнившей кожи,

обнажая дарованную ему силу варпа звериную морду, гнусно осклабился и поспешил выполнять приказание.

Хоузан не удивился тому, что атака захлебнулась. Это же сброд! От этих людишек мало толку. Как от живых, так и от мертвых. Но скоро сюда придут опытные бойцы, те, что грабят сейчас развалины базы Агентус Арбитрес на другом конце Мадины!..

Усилив воли Хоузан изменил свой облик. Теперь он был не Кровавым Богом, а Лордом Тзинчем, умной и проницательной аватарой Меняющего Пути, и внимательно изучал сильные и слабые стороны противника. Защитники собора уже выдохлись. И боеприпасы у них наверняка на исходе. Ждать осталось недолго. К тому же бронемашины и пушки уже на подходе.

Напрягая обостренные чувства Лорда Тзинча, Хоузан понял, что именно он должен здесь совершить. В соборе находятся несколько высокопоставленных слуг полугохлого Императора. Все они должны умереть.

«Что может быть проще?!» -- подумал Безликий.

Приспешники Хоузана, как верные псы, толпились вокруг своего хозяина. Жалкие, ничтожные людишки! Разве они смогут осознать, какая с ним вскоре произойдет метаморфоза!

-- Среди прочих в соборе вы найдете капитана Имперского флота, -- сквозь зубы процедил Хоузан. -- Его не трогать! Я сам им займусь!

Хаоситы поспешили поклониться хозяину.

Безликий не знал, почему он лично должен убить этого капитана, почему силы варна хотят быть уверенными в его смерти. Впрочем, это не важно. На счету Хоузана числилось несколько тысяч слуг полугохлого Императора. Одним больше, одним меньше...

Семпер собрал свой отряд в воротах собора. Уцелело не более сотни бойцов. При этом только у половины из них имелось по бойке патронов. Если следующий штурм будет столь же яростным, хаоситы

просто сметут их со своего пути!

Капаран и Дакиш были ранены, но полны решимости драться до конца. Сейчас бортстрелок распевал ритуальные заклинания и счищал запекшуюся кровь с необычайно глинного изогнутого ножа, который он называл «күкри».

Ран погиб. Семпер выгел его обезглавленный труп на баррикадах. А вот Максим Боруса остался в живых. Огромный страниварец устехался, дутая о чем-то своем, и прихлебывал какой-то крепкий напиток из невесть откуда-то взявшейся фляги. Глядя на покрытого татуировками и испачканного с головы до ног кровью гиганта, Семпер всерьез подумал, что тот попросту бессмертен.

Придворные принца-регента, как ни странно, сражались отважно, но понесли большие потери. Уцелели немногие, в основном офицеры дворцовой гвардии. Изрешеченное пулями тело генерала Брода лежало у баррикады на груде убитых ил врагов. Генерал постарался искупить свои презрения...

Рядом с трупом Брода,

прислонившись к куску рухнувшей стены, сидел Джарра Кейль. Бывший министр углубленно разглядывал собственный распоротый живот.

-- Не может быть, -- бормотал он, глядя на окровавленный тундир. -- Все не так... Мы так не договаривались...

Вскоре двое санитаров осторожно подняли его и унесли внутрь собора. В лазарете давно закончились бинты и лекарства. Сестры Ордена Госпитальеров могли утешить страждущих разве что своими молитвами.

Деван тоже уцелел. В схватке ему отрубили три пальца на левой руке. Теперь он сидел у подножия статуи какого-то проповедника. Каменный священник с неодобрением взирал на то, как исповедник ругается на чем свет стоит, перевязывая раненую руку.

-- Слышите, как они воют? Наверное, скоро опять пойдут на штурм. Вы готовы отразить еще одну атаку, капитан?

-- Нам нечем ее отразить, -- ответил Семпер. Капитан еще не был готов постыдиться на своей собственной неизбежной

гибелью, как это делал сейчас
исповедник. -- У нас мало патронов, а
людей еще меньше. Думаю, нам надо
отступить в собор.

-- Согласен, -- ответил Дебан и
расстелся. -- Там хотя бы сухо!.. Сразу за
дверьми собора -- глинный коридор. Бүдь у
нас патроны, мы перестреляли бы их там,
как зайцев.

Сейчас уже никто не сомневался, что
еретики скоро прорвутся через баррикады,
и защитники собора думали лишь о том,
как бы подороже продать свою шкуру.

Оглядевшись, Семпер увидел остов
челнока. С него сняли все, что только
можно, чтобы укрепить баррикаду.

-- Шанин-Ко, скажите, можно ли
использовать пушки с оружийных башен
челнока?

-- Три пушки не повреждены, но
системы их энергоснабжения вышли из
строя, -- со своим обычным хладнокровием
ответил техножрец.

-- А если их снять с челнока? --
настаивал Семпер. -- Если мы найдем
какие-нибудь источники питания, они

бүдүт стрелять?

-- В подвалах собора есть несколько переносных генераторов, -- оживившись, втешался Дебан.-- Мы наткнулись на них, когда искали оружие. Не знаю только, в рабочем ли они состоянии.

-- Если они работают, мы их принесем наверх и подключим к пушкам, -- сказал Капаран, поднимаясь с помощью Дакша на ноги. -- Вот только демонтаж орудий -- дело непростое.

-- Отличная мысль! -- воскликнул Семпер.-- Возьмите себе в помощь столько людей, сколько потребуется, -- добавил он, обращаясь к Капарану и Дакшу. -- Укажите, чтобы вас прикрыли от снайперов... С такой пушкой мы загладим дерзость!

-- Капитан Семпер!

Оглянувшись, Семпер с удивлением увидел пожилого человека в зеленых одеяниях. По магическим татуировкам на морщинистом лице и пустым глазницам капитан сразу определил в нем астроната.

-- Капитан Семпер, -- продолжал Собеки звучным голосом, -- Императору не угодно.

чтобы вы сегодня погибли. Поэтому он не
позволил мне умереть и привел к вам...

-- «Дракенфельс»? Говорит
«Махариус»! Сообщение чрезвычайной
важности! Наш астронавт получил
сообщение от капитана Семпера! Он жив!
Сейчас он на Белатисе вместе с
остатками экипажа сбитого челнока. С
ним принц-регент и несколько придворных.
Разрешите вернуться и забрать их?

На капитанском мостике
«Махариуса» воцарилось напряженное
ожидание. Потом из котлинка раздался
недоверчивый голос Рамаса:

-- Сообщение от Семпера? Откуда вы
знаете, что говорил именно он? Силы зла
очень коварны, Уланги. Весь варп поет на
множество лживых голосов. А вдруг это не
Семпер?

-- Думаю, это все-таки он,-- ответил
Уланги. -- Сообщение сопровождается его
личным кодом. Наш астронавт Раванн
достаточно опытен, чтобы определить
подлинность послания. Это не ловушка.

Уланги взглянул на Киогена. Тот

звба заметно кивнул в знак согласия.

— Остальные офицеры «Махариуса», включая комиссара Киогена, со мной согласны. Мы уверены, что капитан Семпер жив!

— Ну и что вы теперь прикажете сделать?! — Рамас рывнул так, что на мостике «Махариуса» все подпрыгнули от неожиданности. — Лететь его спасать?! Рисковать всем конвоем из-за одного человека?!

Старший помощник был готов к этому вопросу и ответил не задумываясь:

— Нам приказано эвакуировать с Белатиса первых лиц правительства и самых ценных слуг Императора. Оставив на планете капитана Семпера и принца-регента, мы не выполним приказ.

— Тем не менее, я не могу отпустить ни один из боевых кораблей. Эвакуация завершена. Мы служим Императору, а не Леотену Семперу. Приказываю вам следовать прежним курсом. Мне тоже очень жаль капитана Семпера, но я не могу выполнить вашу просьбу. Конец связи.

По мостикү «Махариуса» прокатился недовольный ропот. Экипаж крейсера был за то, чтобы любой ценой спасти своего капитана. Рядом с командным пультом выросла внушительная фигура прокуратора. Арбитр жестом приказал техножрецам связаться с «Дракенфельсом».

-- Капитан Ратас! Говорит прокуратор Джамаль Бизантан. Я командовал гарнизоном Агентус Арбитрес на Белатисе, а теперь до меня дошли сведения о том, что на этой обреченной планете еще остались верные слуги Императора, и не только они... Лейтенант,-- добавил Бизантан, -- разрешите ознакомиться с посланием, полученным вашим астронавтом.

Улантис протянул информационный планшет, и Бизантан прочел лаконичное сообщение о крушении челнока и о точном положении уцелевших пассажиров, оказавшихся в осажденном соборе. К сообщению прилагался список тех, кто остался в живых после очередной атаки хаоситов. Кивнув своим

собственными мыслям, прокуратор вернул Улантти планшет.

-- Капитан Рамас, -- продолжал Бизантан, добавив металла в голос, -- все обстоит именно так, как я и думал. Среди придворных есть предатель. Возможно, именно из-за него события на Белатисе приняли столь трагический оборот. Измена заслуживает самой суровой кары. Я поддерживаю желание капитана Улантти немедленно вернуться на Белатис. Мы должны спасти капитана Семпера и покарать изменника.

-- Прокуратор, я вынужден ответить вам отказом, как и лейтенанту Улантти. Я не могу...

-- Вы не поняли меня, капитан Рамас! -- оборвал его Бизантан. -- Я -- командир Агентус Арбитрес, и мой долг -- поддерживать порядок и следить за соблюдением законности. Я не прошу вашего разрешения, а лишь ставлю вас в известность о своих действиях!

Рамас некоторое время молчал, а когда заговорил снова, в его голосе появились едва заметные лукавые нотки:

— Что ж, прокуратор! Прошу занести в протокол, что я решительно протестую против ваших намерений, но, как верный и законопослушный слуга Императора, подчиняюсь вашей власти... Доброй охоты, «Махариус». Спасите Семпера! Он еще очень пригодится Боевому флоту. Конечная связь!

Бизантан повернулся к недоумевающему Уланту.

— Лейтенант, крейсер больше не входит в состав Боевого флота Готического Сектора. Член Императора и данной им властью я реквизирую «Махариус». — Прокуратор устехнулся, глядя на растерянного старшего помощника. — Судно временно переходит в распоряжение Агентства Арбитрес. Командуйте, лейтенант. Ведите нас к Белатису.

Вперед выступил Киоген. Высокий и широкоплечий комиссар, облаченный в черный тундир с серебряными черепами на щетлицах, наводил ужас на всех членов экипажа «Махариуса». Однако прокуратор в своей черной броне выглядел не менее

внушительно. Слово комиссара было законом на борту боевого корабля, а слово прокуратора Агентус Арбитрес -- в любом из миров Империи. Бюстители порядка некоторое время сверлили друг друга взглядами.

-- Вы собираетесь прорываться сквозь строй преследующего нас противника на одном корабле? -- наконец спросил Киоген. -- Я не возражаю против ваших намерений вернуться и признаю, что обязан вам подчиняться. Но мой долг -- протестовать против неразумных и самоубийственных решений, которые могут привести к гибели корабля!

-- Мы будем не одни, комиссар... -- ответил Бизантан и повернулся к связистам. -- Свяжитесь с «Суровым Воздаянием»!

Через секунду послышался хриплый голос Корте:

-- Я следил за вашими переговорами, сэр. Ждем приказаний.

-- Следуйте за «Махариусом». Мы возвращаемся на Белатис. Изменник должен быть наказан!

Рамас наблюдал за тем, как «Махариус» и ударный крейсер Agentus Арбитрес покинули строй и взяли курс на Белатис.

Протянув опутанные проводами культи к комлинку, Рамас связался со своим старшим помощником:

— Прикажете конвою следовать прежним курсом. Пусть «Дракенфельс» занимает место покинувшего строй «Махариуса».

Потом, словно вдруг вспомнив о чем-то важном, капитан добавил:

— И прикажете магосу Херихору заняться ремонтом главного двигателя...

— Но, господин капитан, — с недоумением в голосе возразил старший помощник, — наш главный двигатель в полном порядке. Повреждения, полученные в результате торпедной атаки, уже устранены! По крайней мере, именно это следует из рапорта магоса Херихора!

— Тогда прикажете ему еще раз проверить главный двигатель, — заговорщическим тоном проговорил

Ратас. -- Мне кажется, еще не все в порядке. Боюсь, нам придется отстать от конвоя и заняться неотложным ремонтом!

Привыкший к порой весьма странным приказам своего эксцентричного командира, старший помощник, наконец, все понял.

-- Ну, ничего не поделаешь, придется отстать, -- ответил он. -- Сию секунду будет сделано, сэр!

-- Видим два корабля, -- передал капитан рейдера командиру «Харибды». -- Крейсер и еще какой-то корабль неизвестного типа. Похоже, разведчик. Они развернулись и идут прямо на нас. Ждем ваших приказаний.

Капитан «Харибды» задумался. Он уже заслужил гнев Осквернителя за то, что не уничтожил «Дракенфельс» и не атаковал эвакуационную флотилию, пока та дрейфовала на орбите Белатиса. Абаддон не прощал неудач, а чрезмерную осторожность считал трусостью. Поэтому капитан «Харибды» решил рискнуть и поправить свою подмоченную

репутацию. Уж лучше погибнуть в костическом бою, чем попасть в неилость к Осквернителю! Капитан «Харибды» не знал, зачем два имперских корабля сменили курс, но решил их уничтожить, чтобы порадовать своего повелителя.

— Говорит «Харибда»! Приготовиться к бою!

Ментально общаясь с тварью, поселившейся в металлическом чреве «Махариуса», Бүль Сирл почувствовал, что корабль, который ему предстояло уничтожить, изменил курс. По коридорам разнесся гул заработавшего на полную мощность двигателя. Сирл даже пошатнулся в кресле, ощутив, как стеснилось искусственное гравитационное поле имперского крейсера, компенсируя последствия маневра. Сирл с радостью понял, что «Махариус» отделился от конвоя и вновь направился к Белатису.

Капитан «Прокаженного» не знал и не мог знать причин, по которым крейсер внезапно развернулся и полетел прямо к

нелу в ланы. Елу было достаточно
осознания того, что теперь с ним будет
очень легко расправиться. Буль Сирл
злорадно устехнулся. Силы варна явно на
его стороне! Сам Дедушка Нургл не
оставляет его своей заботой!

-- Быстрее! Шевелитесь! У-у,
отрогье! -- рывнул капитан на свою
команду, рассматривая на покрытом
слизью тактическом мониторе тусклые
изображения кораблей.

«Харибда» и ее рейдеры бросились на
перехват имперских судов, но Сирл
оставался спокоен. Он знал, что
уничтожить проклятый крейсер суждено
только ему. Однако и другие корабли сил
Хаоса, находившиеся поблизости от
«Прокаженного», рванулись вперед,
почувствовав легкую добычу.

А за ними величественно следовал
«Убийца Планет». Вокруг его антенн и
огромных оружейных башен сверкали
разряды. «Убийца» черпал энергию прямо
из варна. Его генераторы были способны
усилить ее в миллион раз и обрушить на
врага.

Час казни Белатиса пробил.

На палубах «Махариуса» зазвучал сигнал боевой тревоги. Гардетарины и старшины орали и пинками вышвыривали из коек тех, кто пытался урвать несколько мгновений покоя. Все должны были теперь сломать голову бежать на свои места. Обливаясь потом, артиллеристы тащили по металлическим рельсам огромные орудия. В недрах машинного отделения облаченные в жаростойкие костюмы механики и техножрецы колдовали над древними плазменными реакторами, уговаривая их поглотить как можно больше энергии в многочисленные системы корабля.

В небольшой часовне, расположенной под жилыми палубами, Рет Зен дочитал молитву, собрал частицы мощей и амулеты, завернул их в плетеный молитвенный коврик и спрятал за пазухой толстого летного комбинезона. В часовне было жарко и сыро, вдоль переборок шли гудящие энергопроводы. Но Зен любил молиться именно здесь, в уединении.

погальше от главных святилищ
оживленных верхних палуб. «Боевая
тревога! Надо спешить!..»

— Зен!

Рет замер. Что это?! Может, ему
потерещилось?! Наверное, это только гул
машин и чьи-то голоса высоко над
головой!..

Но вот в темноте снова слышался
тот же шепот:

— Зен, выполни свой долг!

В конце коридора Рет увидел
призрачную фигуру, окутанную ореолом
света. Из-за этого сияния Зен мало что
мог разглядеть — только прекрасное лицо
и магические знаки, сверкающие на
древних доспехах. Много лет назад Зен
уже видел это лицо. Тогда он был
маленьким послушником на Сакра-
Евангелисте...

Зен благоговейно преклонил колени.

— Моя госпожа... — прошептал он, не
остеливаясь поднять глаза.

— Выполни свой долг, Зен! Долг перед
Императором! Передо мной! Спаси свой
корабль! Я назначаю тебя моим ангелом-

мстителем!

Сияние стало угасать. Зен увидел, как свет исчезает за поворотом. Вновь завыла сирена. Она звала его выполнить свой долг за штурвалом космического истребителя. Но он смотрел вперед, туда, где его ждало высшее предназначение. В первый раз сияющая фигура явилась Зену почти четверть века назад, чтобы полностью изменить его судьбу. Теперь она появилась снова... Как же он может послушаться ее?

Достав из кармана комбинезона короткоствольный лазерный пистолет, Зен зашагал по коридору туда, где в полной темноте только что растворились отблески горнего света его путеводной звезды.

Джарре Кейлю хотелось сесть, но любое движение отдавалось невыносимой болью в его распоротом животе. Как всегда бывает с такими людьми, он слишком поздно понял, что его водили за нос. Ему не видать ласк той, которая нашенывала ему сладостные обещания.

Она обвела его вокруг пальца. Ему не
спасти. Даже после смерти его ждут
только скользкие объятия демонов варна,
которым он продал свою душу!

Дрожащей рукой Кейль схватил за
полу платья проходившую мимо сестру
Оргена Госпитальеров.

-- Сестра, -- прохрипел бывший
министр, -- помогите! Позовите
исповедника или капитана Семпера. Я
должен им все рассказать... Прошу!
Помогите!

Сестра взглянула на утирающего. За
последние дни она видела столько смертей
и страданий, слышала столько
предсмертных стонов и хриплых
исповедей, что уже ничему не удивлялась.
Однако в глазах этого человека было
столько нежной мольбы, что ее сердце
стягчилось. Будь здесь помощник
прокуратора Корте, он растолковал бы
сестре, что перед ней типичный еретик,
желающий на краю могилы облегчить
душу.

Сжав руку раненого, сестра шепнула
ему:

-- Подождите! Сейчас я кого-нибудь позову, -- и ушла.

Кейль ждал, время от времени впадая в беспамятство и снова пробуждаясь от боли. Наконец над ним склонилась чья-то фигура в темных одеяниях. Кейль уже почти ничего не видел, зрение покидало его вместе с последними искрами жизни.

-- Святой отец, -- пробормотал он, -- я должен во всем признаться...

Униженные перстнями пальцы сдавили ему горло. Чья-то ладонь зажала рот. Человек в темных одеяниях наклонился к самому уху Кейля и прошепел:

-- Глупец, неужели ты думал, что я позволю тебе все рассказать?!

Кейль попытался вырваться и закричать, но никто не обратил внимания на его хрипы. Почувствовав боль за ухом, бывший министр подумал о перстне с ядом, который всегда носил его убийца.

Еще пару секунд Кейль барахтался на жестком матрасе. Наконец яд подействовал, бывший первый министр национальной безопасности дернулся и затих навсегда.

Убийца склонился над трупом и, приложив пальцы к шее, убедился, что пульса нет. Закутанный в темные одеяния, издали он походил на священнослужителя, утешающего раненого.

Когда сестра вернулась, было уже поздно. Джарра Кейль унес с собой в варп все свои страшные тайны...

-- Они направляются к нам! --
прошептал утирающий астронавт.

Он пошатнулся, но Семпер поддержал его под локти. Собек провел пальцами по лицу капитана. Теперь он мог воспринимать окружающий мир только наощупь. Ему пришлось совершить колоссальное усилие, чтобы прорвать энергетическую завесу, выставленную «Убийцей Планет» вокруг Белатиса. После этого у Парцелия случилось кровоизлияние в мозг, он окончательно утратил ментальное зрение и теперь был при смерти.

-- Вы в этом уверены? С вами связался астронавт «Махариуса»?

-- Я больше не слышу голосов моих

братьев, но знаю, что ваш корабль летит к нам. Вместе с ним еще один, -- ответил Собек. -- Я видел их раньше. Императору не угодно, чтобы Леотен Семпер погиб сегодня на Белатисе... У него на вас другие виды...

-- Какие «другие виды»? И почему поощают именно меня, а не их?! -- воскликнул Семпер, показав на горстку отважных защитников собора. -- Их вера сильнее моей. Они самоотверженнее меня!

-- На все воля Императора, -- вздохнув, еле слышно прошептал Собек. -- Запомните этих людей. Запомните то, как они жертвуют собой. Придет час, и вы за них отомстите...

Слова утирающего астронаута утонули в воплях безумствующих хаоситов. В коридоре появился запыхавшийся молодой человек.

-- Они идут! Еретики идут! Их великое множество! -- сообщил юноша.

Снова опустив глаза, Семпер и Дева увидели, что астронавт умер, и удивились утиротворенному выражению, застывшему на его лице. -- Если ваш корабль

действительно летит к нам, ему лучше
потеряться, -- пробормотал Деван,
опускаясь на колени. Исповедник прочитал
короткую заупокойную молитву и
нагнул на лицо астронаута капюшон.

-- Я пока еще здесь,-- сказал Семпер и
вставил обойму в пистолет.

Кликнув своих бойцов, Семпер и Деван
поспешили к воротам собора.

Через несколько секунд здание начала
обстреливать артиллерия хаоситов.
Женщины, дети и раненые издали стон
отчаяния. Последний бой начался! Скоро
все погибнут.

На кораблях сил Хаоса еще никогда не видели ударных крейсеров Agentus Арбитрес и не знали, на что они способны. Поначалу противник идентифицировал «Суровое Воздаяние» как слабо вооруженный легкий разведывательный крейсер типа «Отважный». Но стоило «Махариусу» и «Суровому Воздаянию» открыть огонь по эскортировавшим «Харибду» рейдером, как ее капитан сразу понял всю глубину своих заблуждений.

Стартовавшие с «Махариуса» истребители перехватили в костосе все торпеды, выпущенные рейдерами. Батареи обоих судов нанесли ответный удар, не дожидаясь, пока враг перезарядит торпедные аппараты. На рейдеры бросились четыре эскадрильи штурмовиков «Махариуса», но не успели они долететь до противника, как вражеский строй распался под огнем мощных пушек «Сурового Воздаяния». Оснащенные системой линейного ускорения

орудия засыпали рейдеры противника
плазменными зарядами. Канониры
крейсера арбитров тщательно
прицелились. Один из рейдеров был
уничтожен мгновенно. Просто сверкнула
ослепительная вспышка, и сотни тысяч
тонн металла его корпуса просто
испарились. Второй рейдер загорелся,
вышел из строя и стал разваливаться на
куски. Последний развернулся и хотел было
пуститься наутек, но его тут же нагнали
и расстреляли бронебойными ракетами
имперские иштурмовики. Под их ударами
сначала вышел из строя двигатель судна, а
потом дегонировал реактор.

Злобно сверкая пустотными щитами,
«Харибда» бросилась на врага. Тучи
обломков и облака раскаленных паров — вот
и все, что осталось от эскортировавших
ее рейдеров. Крейсер сил Хаоса открыл
огонь из носовых лазерных батарей.
Сверкающие лучи смертоносной энергии
пронзили пустотные щиты «Махариуса» и
исполосовали метровыми бороздами
бронированный таран имперского крейсера.

Улантти почувствовал, как содрогнулся корабль, и поймал на себе испуганные взгляды офицеров.

— Так держать! — скотандовал он. — Приготовиться к торпедному залпу!

— Цель меняет курс! — взволнованно воскликнул один из наблюдателей. — Характер излучения двигателей меняется. Цель пытается выйти из боя!

Поняв, что преимущество оказалось на стороне противника, командир «Харибды» решил убраться подобрыву. Для этого он приказал резко изменить курс и перекрыть подачу энергии к основным системам своего корабля. Если этот нехитрый трюк удастся, ауспексы вражеских кораблей просто потеряют их из виду. А тем временем «Харибда» потихоньку внесет от них ноги.

Улантти такая перспектива совершенно не устраивала.

— Господин Найджер?

— Не волнуйтесь, нигуда они от нас не денутся! — с кровожадной устешкой успокоил лейтенанта бывалый

артиллерист.

-- Торпедный зал! -- приказал Улантис.

Как и было заранее оговорено, крейсер арбитров дал залп из своих пушек, как только торпеды «Махариуса» поразили «Харибду». Получив тяжелые повреждения днища и правого борта, крейсер сил Хаоса не только не пропал с дисплея имперских кораблей, а наоборот -- вспыхнул на них яркой точкой. Это светилась энергия, хлеставшая в космическое пространство через пробоины в корпусе «Харибды».

-- Полный вперед! -- воскликнул Улантис. -- Приготовиться к бортовому залпу!

«Махариус» и «Суровое Воздаяние» маневрировали так, чтобы «Харибда» оказалась между ними. По условному сигналу оба имперских судна открыли огонь. Вражеский корабль отстреливался из уцелевших плазменных орудий левого борта. Между «Харибдой» и «Суровым Воздаянием» завязалась жаркая артиллерийская дуэль. Крейсер арбитров получил в ней немало повреждений, но судьба оказавшейся между двух огней

«Харибды» была предрешена. Вскоре «Махариус» и «Суровое Воздаяние» уже вновь спешили к Белатису, оставив за кормой догорающие обломки вражеского крейсера.

На капитанском мостике «Махариуса» раздалось торжествующее возгласы, но Улантти понимал, что впереди их ждут новые суровые испытания. Наблюдательные дисплеи кишели обозначениями вражеских кораблей, встретившихся к обреченной планете. За ними следовал «Убийца Планет», излучавший так много энергии, что его значок полыхал на мониторе, словно вспышка небольшой водородной бомбы.

— Челнок к старту готов, — доложил Найджер в ответ на вопросительный взгляд Улантти.

Лейтенант кивнул. Через пару минут с борта «Махариуса» уже стартовал большой десантный челнок и сразу же направился к Белатису. Его догнали несколько челноков, вылетевших с «Сурового Воздаяния», а вокруг спасательной флотилии выстроился

эскорт из истребителей.

— Сколько им лететь до Белатиса? —
поинтересовался Улант и у Найгера.

— Чуть более часа, — ответил
артиллерист, разглядывая обозначения
вражеских кораблей. — До Белатиса-то они
долетят, но вот на обратном пути им
придется туго...

— Приготовьтесь, господин Найгер.
Мы прикроем их возвращение всеми
имеющимися у нас истребителями и
штурмовиками!

Кетер в упор смотрел на Альтомара.
Широкоплечий гигант со всех ног спешил
к командире, петляя между погрузочными
платформами с боеприпасами. В ангаре
было очень шумно: что-то кричали друг
другу механики, лязгало железо,
заходились в предстартовом бое
двигатели. Поэтому Альтомару пришлось
орать во все горло:

— Его нигде нет!

Кетер витиевато выругался,
заслужив косой взгляд проповедника,
благословлявшего бронебойные ракеты

перед погружкой на борт штурмовика.

— Ущи его! — рявкнул командир эскадрильи «Шторм». — Возьми кого-нибудь в помощь! Обшарьте все часовни, но без него не возвращайтесь!

Альтотар приказал нескольким механикам все бросить и бежать за ним. Кетер снова выругался. Пилотов «Махариуса» подняли по боевой тревоге. Механики и техножрецы лихорадочно чинили даже тяжело поврежденные машины, требовавшие серьезного ремонта в доках. И в довершение всего пропал лучший пилот эскадрильи!.. Куда же девался Рет Зен?!

Зен наклонился над трупом. В коридоре под реакторным отсеком лежал мертвый техножрец. Кровь убитого на стенах узенького прохода еще не успела свернуться, а внутренности непонятным образом уже начали разлагаться. Судя по крови, техножреца убили совсем недавно, а гниение трупа говорило о том, что он лежит здесь уже несколько дней.

Что-то тут не то! Здесь кроется

какая-то страшная тайна! С каждым шагом Зен приближался к ее разгадке. Еще раз проверив состояние лазерного пистолета, Рет шагнул в темноту, убеждая себя в том, что он божественный мститель и бояться ему нечего...

С высоты башни собора Дакиш вывел почти всю площадь как на ладони. Затащить сюда автоматическую пушку оказалось очень тяжело, но их труд не пропал даром. Дакиш расстреливал толпы хаоситов глиняными очередями. По площади в сторону ворот храма полз здоровенный бульдозер с бронированным прицепом, давя гусеницами убитых и раненых. Дакиш навел пушку, почти не целясь. Он привык иметь дело с мелькавшими в прицеле всего лишь долями секунды юркими истребителями и играючи попал в неуклюжий трактор. Первой очередью Дакиш уничтожил бронированную кабину вместе с водителем. Потом изрешетил сверхскоростными бронебойными снарядами прицеп с сидевшими в нем вооруженными еретиками, а потом перебил бульдозеру гусеницы. Затем он прострелил топливный бак, и спрятавшихся за бульдозером хаоситов

окаатило волной вспыхнувшего прометия.

Один из вращающихся стволов пушки вновь перегрелся от непрерывной стрельбы, и его заклинило. Дакш хрипло выругался на родном языке, и боевые братья начали поливать из ведер раскаленный металл. Без системы охлаждения, погибшей вместе с челноком, другого выхода у них не было.

Заклинивший ствол отказал окончательно. Дакш не знал, что произойдет дальше -- заклинит оставшийся ствол или кончатся снаряды. Тогда он достанет свой кривой нож -- кукри, спустится вниз и очень дорого продаст свою шкуру...

Однако этому не суждено было случиться. Заговорила артиллерия хаоситов. Определив, откуда стреляет автоматическая пушка, еретики очень быстро просчитали координаты цели и дали залп. В башню собора пришлось прямое попадание. Она рухнула на обгазренную кровью мостовую, увлекая за собой искореженную пушку и труп Дакша.

Толпа еретиков ринулась вперед и
стела храбрецов, отказавшихся покинуть
баррикады.

-- Всем внутрь! -- приказал Семпер,
застрелив последними патронами
несколько облаченных в черное хаоситов.

Вместе с остатками отряда Боевого
Братства Семпер бросился к воротам
собора. Вокруг них свистели пули и
сверкали лазерные лучи. Боевые братья
падали и больше не поднимались. Что-то
обожгло Семперу бок. Он пошатнулся и
упал бы, если бы его не подхватил под
мышки Максим Боруса. Здоровяк почти на
руках протащил своего командира по
коридору и усадил на пол за последней
баррикадой, перегородившей вход в
центральный неф собора.

-- По вашему приказу доставил вас
внутрь, господин капитан, -- слегка
запыхавшись, проговорил Боруса. -- Не мог
же я бросить вас валяться на камнях под
дождем. Так и простыть недолго!

Через несколько секунд в собор
ворвались первые хаоситы. Деван дал им
подбежать поближе и приказал открыть

огонь из двух последних автоматических пущек, снятых с разбившегося челнока.

Заговорили восемь вращающихся стволов. В коридоре началась настоящая бойня. Первые ряды еретиков буквально разорвало на мелкие части. Снаряды, способные пробивать броню костических истребителей, пролетали по всему коридору, пронзая по пути тела множества изменников. Некоторые снаряды отлетали рикошетом от расписанных фресками стен и крушили статуи и барельефы, которыми художники на протяжении столетий украшали собор Экклезиархии.

Невзирая на страшные потери, хаоситы рвались вперед. Задние наседали на передних, толкая их прямо под огонь автоматических пущек. Семпер подумал, что еретики решили, будто людей у них больше, чем снарядов у пущек, и будут лезть на верную смерть до тех пор, пока у защитников собора не кончатся боеприпасы. Деван обещал утопить культистов в крови, если они ворвутся в этот коридор, и, кажется, сдержал слово.

Внезапно из толпы еретиков
выступила чья-то фигура. Воздух вокруг
нее гудел псионической энергией,
сформировавшей энергетический щит,
отклонявший в стороны летящие снаряды.
Незнакомец воздел вверх руку с
искращимся черным мечом.

-- Ложись! -- скотанговал Деван, но
было слишком поздно: черный меч
испустил ослепительный луч, который
уперся в баррикаду.

Демонический луч сжигал вопящих
людей заживо, превращая их за пару секунд
в обугленные трупы. Вот он попал в огнь
из автоматических пушек, и та
взорвалась, осыпав все вокруг острыми как
бритва осколками.

Не обращая внимания на боль в
обожженном боку и разбросанные по полу
окровавленные и почерневшие трупы,
Сетнер поднялся на ноги и вытащил из
ножен саблю. Перед собой он видел только
толпу рвущихся вперед хаоситов. Их
предводитель впился в Сетнера злобещим
взглядом.

«А ведь кто-то обещал, что я сегодня

не погибну!» -- с горечью подумал Семпер и повел в контратаку защитников собора.

Звук стрельбы и звон стали громким эхом отдавались под сводами собора. В глубине боковой часовни Витас Сарон скулил от страха, уткнувшись лицом в плечо сестры:

-- Что там, сестрица?! Капитан же сказал, что нас скоро спасут! Что же они не летят?! Когда все это кончится?!

Поцеловав брата в лоб, принцесса Малисса задумалась о том, что всех их ждет. Она всегда опасалась прокуратора Бизантана, и мысль о его возвращении наполняла ее душу недобрыми предчувствиями. Принцесса прекрасно знала, что должна сейчас сделать. Ей не очень хотелось так поступать, но она уже давнo поняла: рано или поздно это станет неизбежным. От ее неразумного брата теперь было больше вреда, чем пользы...

-- Скоро, -- прошептала Малисса и провела по щеке брата острой гранью отравленного кольца. -- Скоро все кончится...

Хоузан пробивался вперед. Он жаждал крови и рубил направо и налево, не щадя ни друзей, ни врагов. Он должен исполнить волю демонов варна! Безликий оказался перед своей жертвой. На лице стоящего перед ним человека были написаны ужас и страх -- жалкие человеческие чувства, о которых Хоузан скоро навсегда позабудет, приняв обличье демона!..

Внезапно ничтожный человечек с яростным воплем бросился на предводителя хаоситов.

Хоузан играючи отразил выпад. Клинок его противника сломался с невероятной твердостью, похожий на обсидиановый, магический меч. Человек не устоял и упал на пол, а Безликий занес над ним меч для последнего удара. Внезапно над ним бросились еще двое. Первый парировал причитающийся упавшему человеку удар своим ценным мечом, взывшим при столкновении с оружием демонов. Другой человек -- огромный, как приспешник Кровавого Бога, -- вскинул примитивного вида пистолет и одну за другой начал

всаживать в грудь Хоузана пύли. Наконец одна из них проникла за энергетический щит, вошла в его плоть. Он почувствовал боль и вспомнил о том, что еще не демон. В гневе Хоузан отшвырнул человека с пистолетом к стене, а затем, отрубив другому руку с цепным мечом, нанес ему сокрушительный удар в грудь.

Взревев в предвкушении победы, Хоузан Безликий повернулся к человеку, чьей смерти возжелали силы варна, но тот уже был на ногах и поднял цепной меч, выпавший из отрубленной руки его раненого товарища. С удивительной ловкостью человек увернулся от оружия и из всех сил вогнал свой цепной меч в живот Хоузана. Тот выронил оружие и застыл с открытым ртом, чувствуя, как его внутренности наматываются на вращающееся лезвие человеческого оружия. Пошатнувшись, он попытался, горлом пошла черная кровь. Его приспешники испуганно завyli и тоже начали отступать. У Хоузана душа ушла в пятки. Неумолимые демоны варна отвернулись от него! В глазах потемнело. Вой хаоситов

становился все громче. Хоизан даже подумал, что это разгневанные боги Хаоса рычат в негодовании оттого, что он не сумел их ублажить. Однако он тут же понял, откуда исходит звук, и оставил последнюю надежду на победу.

На улице были двигатели. Вереница челноков сагилась на соборную площадь.

Челноки Агентус Арбитрес
пронесли наг соборной площадью и засыпали ракетами руины зданий, в которых обосновалась артиллерия хаоситов. Автоматические пушки челноков уничтожили все живое в пределах прямой видимости. Арбитры выпрыгивали на землю, не дожидаясь, пока машина прочно встанет на посадочные опоры, и тут же открывали огонь по любому, кто еще шевелился.

После смерти предводителя остатки культистов пустились наутек и скрылись в развалинах разрушенного города, чтобы в ужасе ждать свой близкий конец.

На зачищенную арбитрами площадь приземлился челнок «Махариуса». Из него

высадились Бизантан и Киоген. Прокуратор тут же взял под свое начало арбитров, прилетевших с «Сурового Воздаяния». Оглядев изрытую снарядами и залитую кровью площадь перед собором, комиссар скотанговал прибывшим с ним гардемарином:

— Ущите капитана Семпера. Без него мы отсюда не улетим.

Семпер с трудом поднялся на ноги. Его примеру последовал Максим Боруса, еще не пришедший в себя после сокрушительного удара Хоузана. Капаран тоже уцелел. Шанину-Ко повезло меньше. Его обугленные и оплавленные останки лежали в куче трупов, сожженных дегмоническим мечом людей.

— Челноки! — взглянув наружу, прохрипел Максим. — Клянусь, никогда не думал, что так обрадуюсь, увидев арбитров!

Семпер не слушал Борусу. Каким-то чудом Дебан еще оставался жив. Капитан опустился на колени прямо в лужу крови, вытекавшей из разрубленной груди и

обрубка руки. Отыскав ценной меч
исповедника, Семпер вложил его в
уцелевшую лагонь.

-- Возьмите его себе, -- прошептал
Деван. -- Мне он больше не нужен, а вам --
пригодится. Это вам не зубочистка,
которую у вас называют саблей...

В коридоре загрохотали тяжелые
шаги. Кто-то выкрикнул имя капитана, но
Семпер не обращал внимания на шум и не
выпускал руку исповедника из своей.
Проследив за взглядом Девана, он увидел
людей, сбившихся в кучу в центральном
нефе собора. Это была всего лишь горстка
уцелевших из числа тысяч пилигримов,
пришедших искать утешения под сводами
собора. В основном это были женщины и
дети -- семьи боевых братьев, тех, кто
сложил голову, защищая храм от
осквернения, а веру -- от поругания.

-- Неужели все было напрасно? -- еле
слышно прошептал Деван. -- Неужели они
погибнут?.. Не допустите этого. Ведь мы
умирали ради них. Это возлюбленные чада
Императора. Они ему дороже спесивых
аристократов и трусливых чиновников.

Дороже богатств в трюмах транспортных.
Они -- лучшее, что есть в этом мире. Не
дайте им погибнуть вместе с ним...

Селпер кивнул. Лагерь исповедника
уже холодела в его руке.

Капитана трясли за плечи.

-- Господин капитан, пойдёмте! У нас
совсем нет времени! -- все твердил и
твердил какой-то старшина.

Но Селпер стоял на коленях до тех
пор, пока не убедился, что исповедник умер.
Потом он поднялся на ноги и скотандовал
гардемарином:

-- Посадите этих штатских в
челноки. Первые -- женщин и детей.
Затем погрузите всех, кто может
оправиться от ран!

Старшина крайне удивился;

-- Но на челноках не предусмотрено
мест для пассажиров! И у нас совсем мало
времени!...

-- Так освободите для них место! --
равкнул Селпер.-- Выбросьте все из
грузового отсека! Все лишнее вон из
челноков!.. Умейте в виду, без этих людей
мы отсюда не улетим!

Бизантан възглянул в вытаращенные глаза мертвого принца-регента и прочитал в них застывший ужас. Прикоснувшись к еще теплой щеке трупа, прокуратор понял, что опоздал совсем ненадолго.

Бизантан уже знал -- во всем виновата принцесса Малисса. Глупец Кейль был ее любовником и сообщником. Возможно, генерал Брод -- тоже. Не исключено, что Малисса играла ими, обоими, заставляя ревновать, чтобы они не понимали, как именно их собираются использовать. Вначале они могли думать, что речь идет о сравнительно безобидном дворцовом перевороте. Воспользовавшись бышевавшими где-то далеко трагическими событиями, они могли отказаться подчиняться власти Императора. На трон Белатиса должна была взойти королева Малисса, которая наверняка обещала каждому из своих любовников место рядом с собой. При этом и тот и другой не сомневался в том, что в конечном итоге ему удастся манипулировать Малиссой.

так, как она вертела своим братом. Возможно, она убедила их, что с Абaddonом Осквернителем можно договориться, и он оставит независимый Белатис в покое.

Кейль и Брод, наконец, поняли, как далеко зашла Малисса, но было уже слишком поздно. При этом, вместо того чтобы попробовать исправить содеянное, они решили трусливо бежать с Белатиса.

Бизантан чувствовал себя подавленно. Можно поискать Малиссу среди беженцев. Впрочем, здесь ее наверняка давным-давно нет. Еретики иштуртовали главные ворота собора, но в храме итеется немало потайных выходов, и стража на одном из них наверняка убита... Выходит, виновница трагедии Белатиса все-таки избежала заслуженной кары...

Притаившись среди развалин, Малисса наблюдала за тем, как с площади взлетел последний челнок. Неужели этот глупец капитан и остальное фанатично преданное полудохлomu Императору

нуждее считают, что они спасены?..

Дождь прекратился. О, как нагояли дожди на этой гнилой планете! В облаках появились просветы. На небе загорелись звезды, в том числе множество никогда не виденных раньше. Корабли сил Хаоса занимали позицию для удара!

Одна из новых звезд была очень большой и красной. Согрознувшись, Малисса поняла: это -- «Убийца Планет». Челнокам не удастся пробиться к своим кораблям.

У принцессы оставалось совсем мало времени. Руины столицы еще кишели хаоситами. Малисса растолкует их, кто она такая, и они, конечно, тут же отведут ее к Хоизану Безликому, который заберет ее с собой перед тем, как «Убийца» обрушит на планету всю свою мощь. Планетой рискованный, но в нем нет ничего невыполнимого...

В этот момент рядом с Малиссой раздалось шипение.

Принцесса схватилась за болтерный пистолет убитого ею священника. Однако шипящее существо оказалось намного

проворнее. Его челюсти сожнулись на
запястье изменницы – хрустнули кости и
пистолет со стуком упал на землю.
Скользкое щупальце обвилося вокруг горла
Малиссы, и вместо истошного вопля
принцесса выдавила из себя еле слышный
хрип. Перед вытаращенными глазами
предательницы возникли острые, как
иголки, клыки и впились ей в щеку. Чужовище
оторвало кусок мяса, прожевало,
проглотило и неторопливо продолжило
трапезу...

Хуизан не умер. Злопаметные силы
хаоса превратили несостоявшегося демона
в нечто похожее на гибрид паука и змеи.
Увидевшие метаморфозу, произошедшую с
предводителем, хаоситы в ужасе
разбежались, бросив Безликого среди руин.
По завершении превращения покрытый
скользкой чешуей паук почувствовал
сильный голод и решил утолить его.
Первой ему на глаза попала Малисса.

Очень скоро им обоим предстояло
погибнуть вместе с Белатисом, но
последние минуты жизни принцессы,
заживопожираемой существом, на которое

она возлагала такие большие надежды,
показались ей вечностью...

Теперь Уланги мог наблюдать за приближением «Убийцы Планет» и его флота без помощи приборов. Сквозь линзу бронестекла иллюминатора он следил за судами сил Хаоса, кружившими над Белатисом, словно стая стервятников над издыхающим буйволом. Среди них был и «Убийца Планет». Уланги изучал особенности его конструкции, с ужасом прикидывая, на что способен этот чудовищный корабль.

«Убийца Планет» не походил ни на один корабль, виденный лейтенантом ранее. Его главное оружие состояло из тонких, как иглы дикобраза, шипов, торчащих из корпуса, и без того оцетинившегося артиллерийскими батареями, трубами торпедных аппаратов и башнями с энергетическими орудиями. Между шипами сверкали энергетические разряды, — вероятно, разряжались перегруженные конденсаторы. А может, это было что-то иное, о чем

Улантти вообще не имел ни малейшего представления. Кроме того, лейтенант заметил, что сопровождающие «Убийцу Планет» вражеские корабли держатся от него на почтительном расстоянии. Случайного разряда между его шипами хватило бы, чтобы разрушить вакуумные щиты крейсера или испепелить эсминец.

Само существование «Убийцы Планет» являлось страшной угрозой устоявшемуся порядку Империи. Поговаривали, что такую колоссальную энергию не обуздать с помощью обычной техники и в строительстве флагмана Абaddonа приняли участие силы варпа. Вместе с Улантти «Убийцу Планет» внимательно изучал целый отряд техножрецов во главе с магосом Кастаборасом. Ни один имперский корабль еще не подлетал к «Убийце Планет» так близко, как «Махариус», и собранные сейчас сведения вызовут живейший интерес у командования Боевым флотом Готического Сектора.

«Если, конечно, нам удастся эти сведения доставить!» — подумал Улантти.

глядя на несущиеся к «Махариусу» крейсера противника, сопровождаемые эскортными кораблями. Сквозь иллюминатор Улантис видел, как с одного из вражеских крейсеров стартуют штурмовики.

— К нам идут три крейсера; — доложил вахтенный офицер Бромон Стайер. — Самый крупный из них — «Сцилла», два других — чуть поменьше. Это «Кали» и «Прокаженный». — Наш старый знакомый по Телии, — криво устехнулся Найгер.

— Наверное, решил с нами похвастаться, — процедил сквозь зубы Улантис.

Мониторы на мостике показывали, что «Прокаженный» отошел в сторону от двух других крейсеров и направился к Белатису, чтобы гравитационное поле планеты швырнуло его, как из катапульты, в сторону «Махариуса». При этом совсем недалеко маневрировала остальная флот сил Хаоса и сам «Убийца Планет». «Махариус» и «Суровое Воздаяние» вышли победителями из предвещавшей стычки, но теперь им нельзя

медлить. Иначе объединенные силы кораблей Абадгона их просто раздавят!

На капитанском мостике «Махариуса» все это прекрасно понимали.

— Господин Найгер!

— Челноки уже взлетели, — не дожидаясь вопроса, доложил офицер. — Они доберутся к нам через двадцать минут. У того тогда начнется самое сложное, — кивнув на дисплей, добавил Найгер. — Посмотрите, сколько у них истребителей!..

— Мы не тронемся с места до прибытия челноков. Прикажете вашим пилотам стартовать!

Отдавая приказ, Улантис понимал — многие из них никогда не вернутся на «Махариус».

Кетер бросил машину на крыло, отправил всю лишнюю энергию к носовым щитам и потчался прямо на вражеский истребитель. Обе машины открыли огонь практически одновременно. Пронзившие костическое пространство многоцветные лазерные лучи пробили щиты и продырявили броню фюзеляжей. В

последний момент Кетер свернул в сторону, избежав лобового столкновения с вражеской машиной, а затем развернулся почти на месте, чтобы зайти ей в хвост. Охваченный азартом боя пилот не обращал внимания на красные руны, тревожно сигналившие о недопустимых перегрузках.

Вражеский истребитель мчался к имперским бомбардировщикам, оставляя за собой энергетический след из пробитого фюзеляжа. От него все еще отлетали кусочки расплавленной лазером брони. Поймав врага в прицел, Кетер выпустил самонаводящуюся ракету, потчавшуюся к цели по оставленному следу. Через несколько секунд истребитель взорвался, так и не успев выйти на дистанцию огня.

Разворачивая машину, Кетер почувствовал, что она не очень хорошо его слушается.

— В чем дело, Мането? — спросил он по внутренней связи сидящего за его спиной штурмана и бортстрелка в одном лице.

— Повреждены генераторы питания лазерных пушек на правом крыле. Мы

теряет энергию, но это не так страшно, как кажется. Я могу перенаправить на эти пушки энергию главных двигателей или щитов. В любом случае, наши шансы вернуться на базу существенно снизятся. Кроме того, в носовой части фюзеляжа нам расплавили почти всю броню, и нас теперь можно сбить из рогатки. А в остальном -- все просто прекрасно!

Кетер устехнулся. Ему повезло, у его техножреца отличное чувство юмора.

Изучив тактический дисплей, Кетер убедился в том, что эскадрильи «Шторм» и «Шершень» прорвались сквозь передовый заслон истребителей противника, сбив четырнадцать вражеских машин и потеряв девять своих. Бортстрелки илперских штурмовиков радостно сообщали о том, что сбили три вражеских истребителя. Теперь штурмовики могли беспрепятственно атаковать дивизион эстинцев.

Тем временем к «Махариусу» стремительно приближался гораздо более опасный противник -- крейсер.

На расстоянии нескольких тысяч

километров Кетер заметил большую группу истребителей, взявших курс прямо на «Махариус» и «Суровое Воздаяние». По колебаниям энергетического излучения двигателей этих машин можно было предположить, что они нарочно не дают своим двигателям работать равномерно. Скорее всего, они маскируют присутствие летящих в их гуще более крупных и мощных истребителей! Внезапно группа истребителей распалась на три части. Одни, среди которых теперь стали хорошо видны нагруженные ракетами истребители, летели прежним курсом. Другие повернули, с явным намерением атаковать эскадрилью «Торнадо», прикрывающую беззащитные челноки. А третьи вознамерились перехватить истребители, сопровождаемые Кетером.

Выругавшись, пилот вызвал командира эскадрильи «Шершень», но не успел он сказать и слова, как ему ответили:

— Мы всё видим, идите к ним на помощь. Мы и без вас справимся!

— С вас причитается. Мы ведь

уступает вам наши награды! -- по
традиции пошутил Кетер, хотя прекрасно
понимал, что теперь эскадрилья
«Шершень» придется в одиночку
отвлекать на себя ураганный огонь
вражеских кораблей.

Впрочем, его соединению придется не
легче. У него осталось всего десять
«Фүрий», и некоторые из них, включая его
собственную, уже повреждены. У
противника же в два раза больше
истребителей -- исправных, несущих
полный боезапас и положенное количество
энергии... Куда же девался этот Зелот
Зен?! Почему он пропал именно сейчас,
когда больше всего нужен?!

Зен осторожно попятился, сжимая в
руке лазерный пистолет. Он старался
разглядеть шипящее чудовище,
охотившееся за ним в наполненном паром
полутраке машинного отделения,
расположенного под плазменными
реакторами. Казалось, прошло не
несколько минут, а целые часы с того
момента, как он услышал

грудераздирающие вопли, заглушившие даже непрерывную канонаду. Зен выбрался из лабиринта опутанных трубами коридоров и очутился в помещении с искореженными машинами и грудой растерзанных тел механиков и техножрецов. Неужели битва со зловонным демонам длится лишь несколько минут?!

Зен понятия не имел, для чего предназначено это машинное отделение и что представляют собой странные агрегаты. Он не сомневался лишь в одном: они очень важны для работы огромных плазменных реакторов. Чужовище не теряло даром времени, ломая приборы, отрывая от стен трубы и круша пульты управления с такой же легкостью, как и человеческие тела. В ответ на причиненные чужовищем разрушения зазвучал аварийный сигнал. Но разве его услышат в грохоте боя и в вое сирен?! Вряд ли кто-нибудь наверху обратит внимание на еще одну лампочку, вспыхнувшую на пульте капитанского мостика. Нет, помощи ждать неоткуда!

Зен не стал ломать голову над

вопросом, как зловонное чужовище попало на корабль. Он думал о том, что перед ним -- воплощение зла, враг, уничтожению которого он посвятил всю свою жизнь на службе Императору. Ни секунды не колеблясь, Рет поднял лазерный пистолет и выстрелил в чужовище. Лазерный луч снес тому почти всю морду. Тварь злобно зашипела, и на костях ее черепа тут же стала нарастать новая кожа. Зен еще несколько раз выстрелил в чужовище и наконец, добился своего. Тварь перестала ломать оборудование и начала охотиться за ним в лабиринте трубопроводов и агрегатов, занимавших большую часть машинного отделения.

Нерзкое создание где-то рядом! От этого страда трудно дышать!

Рет увидел среди труб отблески слабого света. Выход! Бросившись бегом на свет, Зен постарался увлечь за собой чужовище, стреляя наугад в темноту. Снова раздалось злобное завывание. Наверное, Зен попал... Он повернул за угол и увидел, что через несколько шагов коридор заканчивается глухой переборкой...

В тунике было очень жарко. Капли конденсата падали на раскаленные трубы, шипели и испарялись. Судя по всему, чудовище неплохо постаралось. Все трубы были раскалены докрасна. Теплоизоляционный материал на переборках рядом с ним уже начал тлеть.

Зен почувствовал его спиной. Чудовище показалось в коридоре и тут же бросилось на свою жертву. Рет едва успел поставить лазерный пистолет на предельную мощность и выстрелить в одну из труб прямо над мерзкой тварью.

В туник хлынула раскаленная плазма. Через долю секунды Зен потерял зрение от ослепительной вспышки и невыносимого жара. Он успел увидеть лишь светящуюся фигуру в древних доспехах, спешившую к нему с распростертыми объятиями. С чувством выполненного долга Зен отдался на милость огня...

На капитанском мостике один из сотен младших техножрецов, соединенных с мощнейшими и очень древними банками

данных «Махариуса», получил сообщение о повреждениях во вспомогательном машинном отделении под плазменными реакторами. Повреждения не были очень серьезными. Они затрагивали одну из систем вывода избыточной энергии, которую сбрасывали в космос через клапаны в обшивке корабля. Один из отводных трубопроводов лопнул. Пожар скоро погас сам по себе, потому что автоматическая аварийная система тут же отключила поврежденную магистраль, направив лишнюю энергию к другим клапанам. Угасли признаки и более серьезных неполадок в агрегатах, направляющих энергию к генераторам вакуумных щитов. Но и с этой проблемой системы крейсера тоже, кажется, справились.

Техножрец добавил полученную информацию в непрерывно растущий список боевых повреждений «Махариуса», который в данный момент атаковали вражеские штурмовики, и обстреливали батареи кораблей сил Хаоса.

Повреждения под плазменными

реакторами не повлияли на боеспособность крейсера, и их устранение не попало в раздел первоочередных работ...

Поднявшиеся с Белатуса челноки, наконец, вскарабкались на орбиту. Там их уже поджигали истребители прикрытия. Из кабины своего челнока Бизантан созерцал величественное зрелище космического сражения. Сверкали огненные стрелы, мелькали разноцветные вспышки, имперские истребители боролись с вражескими штурмовиками. Впереди уже маячили знакомые очертания «Махариуса» и «Сурового Воздаяния». Их вакуумные щиты пульсировали под огнем передовых кораблей сил Хаоса. Хорошо зная об участии «Харибды», суга противника держались на почтительном расстоянии от грозных пушек ударного крейсера.

Один из вражеских крейсеров с вытянутым плоским корпусом решил самостоятельно атаковать «Махариус» и ринулся вперед. Вокруг него, как светлячки, закружились яркие точки

имперских штурмовиков. Ракеты пробили его броню в нескольких местах, и через пробоины начали вырываться струи раскаленных газов. Судно отклонилось от своего курса и открыло огонь по «Махариусу» из энергетических орудий, одновременно отстреливаясь бортовой артиллерией от назойливых штурмовиков.

Внезапно летевший перед Византаном челнок взорвался. Оказалось, что вражеский истребитель проскользнул мимо «Фүрий» прикрытия и дал ракетный залп по челноку. Но противнику не дали уйти. Две «Фүрии» немедленно бросились в погоню и через несколько секунд расстреляли его из лазерных пушек.

— Поступил сигнал с «Сурового Воздаяния», — сообщил прокуратору второй пилот челнока. — На нем повреждены ангары. Нас возьмет на борт «Махариус».

Византан молча кивнул. Ему приходилось подавлять мятежи и бунты, охватившие целые планеты, но сейчас он чувствовал себя маленьким и беспомощным перед лицом бушевавшего сражения. Таких разрушительных битв он

еще не видел. Люди и машины сошлись в смертельной схватке в ледяном и беспощадном вакууме, где любой корабль с его многотысячным экипажем мог погибнуть за сотые доли секунды.

Внезапно истребители сопровождения заложили крутой вираж и стремительно скрылись из виду. Космос вокруг челноков наполнился вспышками и ослепительными энергетическими лучами. Бизантан вздрогнул. Сначала он ничего не понял и подумал, что челноки просто попали под обстрел вражеских истребителей, но потом до него дошло, что их прикрывает огнем сам «Махариус». Теперь челноки летели по узкому коридору, все пространство вокруг которого обстреливали энергетические орудия и лазерные пушки имперского крейсера.

В иллюминаторе стремительно рос невероятно высокий щербатый борт «Махариуса». Пилот челнока включил тормозные двигатели, но Бизантану все равно казалось, что они приближаются к огромному, слабо освещенному жерлу

ангара на головокружительной скорости. Влетев внутрь, челнок согрознулся.. Его захватило невидимое поле корабля. Затормозив, маленький летательный аппарат почти плавно остановился. Пилот снова взялся за штурвал и направил машину по тоннелю к посадочной площадке. Бизантан перевел дух лишь после того, как челнок, наконец, коснулся палубы крейсера.

— Добро пожаловать на борт «Махариуса», — поприветствовал гостей вахтенный офицер по громкой связи. В его голосе слышалась характерная для флотских легкая ирония, появляющаяся тогда, когда они общались с другими имперскими военными, — Мы рады снова видеть вас у себя, прокуратор!

Шатаясь от усталости, Семпер спустился по трапу. Он ответил на приветствие бравого вахтенного офицера Бромона Стайера и не обратил ни малейшего внимания на отсутствие почетного караула, который должен был встречать командира, вернувшегося на

борт своего корабля. Судя по интенсивности атак вражеских истребителей на челноки и непрерывному грохоту корабельной артиллерии, Улантисейчас было не до церемоний.

-- Жду ваших приказаний, господин капитан!

-- На мостик! -- рявкнул Семпер, вспомнив, как командуют имперскими крейсерами. -- И немедленно передайте господину Улантис, чтобы он отозвал истребители и штурмовики. Мы выходим из боя.

Семпер подумал о последней просьбе умирающего исповедника и оглянулся на раненных, оборванных и голодных беженцев, сползающих по трапам челноков.

-- Займитесь размещением этих людей. Проследите за тем, чтобы их накормили горячей пищей, и вызовите командира корабельного врача, -- обращаясь к вахтенному офицеру, добавил Семпер. -- Меня проводит на мостик главный старшина.

-- Какой главный старшина? -- оглядываясь по сторонам, спросил Стайер

и удивленно вытаращил глаза, когда капитан указал на Максима Борусу.

— Главный старшина Боруса! Побольше таких бойцов, и мы выиграем эту войну!.. Поздравляю вас с очередным званием. Если нас не уничтожат в ближайшие полчаса, вас ждут официальная церемония и награда за мужество.

— Как прикажете, господин капитан, — ухмыльнулся Максим.

Все отлично складывается! Теперь он главный старшина, а на груди у него заблестит медаль или даже орден! Пусть Боевой флот Готического Сектора отступает! У Максима Борусы на данный момент все в полном порядке!

Уланги напряженно следил за тем, как изрядно потрепанные эскадрильи истребителей и штурмовиков направляются к крейсеру. Их пилоты отважно сражались. Они защитили челноки от истребителей, перехватили штурмовики, летевшие к «Махариусу», отогнали вражеские эстинцы и непрерывно

атаковали «Прокаженный». Однако за эти успехи они заплатили большими потерями, и Ритус Найдер все больше и больше тратил, глядя, как мало машин возвращается на родной корабль.

Командующий Боевым флотом Готического Сектора адмирал Равенсбург называл боевые потери «оплатой счетов косточек мясника». Но впервые руководившему сражением лейтенанту Уланту это сравнение было не по душе.

— Где капитан Семпер?

— Поднимается на мостик... — начал было доклад один из младших офицеров, но его слова заглушил возглас сигнальщика:

— Штурмовики противника повернули назад! Вражеские корабли тоже! Они отступают!!!

Не веря своим ушам, старший помощник взглянул на монитор командного пульты. «Махариусу» приходилось несладко, и Улант уже сомневался в том, что ему удастся уцелеть в этом бою и уйти от вражеской погони. И вот теперь, вместо того чтобы методично добивать отступающие

имперские корабли, флот противника внезапно бросился врассыпную, подальше от Белатиса.

Не успел сигнальщик открыть рот, чтобы выкрикнуть новый доклад, как Улантис с ужасом осознал, что именно сейчас произойдет и почему вражеские суда пустились наутек.

— Энергетический всплеск невероятной силы! Даже приборы зашкалило! Клянусь Вандиром, это «Убийца Планет»! Он открыл огонь по Белатису!

На мониторах всех кораблей, находившихся в звездной системе, мельтешили сплошные помехи. «Убийца Планет» обрушил всю мощь своего оружия на Белатис. Энергия его колоссальных излучателей за несколько секунд нагрела атмосферу обреченной планеты. В небе Белатиса забушевал огненный шторм. Первый разряд поразил самый большой океан восточного полушария в двух тысячах километров к юго-западу от Мадины. В небо взлетело хорошо

заметное даже из космоса облако пара — мгновенно вскипели и испарились в раскаленной атмосфере миллионы тонн морской воды. Удар расколол дно океана. Оставшаяся в нем вода взмыла вверх и трехкилометровой волной потчалась по экватору Белатиса, затопив два ближайших континента и бесчисленное множество островов.

Техножрецы, управлявшие оружием «Убийцы Планет», не случайно выбрали этот океан для первого удара. Им указала на него дистанционная разведка коры Белатиса. На этот же океан указывали и все демонические оракулы. На его дне кора планеты была особенно тонкой и подвижной. Удар колоссальной силы расколол ее, вызвав ряд землетрясений, пробудил ото сна давно погасшие вулканы и породил множество новых, вылезавших теперь из-под земли, как грибы. Колебания коры Белатиса распространялись очень быстро и вызвали огромные разрушения на другом полушарии планеты еще до того, как туда добрался огненный шторм и докатилась чудовищная волна.

Тем временем «Убийца Планет» продолжал стрелять в образовавшуюся стокилометровую трещину в коре планеты. Смертоносная энергия проникла к расплавленному ядру Белатиса.

Прятавшиеся в развалинах Мадины хаоситы с недоумением разглядывали зарево, возникшее на далеком горизонте. Оно становилось все ярче и наконец, вспыхнуло ослепительным пламенем. Под землей раздался злобещий гул, и остатки зданий начали рушиться прямо на головы еретиков. Огни из них молили о спасении телных богов Хаоса. Другие раскаялись и умоляли Императора о прощении. Но боги им не внимали...

Через каких-то двадцать минут после первого удара Белатис развалился на куски. На борту «Убийцы Планет» ликующие техножрецы отпраздновали победу, принеся пятьсот отборных рабов в жертву демоническим силам, заключенным в чудовищной пушке их гигантского корабля.

Ходили слухи о том, что Абaddon

Осквернитель остался весьма доволен. Пока уничтожение Белатуса можно было считать самой удачной операцией с участием «Убийцы Планет». Возрадовавшиеся техножрецы принесли в жертву еще пятьсот рабов, чтобы отпраздновать благодушное настроение своего повелителя и прочесть будущее по внутренностям еще живых жертв. Тагание сулило дальнейшие успехи. До конца войны «Убийца Планет» уничтожит еще множество вражеских тиров!

«Прокаженного» не коснулись удары гравитационных волн погибающего Белатиса. Его вакуумные щиты отразили языки пылающей магмы, но на корпус обрушился град раскаленных метеоров, усугубивших повреждения, нанесенные крейсеру ракетами вражеских штурмовиков.

– Убрать! – Бүль Сирл протянул изъеденную проказой руку, указывая на останки старшего помощника, которые валялись в луже крови посреди капитанского мостика.

Два космогесантника Хаоса поспешили утащить раздавленный труп. Сирл сверлил глазами остальных членов экипажа, ожидая, остелится ли кто-нибудь еще перечить капитану.

– Нам помогает сам Дегүшка Нүргл! – заявил Бүль Сирл. – Мы выполним его волю, а он сохранит нас, пока всякие слабаки пляшут под гудку выскочки Абадгона!

Капитан «Прокаженного» кивнул на измазанный слизью иллюминатор, за которыми виднелись силуэты кораблей сил Хаоса и огромный корпус «Убийцы Планет». Преследование имперских судов продолжал только «Прокаженный». Сирл не побоялся града обломков, разлетающихся от развалившейся планеты. И теперь самое страшное позади. Теперь перед «Прокаженным» лишь открытый космос!

— Ну, что я вам говорил?! Дедушка Нургл спас нас. А мы отблагодарим его и отомстим за гибель «Слетворного»!

Прямо по курсу Бүль Сирл видел две светящиеся точки. Имперские корабли! Оба пострадали в бою, и оба хотят унести ноги от «Убийцы Планет»! Трусливые командиры Абадгона не выказали ни малейшего желания преследовать беглецов. Впрочем, Бүля Сирла это совершенно не расстраивало. Он желал самолично уничтожить «Махариус». Даже получив серьезные повреждения, «Прокаженный» мог двигаться достаточно быстро.

Жаль, что погибло и второе чадо

капитана, отправленное им на борт «Махариуса». Впрочем, теперь это уже неважно...

-- Носовые батареи -- к бою! -- приказал Сирл, поудобнее устраивая свою гниющую тушу в капитанском кресле из человеческих костей. -- Открывайте огонь, как только цель окажется на дистанции стрельбы!

«Махариус» содрогнулся от очередного попадания в корпус.

-- Пятый двигатель. Неполадки в системе охлаждения. Совокупная мощность двигателей упала на треть, -- бесстрастным голосом доложил сервитор, не отдающий себе отчета в том, что только что вынес «Махариусу» смертный приговор.

Селпер и Уланги невесело переглянулись. Проклятый вражеский крейсер, несмотря ни на что, висит на хвосте, методично расстреливая двигатели «Махариуса». Если так пойдет и дальше, через несколько минут имперский крейсер вообще остановится!

«Махариус» и «Суровое Воздаяние» оказались в очень тяжелом положении. Если не изменят курс, им не удастся уйти от быстроходного вражеского судна. Если же они попробуют развернуться к противнику носом, тот успеет открыть огонь своими мощнейшими бортовыми батареями и почти наверняка уничтожит оба крейсера.

«Суровое Воздаяние» лишился орудийных палуб правого борта, а на «Махариусе» почти не осталось боеспособных иштурмовиков. При таком положении дел ни одному, ни другому не победить в схватке с вражеским крейсером.

— Как прикажете поступить? — пробормотал Уланти. Нужно было спешно что-то предпринять.

— Приготовиться к повороту. Встаем к противнику правым бортом. Там у нас, кажется, уцелели кое-какие орудия!.. Свяжитесь с «Суровым Воздаянием» и пожелайте ему удачи. Прикажите им немедленно покинуть эту звездную систему. Обоим кораблям погибать ни к

чету, а мы задержим противника. Он ведь
охотится за нами, а не...

Молча кивнув, Улантис уже
повернулся, чтобы отдать приказание, но
тут прозвучал возглас сигнальщика:

— Цель прямо по курсу! Боевой
корабль. Он только что включил свои
энергетические системы!

— Что за корабль? — взревел Семпер,
проклиная себя за то, что позволил силам
Хаоса заманить себя в ловушку.

Какое-то судно обошло их с фланга и
отрезало путь к отступлению. Теперь не
спастись даже «Суровому Воздаянию»!

— Какая неожиданная, но приятная
встреча! — прохрипел по открытому
каналу связи Эрвин Ратас...

«Дракенфельс» дрейфовал в
космическом пространстве с
выключенными двигателями, ожидая
своего часа. Наконец терпение его экипажа
было вознаграждено. Вновь включив
двигатели, имперский крейсер полным
ходом ринулся на врага.

— Вижу цель! — доложил

артиллерийский офицер.

-- Торпедный залл! -- радостно
скомандовал Рамас.

Ювелирно наведенные на цель
торпеды пронеслись плотным строем
между «Махариусом» и «Суровым
Воздаянием».

Бүль Сирл еще не оправился от
удивления при виде невесть откуда
взявшегося третьего имперского крейсера,
а ему уже доложили о торпедах...

Прекрасно понимая, что на
«Махариусе» почти не осталось
штурмовиков, Сирл давнo перевел всех
артиллеристов на дальнoбойные батареи.

Теперь сбивать торпеды было некому!

Нос «Прокаженного» разлетелся на
куски. Вторая торпеда поразила верхнюю
часть командной рубки. Полопались
энергопроводы. Раскаленная плазма
хлынула в отсеки. Остановились
двигатели крейсера. «Прокаженный» стал
неуправляем, и его засосало в
гравитационный колодец, оставшийся на
месте разрушенного Белатуса. В этом
колодце судно могло разбиться в лепешку с

любой из крупных кусков развалившейся планеты или вечно летать среди ее обломков.

В результате попадания торпеды в командную рубку Бүля Сирла придало обрүшившейся переборкой. Его обрүзгшее тело лопнуло из-за стремительной декомпрессии, но многочисленные мутации не дали ему умереть сразу. Он понимал, что может корчиться в страшных муках еще много месяцев, пока его организм пытается спороти, прорастающими на поверхности его гниющего тела. Отплевываясь слизью, Сирл беззвучно просил Дедүшкү Нүргла о быстрой смерти, но Повелитель Раснага не подал и виду, что слышит его мольбы.

Через несколько часов после окончания битвы аварийные команды «Махариуса» приступили к устранению повреждений. Они чинили то, что могли починить, относили в лазарет раненых. Корабельные проповедники быстро бормотали над убитыми заупокойные молитвы, и тела улетали в космос через распахнутые люки.

воздушных шлюзов. Тогда же отправляли и обломки.

Одна из аварийных команд наводила порядок в машинном отделении под огнями из плазменных реакторов. Помещение и все, кто в нем находился, были уничтожены пожаром. Других повреждений в этой части судна обнаружено не было, но матросы из аварийной команды привыкли не забивать себе голову лишними вопросами.

— Смотри! Один еще жив!

Матросы недоверчиво уставились на один из обугленных трупов. У него сгорели волосы и вся кожа на лице. Как ни странно, на этом человеке было надето нечто напотинающее летный комбинезон, сплавившийся с телом несчастного. Все признаки различия и надписи тоже расплавились. Рядом валялась груда спекшихся костей, слишком большая для скелета одного человека. Аварийная команда не поняла, что это было, но инстинктивно обошла кости стороной.

Заметив, что изуродованное тело все-таки дернулось, один из матросов

потянулся к голенищу сапога за ножом.

— Давай его лучше прикончим. Вряд ли он захочет жить. А наши костоправы вполне могут выкинуть его живым из шлюза вместе с трупами...

— Нет. Не трогай его, — запротестовал второй — добросердечный толстой человек, воспитанный в благоговейном страхе перед Императором.

Что-то поразило его в обгоревшем человеке. Юноша наклонился к нему, осторожно взял его за изуродованную руку и прошептал прямо на ухо:

— Не бойся! Мы отнесем тебя в лазарет! Врачи поставят тебя на ноги!

Незнакомец застонал и что-то пробормотал беззубым ртом.

— Что он там хрипит?

— Не понимаю. Какой-то бред. Что-то про ангелов и мстителей. Наверное, у него полностью съехала крыша...

Вслед за «Суровым Воздаянием» и «Дракенфельсом» «Махариус» шел к точке перехода в варп. Прямо по курсу царил непроглядный мрак костоса, из которого

доносились переговоры ушедшего далеко
вперед конвоя. За кормой крейсера
постепенно угасало красное зарево, все еще
светившееся на месте разрушенного
Белатиса. Со временем осколки планеты
сформируют пояс астероидов вокруг
местного светила, а имперские
астрографы отметят на своих картах
этот мир как навсегда утраченный для
Империи.

Селпер, Улант и Бизантан стояли
у иллюминатора и молча смотрели на
обломки исчезнувшего мира, некогда
населенного сотнями подданных
Императора.

Селпер переоделся в чистый мундир.
На боку у него вместо привычной сабли
теперь висел тяжелый ценный меч,
штатное оружие имперских гвардейцев.

— Мне подарил его отважный боец и
верный слуга Императора, — объяснил
капитан, поймав вопросительный взгляд
лейтенанта. — Это память о дружбе и
данном ему обещании.

Взглянув на меч, Бизантан сразу
узнал его и тоже вспомнил человека.

которому принадлежало оружие.

— Что же вы ему обещали? — спросил он, догадываясь, что и сам совсем недавно дал этому человеку то же обещание.

В последний раз взглянув на зарево за кормой, Семпер приказал готовиться к переходу в варп и закрыть иллюминаторы бронещитами.

— Я обещал ему, что мы больше не будем отступать, жертвуя целыми миратами и ни в чем не повинными жителями. Я обещал, что мы наконец-то вступим с противником в бой, — сжав рукоятку меча, добавил Семпер, — и погоним его поганой метлой прочь за пределы Империи!

Уланги и Бизантан молча кивнули. За их спинами с лязгом опустились бронешиты, скрыв осколки планеты Белатис.

В отсеке «Убийцы Планет» Абагдон Осквернитель с удовлетворением поглядывал на огромную трехмерную карту, следя за тем, как кувыркаются в пространстве куски Белатуса. Сегодня Осквернитель был доволен, но более внимательное изучение карты его немного насторожило.

Он начал рассматривать окраину звездной системы. Один из его адъютантов выкрикнул хриплую команду, и техножрецы, кое-как научившиеся управлять загадочной картой, принялись увеличивать то место, на которое упал взор их повелителя. Изображение дрогнуло, изменилось и показало, наконец, корабли, стремящиеся к точке перехода. Глядя на имперский конвой, Абагдон нахмурился. Как постели эти людишки избежать уготованной им участи?!

Внимание Осквернителя привлек неуклюжий потрепанный крейсер, замыкающий строй. Абагдона посетило

стутное предчувствие того, что этому
кораблю предстоит сыграть решающую
роль в грядущих событиях, но в
раздражении он отогнал эти мысли. При
чем тут какой-то ничтожный корабль?
Что значит этот жалкий конвой, и даже
грязная планета, которую он уничтожил, в
сравнении с тем, что уготовано
Вселенной!

-- Покажите! -- приказал
Осквернитель, и карта вновь
переменилась, засверкав огнями всех
светил Готического Сектора.
Разглядывая шесть ярких точек,
Осквернитель огниги губами шептал: --
Фүлярис! Анвил-206! Фир! Ребо!
Шингельгейст! Бригуя!..

Шесть звездных систем, хранящих
древнее наследие давно исчезнувших
цивилизаций! Выстроившие там свои
крепости людишки даже не подозревают,
какая колоссальная сила скрыта прямо у
них под ногами. Они ползают по этим
планетам, словно муравьи по броне танков.
И не понимают, чем владеют!

Почувствовав рядом движение,

Абаддон резко развернулся.

— Повелитель! — Агьютант согнулся в подобострастном поклоне. — Корабли нашего флота выстроились в походный порядок и ждут приказа выступить.

Абаддон задумался. «Убийца Планет» продемонстрировал свои возможности во всей красе. Противник в ужасе ждет, но какому миру будет нанесен следующий удар, но не понимает истинной цели этих атак. Пожалуй, стоит приоткрыть завесу тайны.

Враг думает, что Абаддон хочет захватить несколько систем Готического Сектора. Что же он скажет, когда к ногам Осквернителя падут шесть крепостей, где скрыто нечто, способное поработить весь Империя Человечества?

— Приказываю идти к Чернокаменной Крепости на Ребо VI! — проговорил Абаддон.

Хорус повелел: «Пусть Галактика горит огнем!», и очень скоро его приказание будет исполнено.